
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ДВИЖЕНІЕ УГОЛОВНАГО ПРОЦЕССА.

М. Л. ГОЛЬДШТЕЙНЪ

ДВИЖЕНІЕ
УГОЛОВНАГО ПРОЦЕССА

ПРАКТИЧЕСКІЕ ПРИМѢРЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“ Фонтанка, 86
1907

Предисловіе.

Рѣчи, произносимыя въ судебныхъ засѣданіяхъ адвокатомъ - криминалистомъ, составляютъ только одну сторону его дѣятельности,—красочную, сценическую и самую благодарную. На ряду съ этимъ существуетъ огромный, но совершенно незамѣтный и не эффектный трудъ писанія жалобъ, апелляцій, кассацій, которыхъ, однако, занятому криминалисту приходится составлять во множествѣ. Такого рода письменная работа требуется отъ криминалиста чаще всего въ стадіи предварительнаго слѣдствія, когда обвиняемый, будучи не субъектомъ въ состязательномъ процессѣ, а объектомъ инквизиціоннаго разслѣдованія, наиболѣе безпомощенъ и наиболѣе нуждается въ руководствѣ адвоката-правозаступника.

Но такъ какъ именно въ этой стадіи процесса участіе защиты нашимъ закономъ не допускается, и адвокату приходится дѣйствовать подъ забраломъ, то здѣсь необходимо проявить величайшую добросовѣстность относительно каждой составленной бумаги и каждаго даваемаго совѣта.

Таково положеніе вещей, съ которымъ молодымъ криминалистамъ приходится считаться въ самомъ началѣ дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться опытомъ старшихъ товарищей, внѣ личныхъ консультацій съ ними, нѣтъ никакой возможности, ибо въ области уголовнаго процесса не существуетъ такихъ сборниковъ, какъ превосходныя книги Вербловскаго, Исаченко, Гордона, которыя для начинающаго цивилиста служатъ сильнымъ и часто незамѣнимымъ подспорьемъ.

Авторъ предлагаемаго сборника далекъ отъ мысли сравнивать свой трудъ въ качественномъ отношеніи съ произведеніями вышеупомянутыхъ цивилистовъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ является пер-

вымъ опытомъ нагляднаго изображенія въ практическихъ примѣрахъ движенія уголовнаго процесса въ его главнѣйшихъ моментахъ, — начиная съ жалобы о возбужденіи дѣла и кончая кассаціонной жалобой, т. е. отъ возникновенія уголовнаго процесса—до его завершенія.

Среди приводимыхъ здѣсь практическихъ примѣровъ нѣтъ ни одного выдуманнаго, такъ сказать, педагогическаго: всѣ они взяты изъ живой судебной практики; всѣ они—дѣйствительные случаи изъ „уголовной клиники"; только имена собственныя, по понятнымъ причинамъ, замѣнены псевдонимными.

Чтобы устранить при пользованіи сборникомъ необходимость имѣть подъ рукой кассаціонныя рѣшенія, — въ него включены выписки изъ подлинныхъ рѣшеній уголовн. кассац. д-та Правит. Сената. Кромѣ того, приложены указатели: 1) предметный, 2) статей уст. угол. суд. и 3) рѣшеній угол. касс. д-та.

М. Гольдштейнъ.

Январь 1907 года.

ГЛАВА I.

Возбужденіе уголовнаго дѣла.

Въ числѣ законныхъ поводовъ къ начатію предварительнаго слѣдствія, ст. 297 Уст. Угол. Суд. на первомъ мѣстѣ ставитъ „объявленія и жалобы частныхъ лицъ". Ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не могутъ отказать въ начатіи слѣдствія лицу, потерпѣвшему отъ преступленія или проступка (ст. 303 Уст. Угол. Суд.), развѣ бы къ тому не оказалось достаточнаго основанія (ст. 262 Уст. Угол. Суд.). Потерпѣвшій, если онъ не пользуется правами частнаго обвинителя, признается, въ случаѣ заявленія иска о вознагражденіи во время производства уголовнаго дѣла, участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ (ст. 6 Уст. Угол. Суд.), но дѣйствующимъ въ стадіи предварительнаго слѣдствія только лично, а не черезъ повѣреннаго (Рѣш. Угол. Касс. Д-та 1884 г., № 11). Если же потерпѣвшимъ является лицо не физическое, а юридическое, то таковое можетъ приносить жалобы и вообще участвовать въ предварительномъ

слѣдствіи черезъ повѣреннаго (рѣш. Угол. Касс. Д-та 1892 г., № 59); равно и по дѣламъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, подача жалобъ и возбужденіе дѣла предоставляется повѣреннымъ потерпѣвшихъ (рѣш. 1892 г., № 59).

Такимъ образомъ, жалобы о возбужденіи уголовнаго дѣла приносятся отъ имени самихъ потерпѣвшихъ, а не повѣренныхъ, за исключеніемъ однако тѣхъ случаевъ, когда потерпѣвшимъ является юридическое лицо, или, хотя бы и физическое, но только въ качествѣ частнаго обвинителя.

Жалобы пишутся на имя прокурора окружнаго суда или непосредственно того судебнаго слѣдователя, въ участкѣ коего совершилось преступленіе или проступокъ (ст. 288 и 293 Уст. Угол. Суд.).

Прокуроры предварительныхъ слѣдствій сами не производятъ, но даютъ предложенія о томъ судебнымъ слѣдователямъ (ст. 278 Уст. Угол. Суд.). Слѣдовательно, въ случаѣ признанія прокуроромъ жалобы основательной,—онъ является лишь передаточной инстанціей между потерпѣвшимъ и судебнымъ слѣдователемъ. Въ случаѣ же сомнѣній, возникающихъ у прокурора по поводу жалобы, напримѣръ, о гражданской

преюдиціи (ст. 27 Уст. Угол. Суд.), т. е. въ дѣлахъ наиболѣе сложныхъ и спорныхъ, прокуроръ можетъ, усмотрѣвъ преюдицію тамъ, гдѣ ея нѣтъ, или наоборотъ, вернуть жалобу—и въ такомъ случаѣ жалоба на него можетъ быть принесена лишь прокурору палаты (примѣнительно къ ст. 287 и 539 Уст. Угол. Суд.). Между тѣмъ, если жалобѣ не будетъ данъ ходъ судебнымъ слѣдователемъ (на основаніи ст. 262 Уст. Угол. Суд.), то на это, какъ равно и на всякое его дѣйствіе, можетъ быть принесена жалоба окружному суду (ст. 493 Уст. Угол. Суд.), затѣмъ судебной палатѣ (ст. 893 Уст. Угол. Суд.) и наконецъ правительствующему сенату—въ порядкѣ надзора (ст. 249, 249[1] и 250 Учр. Суд. Уст. и рѣш. Угол. Касс. Д-та 1892 г., № 59).

Такимъ образомъ, подача жалобы непосредственно судебному слѣдователю не только ускоряетъ начатіе предварительнаго слѣдствія, но это конечно самое главное—и даетъ гарантію коллегіальнаго и инстанціоннаго порядка.

Практическіе примѣры.

I.

Жалоба потерпѣвшаго (по дѣлу акціонернаго общества) Судебному Слѣдователю.

Господину Судебному Слѣдователю *** участка при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ.

Акціонеровъ металлургическаго общества „Сфинксъ"—Петрова, Степанова и Григорьева, живущихъ (адреса)

ЖАЛОБА.

Въ 1890 году мною, Петровымъ, и купцомъ Ивановымъ создано было въ Донецкомъ бассейнѣ, при ст. Петровка,—металлургическое дѣло, которое съ теченіемъ времени разрослось до размѣровъ милліоннаго предпріятія, дававшаго ежегодно сотни тысячъ руб. прибыли. Въ 1895 году я и Ивановъ, задумавъ превратить наше дѣло въ акціонерное предпріятіе, пригласили въ качествѣ соучредителя дѣйст. стат. совѣт. Звѣздарева и, по

воспослѣдованіи 1 мая 1896 г. Высочайшаго утвержденія выработаннаго нами устава общества „Сфинксъ" съ основнымъ капиталомъ въ $1^{1}/_{2}$ мил. руб., удѣлили Звѣздареву и нѣкоторымъ другимъ лицамъ акціи на сумму около 200 т. р., а по 2400 акцій достались мнѣ и Иванову, какъ эквивалентъ за перешедшее къ обществу наше имущество. Въ правленіе вновь образованнаго общества вошли: дѣйст. стат. совѣт. Звѣздаревъ, въ почетной роли предсѣдателя, а я и Ивановъ директорами правленія (см. приложеніе 1-ое, протоколъ перваго общ. собранія акціонеровъ общества „Сфинксъ" 1 декабря 1896 г. Дѣла предпріятія, преобразованнаго въ акціонерное общество, продолжали идти по прежнему блестяще. Прибыль выразилась въ суммѣ:

За 1897 г.		За 1898 г.		За 1899 г.		За 1900 г.	
р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
343.137	72	381.136	15	342.476	61	364.457	32.

Посему и акціи о-ва котировались по 300—400 рублей, т. е. на 150 руб. выше номинальной цѣны.

Такъ продолжалось до 1901 г., когда Ивановъ и Звѣздаревъ, для своихъ самостоятельныхъ дѣлъ, стали нуждаться въ деньгахъ. Прежде всего ими были заложены въ разныхъ банкахъ и банкирскихъ конторахъ акціи „Сфинкса" и такъ какъ акціи котировались по высокой цѣнѣ, то и ссуды подъ нихъ

были получены въ очень большихъ размѣрахъ, такъ что оба директора правленія въ сущности уже получили за своиакціи солидную цѣну и потому были весьма мало заинтересованы въ процвѣтаніи о-ва; а банки, на рукахъ у которыхъ очутились акціи, являясь не хозяевами акцій, а лишь ихъ залогодержателями, были заинтересованы не въ аккуратномъ веденіи дѣла, а лишь въ аккуратномъ полученіи процентовъ по выданнымъ ссудамъ. Такимъ образомъ имѣвшіе фактически акціи были чужды дѣлу, а тѣ, кои фактически заправляли дѣлами, были чужды акціямъ. Дѣйствительно заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицомъ изъ трехъ директоровъ правленія оставался я одинъ. Поэтому я согласился на увеличеніе числа директоровъ правленія до пяти лицъ, думая, что такимъ образомъ съумѣю парализовать дѣятельность Звѣздарева и Иванова; но новые директоры гг. Семеновъ, Поповъ и др,—получившіе во исполненіе § 26 Уст. „на прокатъ" по 40 акцій, а въ сущности ничѣмъ, кромѣ полученія жалованія, въ процвѣтаніи о-ва не заинтересованные, скоро поняли, что на службѣ состоятъ и жалованье получаютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это угодно большинству голосовъ (прим. I къ § 41 Уст.), а потому постановленія правленія стали проходить по прежнему, но одобренныя уже не 2, а 4 голосами.

При такомъ положеніи вещей, когда Звѣздаревъ и Ивановъ имѣли большинство голосовъ и въ правленіи и въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, они въ широкихъ размѣрахъ стали черпать изъ кассы „Сфинкса" крупныя суммы денегъ для своихъ собственныхъ надобностей, ничего общаго съ интересами ввѣреннаго имъ предпріятія не имѣющихъ; для чего они большею частью прибѣгали къ слѣдующему способу. Дѣло въ томъ, что обществу „Сфинксъ" нужны были большія оборотныя средства, которыя получались путемъ учета векселей за двумя подписями: директора правленія, какъ векселедателя, и общества, какъ жиранта. Понятно, что получавшіяся такимъ образомъ средства шли всецѣло и исключительно для подкрѣпленія средствъ общества, а для директоровъ правленія, дававшихъ свои векселя, существовалъ въ книгахъ особый личный счетъ. Пользуясь существованіемъ этого порядка, Звѣздаревъ и Ивановъ стали часть денегъ, получавшихся отъ учета векселей, брать изъ кассы общества на свои личныя надобности, покрывая эти незаконныя позаимствованія такимъ бухгалтерскимъ пріемомъ, что директоры правленія числились по книгамъ не дебиторами о-ва, а его кредиторами, т. е. выходило, вслѣдствіе такого пріема, что не директоръ долженъ обществу, а, наоборотъ, общество будто бы должно своему директору.

Будучи создателемъ, организаторомъ и главнымъ руководителемъ общества „Сфинксъ", владѣя и въ настоящее время почти третью его акцій,—я, Петровъ,—не могъ оставаться равнодушнымъ къ беззаконіямъ, творимымъ директорами правленія, и понятно, мое участіе въ засѣданіяхъ правленія стало неудобно для директоровъ, поэтому меня стали вытѣснять изъ дѣла: отмѣняли мои распоряженія; предсѣдатель правленія, вопреки § 39 устава, требующаго, чтобы правленіе собиралось „во всякомъ случаѣ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ", не устраивалъ засѣданій, разъ я находился въ Петербургѣ и немедлено же собиралъ его, разъ только я уѣзжалъ изъ города; устныя мои заявленія неизмѣнно игнорировались или извращались правленіемъ. Все это принудило меня искать другихъ способовъ для борьбы съ беззаконіями правленія: посылать нотаріальныя заявленія, требовать созыва чрезвычайныхъ общихъ собраній (прил. 5-ое и 6-ое), просить избрать особую коммиссію и экспертовъ для провѣрки дѣлъ о-ва, просить избрать въ директоры правленія авторитетныхъ коммерсантовъ, обратиться въ Южный Биржевой Комитетъ, который, зная меня и мою дѣятельность, просилъ отъ своего имени заступничества М-ва Финансовъ. Но Министерство, не смотря на полное ко мнѣ сочувствіе, можетъ, какъ извѣстно,—по закону, производить реви-

зіи только въ кредитныхъ, а не въ промышленныхъ учрежденіяхъ. Что же касается директоровъ правленія, то они, не желая или уже не имѣя возможности сойти съ незаконнаго пути, рѣшили устранить меня изъ правленія во что бы то ни стало, а 15 марта 1902 г. постановили устранить меня отъ дѣлъ о-ва (прил. 6-ое) вовсе. Но по существу это былъ только маневръ со стороны правленія, такъ какъ послѣ ноября 1901 г. я не засѣдалъ больше въ правленіи, а 3-го января 1902 г. письменно заявилъ о моемъ продолжительномъ отъѣздѣ: этимъ я, по крайней мѣрѣ, снималъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія правленія, въ качествѣ его директора, но продолжалъ борьбу, какъ акціонеръ, владѣвшій третью всего предпріятія. Близилось обыкновенное общее собраніе 1 декабря 1902 года, въ которое правленіе представило годовой отчетъ; для его утвержденія требовалось по § 34 Уст. $^3/_4$ голосовъ, но такъ какъ отчетъ былъ составленъ неправильно (прил. 7), то общее собраніе его не утвердило и потребовало назначенія Коммиссіи. Тогда было созвано на 16 декабря второе общее собраніе, въ которомъ, по уставу, отчетъ можетъ быть утвержденъ уже простымъ большинствомъ голосовъ. Слѣдовательно, и я, и правленіе, располагавшее $^2/_3$ голосовъ, заранѣе знали, что отчетъ, не смотря на всѣ неправильности, будетъ все-таки утвержденъ.

Въ общемъ, положеніе сторонъ было къ этому моменту таково: М-во Финансовъ, вслѣдствіе ходатайства Биржеваго Комитета, затребовало объясненій отъ правленія; на собраніи 31 Мая было заявлено требованіе о назначеніи особой Коммиссіи; все это заставило правленіе нѣсколько задуматься. Я же зналъ, что формально—сила (большинство голосовъ) на сторонѣ правленія. И вотъ, когда правленіе обѣщало повести дѣло правильно и только просило сроку 6 мѣсяцевъ, послѣ чего я даже долженъ былъ опять стать во главѣ дѣла,—я согласился выждать эти шесть мѣсяцевъ, полагая, что дѣла общества еще можно будетъ возстановить, и 10 апрѣля 1902 г. былъ составленъ, такъ сказать, „мирный протоколъ“ (прил. 8); 1 мая состоялось общее собраніе, которое меня благодарило и „выразило надежду на скорое мое возвращеніе къ дѣятельности въ правленіи“. (прил. 9). Ближайшее будущее однако показало, что это былъ только ловко придуманный способъ директоровъ правленія избавиться отъ стѣсняющаго ихъ вмѣшательства моего въ дѣла о-ва. Система правленія заключалась въ томъ, чтобы на всѣ указанія о неправильныхъ дѣйствіяхъ отдѣлываться молчаніемъ, а доклады общимъ собраніямъ акціонеровъ излагать въ томъ смыслѣ, что въ беззаконіяхъ, творимыхъ правленіемъ, оказывался виновнымъ никто иной, какъ я-

же, ихъ жертва и единственно въ правильномъ веденіи дѣла заинтересованный акціонеръ. Такъ напр., прибыль о-ва, составлявшая за все время его существованія сумму свыше 850.000 р.—въ 1902 г. упала до суммы 38.993 р. 91 к., т. е. въ десять разъ меньше: естественно, что акціи также упали, именно съ 400 р. до 110—130 рублей; поэтому, на акціяхъ моихъ (около 3.000 штукъ), стоившихъ свыше милліона рублей, я потерялъ около 700.000 руб.; правленіе же докладывало (прилож. 21), что низкая котировка акцій на биржѣ—есть результатъ моего же „маневра", выходитъ, что я маневрировалъ для того, чтобы потерять $^3/_4$ мил. рублей. Далѣе: въ дѣло вошли люди, имѣвшіе одну акцію, а для избранія въ правленіе получавшіе акціи „на прокатъ"; правленіе же упрекало меня, что я создаю „акціонеровъ на часъ". На общихъ собраніяхъ неизмѣнно избирался предсѣдателемъ директоръ правленія Поповъ, хотя въ § 41 Устава прямо сказано, что предсѣдателя акціонеры „избираютъ изъ среды своей", а не изъ среды правленія, ибо, понятно, никто не можетъ быть своимъ собственнымъ судьею, а общее собраніе имѣетъ цѣлью именно обсужденіе дѣйствій правленія. Г. Поповъ неизмѣнно „сожалѣлъ, что вынужденъ подчиниться избранію", заявлялъ, что „предпочитаетъ подвергнуться упреку въ слабости, чѣмъ въ стремленіи ограничить

свободу критики“ и, послѣ возвѣщенія такой чисто парламентской программы, неизмѣнно руководилъ собраніемъ въ угодномъ и удобномъ для правленія смыслѣ, а протоколы общихъ собраній извращались до такой степени, что приходилось дополнять и возстановлять ихъ посредствомъ нотаріальныхъ заявленій (см. прил. 10, 11 и 12). А правленіе докладывало, что именно эти нотаріальныя заявленія „вредно отзываются на ходѣ дѣла“. Для придачи авторитета своимъ незаконнымъ постановленіямъ, заправилы о-ва собирали какое-то „Соединенное засѣданіе правленія и Ревизіонной Коммиссіи“—органъ, вовсе не предусмотрѣнный уставомъ, а потому незаконный, несмотря на свое громкое названіе. Дошло до того, что, вопреки § 42 уст., требующему предъявленія акціонерамъ за двѣ недѣли до общаго собранія книгъ правленія, со всѣми счетами, документами и приложеніями, — правленіе отказалось предъявить намъ, акціонерамъ, двѣ важнѣйшія книги: вексельную и журналъ, такъ какъ это составляетъ будто бы „коммерческую тайну“. Нечего прибавлять, что подобный образъ дѣйствій является незаконнымъ: у правленія, состоящаго на службѣ у акціонеровъ (§ 24 Устава) и могущаго быть смѣщеннымъ акціонерами даже до окончанія срока его службы (прим. 1 § 41 Устава) такъ-же не можетъ быть тайнъ отъ акціонеровъ, какъ

у всякаго служащаго не можетъ быть тайны отъ его хозяина. Затѣмъ—и это совершенно ясно—тайна появляется у служащаго лишь въ томъ случаѣ, когда онъ начинаетъ дѣйствовать во вредъ интересамъ хозяина.

Тѣмъ не менѣе и изъ тѣхъ книгъ и документовъ, которые удалось разсмотрѣть, а также изъ баланса и отчета правленія за 1902 годъ, представленнаго въ общее собраніе 1 декабря сего 1903 года, удалось установить цѣлый рядъ преступныхъ дѣйствій директоровъ правленія.

Дѣйствія эти подробно описаны въ представленной общему собранію докладной запискѣ Члена Ревизіонной Коммиссіи (отъ меньшинства акціонеровъ) Силина (прил. 13), въ нотаріальномъ заявленіи моемъ на имя предсѣдателя правленія Звѣздарева (прил. 14), въ нотаріальномъ заявленіи группы акціонеровъ на имя правленія о-ва „Сфинксъ“ (прил. 15 и 16), въ заявленіи группы акціонеровъ общ. собр. 1 декабря 1903 г. (прил. 17), въ детальной запискѣ акціонера Федорова (прил. 18) и въ прошеніи на имя Министра Финансовъ отъ 30 Мая 1903 г. (прил. 23),

На первомъ общемъ собраніи 1 декабря 1903 г., въ которомъ опять таки для утвержденія отчета требовалось ³/₄ голосовъ, отчетъ опять не былъ утвержденъ: тѣмъ не менѣе общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ того же Попова, тутъ же вновь из-

брало тотъ же составъ правленія, дѣятельность котораго общее собраніе неутвержденіемъ отчета признало неправильной. Требованіе объ избраніи Коммиссіи для провѣрки дѣятельности правленія не было принято, а вторичное общее собраніе съ тѣмъ же предсѣдателемъ Поповымъ утвердило отчетъ уже простымъ большинствомъ голосовъ, при чемъ вопреки ст. 13 „Правилъ 21 дек. 1901 г.“ (прил. 19) и разъясненія Отдѣла Торгов. М-ва Фин. отъ 17 іюня 1903 г. № 3875 (прил. 20), члены Ревизіонной Коммиссіи также приняли участіе въ голосованіи. Такимъ образомъ въ настоящее время неправильный отчетъ утвержденъ незаконнымъ большинствомъ голосовъ.

Преступныя же дѣянія правленія заключаются въ слѣдующемъ:

1) Директоръ правленія Ивановъ извлекъ изъ кассы общества и обратилъ въ свою пользу 220.000 руб. наличными деньгами и векселями общества на 70 т. р., а всего 290.000 руб. но по книгамъ эта операція замаскирована такимъ образомъ, что тотъ-же Ивановъ фигурируетъ не какъ должникъ о-ва, а какъ его кредиторъ на крупную сумму 378.000 руб. Такое превращеніе достигнуто при помощи бухгалтерскаго пріема, состоящаго въ томъ, что Ивановъ получилъ на 70 т. р. векселя о-ва, легко реализируемые въ деньги и кромѣ того наличныя деньги 400 т. р. изъ кассы, а взамѣнъ этого напол-

нилъ кассу своими личными векселями, къ тому же частью предъявительскими, т. е. не подлежащими торговому обороту, ничего не стоющими векселями Лебедева и Макарова всего на 405 т. р. и наличными деньгами 155 т. р. Такимъ образомъ изъ кассы о-ва ушло 220 т. р. наличными и на 70 т. р. векселей.

Произвольно и противозаконно выданы деньги и векселя общества Минину, Глазову и Жадову; всѣ эти лица никакихъ торговыхъ операцій съ „Сфинксомъ“ не имѣютъ, но большинство уже прекратило платежи, а посему ссуды являются услугами для друзей, для о-ва-же убыточными и незаконными. Съ бухгалтерской стороны и эти операціи прикрыты той же фикціей, т. е. по книгамъ эти лица числятся кредиторами о-ва, какъ будто бы о-во имъ-же еще должно деньги. Такимъ путемъ розданы громадныя суммы (около 250 т. р.). А въ то же время правленіе въ своемъ докладѣ Общему Собранію 1 декабря 1903 г. указываетъ на „отсутствіе оборотнаго капитала, въ значительной мѣрѣ стѣсняющее дѣятельность общества“. И дѣйствительно, деньги о-ву обходятся до 11%, а взимаетъ оно по ссудамъ директ. 6%, такъ что лишь на разницѣ процентовъ, платимыхъ и взимаемыхъ за деньги, о-во терпитъ на каждые сто рублей 5 руб. убытка, а на всемъ оборотѣ убытокъ достигаетъ десятковъ тысячъ рублей.

Такія дѣйствія были бы преступны съ точки зрѣнія ст. 1155 Улож. о Нак. даже и въ чисто банковскомъ установленіи. Если же принять во вниманіе, что о-во „Сфинксъ“ учрежденіе промышленное, а не кредитное, что выдача ссудъ и учеты,—вообще банковскія операціи—и не предполагаются уставомъ о-ва (§ 1-ый), то вышеизложенныя дѣйствія директоровъ правленія являются ничѣмъ инымъ, какъ сознательнымъ нарушеніемъ довѣрія общества и растратой его имущества, замаскированной превращеніемъ должниковъ о-ва въ его кредиторовъ.

2) На основаніи § 34 устава общества, „поступающія въ правленіе суммы, не предназначенныя къ немедленному расходованію, вносятся правленіемъ въ одно изъ кредитныхъ установленій на имя Общества“. Между тѣмъ, если сопоставить наличность кассы о-ва съ положеніемъ текущихъ счетовъ, то окажется:

	Остат. кассы.	Остат. текущ. счет.
Къ 1 янв. 1903 г.		
Въ правленіи .	89.992 р. 86 к.	9.036 р. 77 к.
„ мѣст. конт.	66.118 „ 74 „	9.508 „ 49 „
„ южн. „	1.633 „ 65 „	383 „ 8 „
„ моск. „	4.616 „ 64 „	274 „ 55 „

Такимъ образомъ наличныя деньги, вопреки требованію устава, не вносятся въ банки, а остаются въ кассахъ. Казалось бы, что при

такомъ крупномъ скопленіи въ кассѣ наличности, оплата текущихъ расходовъ могла бы производиться изъ этой наличности. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ на текущія потребности въ сотни рублей выписываются чеки на банки, а южная контора, имѣя въ кассѣ 66 т. р., требуетъ по телеграфу изъ Петербурга 50.000 р. Ясно значитъ, что въ южной конторѣ наличность кассы на 1-ое января существовала только на бумагѣ и запись 66.118 р. 74 к. является фиктивной. То-же наблюдается и въ кассѣ правленія, гдѣ подъ 17 и 18 дек. 1902 г. значатся внесенными Ивановымъ 71.000 руб., между тѣмъ и здѣсь на текущія надобности пишутся чеки на банки. Такимъ образомъ и въ кассѣ правленія запись не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а 71 т. р. записаны только для того, чтобы фиктивно уменьшить огромную задолженность Обществу Иванова. Ревизоръ правленія Черняковъ прямо заявилъ члену Ревизіонной Коммиссіи Силину, что „значившіеся въ остаткѣ въ кассѣ южной конторы деньги фактически не существовали“ (см. прил. 13).

Такимъ образомъ, вышеуказанныя записи въ книгахъ сдѣланы завѣдомо ложно съ цѣлью скрыть недостатокъ наличныхъ средствъ о-ва, присвоенныхъ директорами правленія для своихъ надобностей.

3) Какъ было указано выше, прибыль за

1902 г. выведена въ балансѣ въ размѣрѣ около 39 т. р., т. е. почти въ 10 разъ меньшемъ, чѣмъ за всѣ предшествующіе годы. Но если обратиться къ отчету, то окажется, что и эта цифра совершенно фиктивна, ибо на самомъ дѣлѣ отчетный годъ далъ не прибыль, а огромный убытокъ въ 150.000 руб. Прежде всего приходъ за тотъ же годъ упалъ на 347.642 р. 80 к., а задолженность возрасла на 983.008 р. 58 к. и въ результатѣ балансъ долженъ былъ быть сведенъ съ огромнымъ минусомъ. Чтобы уравновѣсить балансъ и скрыть истинное положеніе дѣла, въ активѣ отчета на 1 января 1903 г. показано возрастаніе имущества, принадлежащаго обществу, на 406.536 р. 33 к., т. е. выходитъ, что если увеличились долги, то за то прибавилось имущества. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ активъ увеличенъ только фиктивно. Такъ напр., пріобрѣтенныя обществомъ двѣ шахты показаны въ стоимости 181.880 р. 22 к., между тѣмъ какъ за нихъ заплачено только 165.000 р., а остальная сумма 16.880 р. 22 к. составляетъ %% за отсрочку 130.000 р. Нечего говорить, что уплата процентовъ за кредитъ составляетъ чистый расходъ (пассивъ), а не активъ. Также точно суммы расхода на ремонтъ имущества показаны въ стоимости самого имущества; убытокъ по эксплоатаціи промысла № 7 въ суммѣ 19.291 р. 57 к. приписанъ къ стоимости самого промысла. Также фиктивно

показана прибыль отъ эксплоатаціи промысла Тригорина и К° въ суммѣ 29.519 р. 43 к., ибо Т-во Тригоринъ и К° въ своихъ отчетахъ само показываетъ, что за 1901 и 1902 гг. никакихъ прибылей не было. Въ общемъ фиктивное увеличеніе актива равняется болѣе 150.000 р., т. е. той именно суммѣ убытка за 1902 г., которая скрыта правленіемъ.

Понятно, что если бы балансъ былъ составленъ правильно, то отчетный годъ пришлось бы заключить съ дефицитомъ въ 150.000 р., а не прибылью въ 39.000 р. Но тогда залогодержатели акцій г.г. директоровъ правленія потребовали бы ихъ выкупа. И вотъ для своихъ личныхъ выгодъ составляется фиктивный отчетъ съ несуществующей прибылью.

При установленіи степени участія отдѣльныхъ лицъ въ совершеніи вышеизложенныхъ преступленій, необходимо руководствоваться тѣмъ, что всѣ директоры правленія и члены ревизіонной коммиссіи дѣйствовали сознательно и солидарно,—или совершая преступныя дѣянія, или завѣдомо прикрывая таковыя, если онѣ были совершены другими.

Нотаріальными заявленіями отъ 22 мая. 28 мая, 29 мая и 3 іюня 1903 г. и докладной запиской Члена Ревизіонной Коммиссіи Силина — Предсѣдатель Правленія Звѣздаревъ, всѣ директоры Правленія и всѣ члены Ревизіонной Коммиссіи были поставлены въ извѣстность о совершенныхъ злоупотребле-

ніяхъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти лица составили, представили и утвердили завѣдомо фиктивный отчетъ. Затѣмъ: не только составленіе отчета, но и вся преступная дѣятельность означенныхъ лицъ происходила по предварительному между ними соглашенію. Одинъ директоръ получаетъ изъ кассы общественныя деньги по ордеру, подписанному другими директорами. Директоръ правленія беретъ изъ кассы около 10.000 рублей— деньги записываются въ счетъ другого директора. Общее собраніе постановляетъ выдать дивидендъ въ сентябрѣ, а правленіе выдаетъ его своимъ директорамъ и Членамъ Ревизіонной Коммиссіи уже въ іюнѣ. И это въ то время, когда общество, по собственному признанію правленія, такъ сильно нуждается въ оборотныхъ средствахъ. Члены правленія и Ревизіонной Коммиссіи состоятъ изъ лицъ, или заложившихъ свои акціи въ суммахъ, значительно превышающихъ ихъ теперешнюю стоимость, или вовсе ихъ не имѣющихъ, а владѣющихъ акціями по фиктивнымъ записямъ. Всѣ получаютъ крупные оклады (прибыль о-ва уменьшилась въ 10 разъ, а содержаніе правленія,—Ревизіонной Коммиссіи и служащихъ увеличилось вдвое) и никто не заинтересованъ въ дѣйствительномъ процвѣтаніи дѣла. Отношеніе къ интересамъ о-ва хищническое, въ немъ видятъ только ящикъ съ деньгами, которыя надо извлечь во что

бы то ни стало, не останавливаясь передъ подлогами, обманами и растратами; товаръ продается ниже собственной покупной цѣны, въ убытокъ, — лишь бы получать задатки и авансы, наполнить опустѣвшую отъ растратъ кассу и совершать новыя растраты. Интересы меньшинства акціонеровъ, владѣющихъ незаложенными акціями и потому дѣйствительно и единственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ,— грубо и дерзко игнорируются, а ихъ протестамъ противопоставляются угрозы объявить общество несостоятельнымъ и окончательно раззорить дѣло. Всѣ способы борьбы съ злоупотребленіями заправилъ дѣла, коимъ терять нечего, совершенно безплодны, благодаря фиктивному большинству голосовъ. Но такъ какъ никакое большинство не можетъ дать права совершать преступленія, то меньшинство акціонеровъ и прибѣгаетъ настоящей жалобой къ защитѣ судебной власти.

Въ виду всего вышеизложеннаго,—просимъ привлечь въ качествѣ обвиняемыхъ по ст. 13, 1198, 1199 и 1692 Улож. о нак. слѣдующихъ лицъ: Иванова и др.

Правленіе общества „Сфинксъ" помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Большой ул., въ д. № 07.

С.-Петербургъ,
1904 г. мая 27 дня.

II.

Жалоба потерпѣвшаго (по дѣлу акціонернаго общества) Судебному Слѣдователю.

Господину Судебному Слѣдователю *** участка г. С.-Петербурга.

Членовъ Правленія Общества „Лучъ“ Петрова и Глѣбова, живущихъ (адреса).

ЖАЛОБА.

Въ 1904 году правленію общества „Лучъ“ необходимо было получить ссуду подъ залогъ его облигацій второго выпуска на номинальную сумму въ одинъ милліонъ рублей. Правленіе состояло тогда изъ предсѣдателя Ивана Ивановича Иванова и членовъ (такихъ-то). Въ засѣданіи правленія 1 мая 1904 г. предсѣдатель г. Ивановъ доложилъ, что, для урегулированія финансовыхъ дѣлъ общества, ему предстоитъ произвести расходъ въ размѣрѣ 80.000 руб. и что объ этомъ уже состоялось рѣшеніе правленія. Этотъ расходъ ему былъ разрѣшенъ съ оговоркой о „личной отвѣтственности“ г. Иванова (прил. I). Подъ „отвѣтственностью“ г. Иванова разумѣлось дѣйствительное израсходованіе денегъ, вполнѣ

возможное при финансированіи милліоннаго дѣла.

Вопросъ о реализаціи облигацій кончился, однако, тѣмъ, что никто иной, какъ Государственный Банкъ, выдалъ ссуду подъ облигаціи общества „Лучъ", слѣдовательно, никакихъ расходовъ на коммиссіонеровъ и другихъ посредниковъ и не потребовалось. Такимъ образомъ правленіе вправѣ было ожидать, что г. Ивановъ вернетъ о-ву 80.000 р., которыя были ввѣрены ему для опредѣленной надобности, оказавшейся уже ненужной.

Но при провѣркѣ дѣлъ о-ва оказалось, что г. Ивановъ не только не вернулъ означенной суммы, но успѣлъ уже, совершенно безъ вѣдома и согласія правленія, получить изъ заводовъ о-ва еще свыше ста тысячъ руб. Это было достигнуто слѣдующимъ путемъ.

5 Мая 1904 г. г. Ивановъ, въ качествѣ предсѣдателя правленія, послалъ „конфиденціальное" письмо директору завода о-ва „Лучъ", въ которомъ, ссылаясь на протоколъ правленія отъ 1 мая 1904 г., просилъ держать въ его, Иванова, распоряженіи 80.000 руб. и по выдачѣ ихъ не провести эти деньги черезъ правленіе, а погасить производствомъ завода, т. е. скрыть отъ правленія.

Конечно правленіе, разрѣшая г. Иванову производить расходъ 80.000 руб., имѣло въ виду, что 1) деньги будутъ расходоваться каждый разъ и по мѣрѣ надобности съ

вѣдома, согласія и за счетъ правленія, на обязанности и отвѣтственности коего лежитъ финансированіе дѣлъ о-ва и 2) что деньги эти будутъ дѣйствительно а) расходоваться, б) въ интересахъ о-ва, какъ сказано въ протоколѣ, и в) на предметъ реализаціи облигацій.

На самомъ-же дѣлѣ осуществилось только одно: деньги дѣйствительно израсходованы г. Ивановымъ, но 1) не для реализаціи облигацій, которыя 5 мая 1904 г. принялъ Государственный Банкъ, т. е. такое учрежденіе, гдѣ ни о какихъ нелегальныхъ или полулегальныхъ расходахъ не можетъ быть и предположенія; слѣдовательно 2) и не въ интересахъ о-ва произведенъ расходъ; 3) расходъ произведенъ безъ вѣдома и согласія правленія, за его спиной такъ сказать, и при томъ не за его счетъ, а за счетъ завода, „производство" коего отнюдь не состоитъ изъ финансовыхъ операцій.

Такимъ путемъ, посредствомъ срочныхъ телеграммъ (прил. 4) за своею собственною подписью, г. Ивановъ получилъ изъ кассы завода за періодъ 16 мая 1904 г. по 25 августа 1904 г. сумму 80.000 руб., при чемъ даже въ срочныхъ депешахъ Ивановъ требовалъ, чтобы выдачи денегъ „не проводились по кассѣ".

Къ такому способу г. Ивановъ долженъ былъ прибѣгнуть потому, что выдачи денегъ изъ кассы правленія могли производиться

не иначе, какъ за подписью двухъ членовъ правленія. Что это было доподлинно извѣстно г. Иванову, видно изъ того, что 7 мая 1904 г., имѣя израсходовать 10.000 руб., онъ потребовалъ специальное разрѣшеніе отъ правленія, равно и кассовый ордеръ на эту сумму подписанъ двумя членами правленія. Но такъ какъ, вслѣдствіе принятія дѣла объ облигаціяхъ Государственнымъ Банкомъ на себя, на дальнѣйшія выдачи денегъ Иванову не послѣдовало бы согласія членовъ правленія, то г. Ивановъ и прибѣгнулъ къ кассѣ завода, а не правленія, при чемъ пользовался для достиженія своей цѣли протоколомъ отъ 1 Мая 1904 г., утратившимъ значеніе, какъ бы погашеннымъ дальнѣйшими событіями. Злоупотребленія г. Иванова были раскрыты слѣдующимъ образомъ: въ іюлѣ 1904 г. правленіе установило, что Ивановъ, будучи лично долженъ заводу къ 1 января 1904 г. 22.818 р. 87 к., взялъ въ февралѣ и маѣ 1904 г. въ томъ же заводѣ безъ разрѣшенія и вѣдома правленія для своихъ личныхъ надобностей еще сумму 15.473 р. 02 к. Какъ видно изъ документовъ (прил. 8 и 9), Ивановъ срочными депешами на имя директора завода платилъ деньгами, принадлежащими о-ву, по своимъ личнымъ векселямъ, а также переводилъ крупныя суммы себѣ въ Петербургъ, а именно:

1903 г.	1 іюля	20.000	р.
„	17 августа	10.000	„

1904 г. 16 мая	1.500 р.	
„ „ „	5.000	„
„ „ „	5.000	„
„ 27 мая	1.500	„

Даже проценты по личнымъ векселямъ г. Иванова уплачивались банку изъ суммъ, принадлежащихъ о-ву „Лучъ“.

Такимъ образомъ къ 30 іюня 1904 г. Ивановъ успѣлъ изъять изъ кассы завода по „личному счету“ 37.248 рублей, послѣ этого онъ погасилъ 10.000 р., а 27.248 р. такъ и остались непополненными.

Деньги эти были взяты Ивановымъ безъ всякаго на то права, ибо правленіе не только никогда не давало ему на это полномочія или согласія, но даже не подозрѣвало, что предсѣдатель широкой рукой черпаетъ изъ заводской кассы общественныя деньги. Мало того въ августѣ 1904 года новое правленіе потребовало по поводу „личнаго счета“ объясненія отъ Иванова, и онъ отвѣтилъ, что дѣло идетъ о „старыхъ расчетахъ“ съ заводомъ по различнымъ поставкамъ, между тѣмъ уже послѣ этого Ивановъ изъялъ изъ кассы завода еще 14.429 р. 3 к. для уплаты по его личнымъ векселямъ и для высылки денегъ ему въ Петербургъ. Такимъ образомъ эти объясненія Иванова оказались совершенно ложными. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла обнаружило вышеизложенныя злоупотребленія, при чемъ оказалось, что и въ другой

заводъ г. Ивановъ послалъ 19 мая 1904 г. такое же „конфиденціальное“ письмо, какъ и въ первый заводъ, съ такой же ссылкой на протоколъ 1 мая 1904 г. и съ такимъ же требованіемъ погасить эту сумму изъ производства завода.

По раскрытіи злоупотребленій, правленіе письмомъ отъ 23 мая 1904 г. (прил. 5) потребовало отъ г. Иванова внести въ кассу правленія не позднѣе 1 октября того же года: 1) 103.000 руб., изъятыхъ имъ изъ кассъ заводовъ и 2) 27.000 р., взятыхъ г. Ивановымъ самовольно изъ кассы завода. На это г. Ивановъ отвѣтилъ предложеніемъ (прил. 6) третейскаго суда относительно 103 т. р. и векселей на 27.000 рублей.

Такимъ образомъ правленіе о-ва „Лучъ“ обвиняетъ Иванова въ томъ, что, зная о состоявшемся уже 5 мая 1904 г. соглашеніи о реализаціи облигацій о-ва „Лучъ“ съ Государственнымъ Банкомъ и что поэтому правленіе не разрѣшитъ расходованія денегъ на несуществующій предметъ, онъ въ періодъ времени отъ 16 мая 1904 г. по 26 августа 1904 г. извлекъ безъ вѣдома и согласія Правленія изъ кассы одного завода 88.000 руб., а изъ кассы другого завода за время 16 мая—10 іюня 1904 г. сумму 15.000 руб. всего 103.000 рублей, для достиженія каковой цѣли онъ, пользуясь своимъ положеніемъ предсѣдателя правленія, разослалъ директорамъ означен-

ныхъ заводовъ конфиденціальныя письма, въ которыхъ, ложно увѣряя ихъ, будто бы правленіе разрѣшило ему позаимствованіе означенныхъ суммъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ расходованіи ихъ уже не было надобности, въ виду состоявшагося соглашенія съ государственнымъ банкомъ, извлекъ посредствомъ срочныхъ телеграммъ 103.000 р., но для сокрытія слѣдовъ преступленія убѣдилъ директоровъ заводовъ не проводить означениыхъ суммъ черезъ кассовыя книги, а записать ихъ въ счетъ производства. Кромѣ того, въ періодъ времени отъ 28 іюня 1904 г. по 30 іюня 1904 г. получилъ, въ качествѣ предсѣдателя правленія о-ва „Лучъ", безъ вѣдома и согласія правленія, 24.000 р., но употребилъ ихъ не на нужды о-ва, а израсходовалъ на свои личныя надобности.

Посему и на основаніи ст. 1665, п. 3 1671 и 1681 улож. о нак., покорнѣйше просимъ привлечь Ив. Ив. Иванова, живущаго (адресъ), къ законной отвѣтственности.

С.-Петербургъ,
1904 г. ноября   дня.

III.

Жалоба (частнаго лица противъ членовъ правленія акц. о-ва) Судебному Слѣдователю.

Господину Судебному Слѣдователю *** участка.

С.-Петербургскаго 1-ой гильдіи купца Степ. Степ. Петрова, живущаго (адресъ)

ЖАЛОБА.

По договору отъ 1 мая 1902 г. (приложеніе 1) я пріобрѣлъ за 13.379 руб. отъ „с-петербургскаго общества досокъ и балокъ“ 18200 штукъ разныхъ размѣровъ балокъ, согласно подписанныхъ обѣими сторонами вѣдомостей (прил. 2); но, въ виду неимѣнія у меня особыхъ помѣщеній, оставилъ весь купленный товаръ на храненіи у общества впредь до выборки его безъ остатка по мѣрѣ возникновенія въ томъ надобности (пунктъ 2-ой договора).

2301 балку я успѣлъ отъ общества получить, а отъ сдачи остальныхъ 15899 штукъ правленіе, несмотря на мои неоднократныя письменныя обращенія (приложеніе 3), уклонялось подъ разными предлогами и даже оставляло ихъ вовсе безъ отвѣта.

Тогда я обратился съ исковымъ прошеніемъ въ с.-петербургскій коммерческій судъ и въ обезпеченіе иска получилъ 1 іюля 1904 г. исполнительный листъ за № 000, а 28 августа того же года черезъ судебнаго пристава была произведена опись (прил. 4), но уже тутъ, при описи, артельщикъ торговаго дома Поповъ и Рѣзуновъ заявилъ, что 14449 балокъ принадлежатъ торговому дому и такъ какъ впослѣдствіи это было подтверждено и правленіемъ, то 9 сентября 1904 г. арестъ съ этихъ 14449 балокъ долженъ былъ быть снятъ; такимъ образомъ по описи было арестовано балокъ, принадлежащихъ мнѣ, 625 штукъ, а остальныя (свыше 15.000) были и къ тому времени уже растрачены. 19 сентября 1904 г. состоялось рѣшеніе коммерческаго суда: обязать с.-петербургское общество производства досокъ и балокъ сдать мнѣ, Петрову, въ мѣсячный со дня вступленія сего рѣшенія въ законную силу срокъ оставшіяся на храненіи у общества на заводѣ балки или ихъ стоимость—12602 рубля (приложеніе 5).

16 октября того же года рѣшеніе это было объявлено правленію, которое никакихъ отзывовъ о неудовольствіи и апелляціонныхъ жалобъ не принесло, а потому 1 декабря 1904 г. коммерческій судъ опредѣлилъ (приложеніе 6): рѣшеніе счесть вступившимъ въ законную силу и привести его въ исполненіе.

15 декабря 1904 г. былъ выданъ за № 0000 исполнительный листъ (приложеніе 7), но такъ какъ еще въ августѣ того же года надъ дѣлами „общества“ была учреждена администрація, то повѣстка объ исполненіи была вручена 20 декабря 1904 г. означенной администраціи и отъ предсѣдателя ея 27 декабря 1904 года полученъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „бывшія на храненіи у „общества“, на заводѣ его, балки купца Петрова, указанныя въ исполнительномъ листѣ с.-петербургскаго коммерческаго суда за № 0000, отъ общества въ администраціонную массу не поступили и на упомянутомъ выше заводѣ общества не имѣются“ (прилож. 7).

Такимъ образомъ, документальными данными устанавливаются слѣдующія по настоящему дѣлу обстоятельства:

1) мое имущество (балки на сумму 12602 р). было *ввѣрено* правленію о-ва для опредѣленной цѣли: храненія и потому находилось въ фактическомъ владѣніи общества (рѣш. угол. касс. д-та прав. сен. 1872, № 1313 и 1875 г., № 505);

2) ввѣрено было имущество *правленію* означеннаго общества, состоявшему, какъ видно изъ отчета о-ва за 1904 г. (прилож. 8), изъ г.г. X. Y. Z.; уголовная отвѣтственность каковыхъ лицъ совершенно одинакова, независимо отъ того, дѣйствовали ли они исключительно въ своихъ интересахъ, или

и въ интересахъ другихъ лицъ (рѣш. угол. касс. д-та 1893 г., № 13, по д. Павлова);

3) наконецъ, согласно рѣшенію угол. касс. д-та 1888 г., № 1, *окончаніе* преступленія опредѣляется распоряженіемъ со стороны виновнаго ввѣреннымъ ему имуществомъ какимъ-либо способомъ, на правахъ собственника, а что такое распоряженіе произошло, могло обнаружиться, согласно свойству существовавшихъ между мной и правленіемъ юридическихъ отношеній, лишь въ моментъ наступленія обязанности для правленія возвратить мнѣ, въ виду моего требованія, имущество; между тѣмъ провѣркой фактическаго положенія имущества установлено, что правленіе моимъ имуществомъ, безъ моего вѣдома и согласія, распорядилось, растратило его (рѣш. угол. касс. д-та 1893 г., № 13).

Такъ какъ гг. X. Y. Z. состояли членами правленія „общества" еще и въ апрѣлѣ 1904 г., т. е. когда описью судебнаго пристава (прил. 4) установлена растрата принадлежащихъ мнѣ балокъ, то я обвиняю означенныхъ членовъ правленія въ томъ, что, принявъ отъ меня на храненіе имущество, состоявшее изъ точно обозначенныхъ въ вѣдомостяхъ 18200 балокъ на сумму 13.379 руб. будучи обязаны по договору отъ 1 мая 1904 г. эти балки по моему требованію вернуть, они изъ означеннаго количества не вернули мнѣ, несмотря на мое требованіе,

15899 балокъ на сумму 12602 рубля, а обратили ихъ въ свою пользу и употребили на свои надобности.

Посему, и на основаніи ст. 1681 улож. о нак., прошу привлечь гг. X. Y. Z. къ уголовной отвѣтственности, а меня признать, на основаніи ст. 6 уст. угол. суд., участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ.

Въ моментъ обнаруженія преступленія правленіе помѣщалось въ С.-Петербургѣ по улицѣ, въ д. № .

Адреса членовъ правленія:

С.-Петербургъ,
1904 г. мѣс. дня.

IV.

Жалоба (частнаго лица противъ частнаго лица) Судебному Слѣдователю.

Господину Судебному Слѣдователю *** участка г. С.-Петербурга.

Московскаго мѣщанина Петра Степановича Петрова, живущаго въ С.-Петербургѣ, по ул., въ д. , кв. № .

ЖАЛОБА.

Лѣтомъ 1903 г. коммиссіонеръ Семенъ Гульденъ, узнавъ, что имѣющійся у меня капиталъ въ 12,000 руб. я желаю помѣстить подъ вѣрное обезпеченіе, предложилъ мнѣ дать эти деньги подъ закладную дома, принадлежащаго царскосельскому купцу Ивану Ивановичу Иванову. Я поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ Ивановъ вмѣстѣ съ Гульденомъ показали мнѣ на *** ул. предполагаемый къ закладу домъ; это была усадьба на берегу озера, съ двумя двухъэтажными деревянными домами, баней и дровянымъ дворомъ. На домѣ висѣлъ № 117. Подробнаго осмотра я, по просьбѣ Иванова, не производилъ, такъ какъ если бы въ Царскомъ

стало извѣстно, что онъ закладываетъ домъ, то это, по словамъ Иванова, скомпрометировало и подорвало бы его кредитъ. Но и при поверхностномъ осмотрѣ усадьба оказалась хорошей и стоющей больше 12.000 руб. Послѣ этого 1 августа 1903 г. у с.-петербургскаго нотаріуса Степанова была совершена, а 1 сентября того же года старшимъ нотаріусомъ утверждена закладная на домъ Иванова въ Царскомъ Селѣ по *** ул., подъ № 117. Въ закладной было указано, 1) что Ивановъ *проживаетъ* по *** ул., № 117, т. е. въ закладываемомъ мнѣ домѣ и 2) что онъ закладываетъ мнѣ усадьбу со всѣми *строеніями*. Такъ какъ ссуда обезпечивалась именно домами и потому, въ случаѣ пожара, осталась бы необезпеченной, то Ивановъ объявилъ мнѣ, что дома его застрахованы по предварительной квитанціи № 1111 въ о-вѣ „Россія“ въ 15.000 рубляхъ. Тогда я подалъ 25 августа 1902 г. въ означенное страховое общество заявленіе, что домъ Иванова въ Царскомъ Селѣ по *** ул., подъ № 117 заложенъ мнѣ въ суммѣ 12.000 рублей и того же 25 августа Ивановъ нотаріально обязался страховать этотъ домъ и впредь до окончанія срока закладной въ суммѣ не менѣе 12.000 р.

Прошелъ годъ, и вотъ недавно я узналъ, что Ивановъ ищетъ денегъ подъ вторую закладную своего дома; съ этимъ обращались и ко мнѣ. Я опять съѣздилъ въ Царское

Село, и когда подошелъ къ заложенному мнѣ дому, то увидѣлъ, что на немъ значится номеръ уже не 117, а 25, подъ номеромъ же 117 значится пустырь, безъ строеній, котораго въ прошломъ году я даже не видѣлъ и не зналъ, что таковой имѣется у Иванова. Такимъ образомъ Ивановъ заложилъ мнѣ не тотъ домъ, который показывалъ, для чего онъ снялъ табличку съ № 25 и повѣсилъ табличку съ № 117 и этимъ способомъ выманилъ у меня 12.000 руб. Обнаруживъ это, я обратился къ Иванову, и жена его, въ присутствіи г-на Попова, сознались, что мужъ ея обманулъ меня, оборудовавъ все дѣло вмѣстѣ съ Гульденомъ, который и былъ иниціаторомъ преступленія, получивъ за это отъ Иванова 1200 руб. Что я дѣйствительно былъ обманутъ и что Ивановъ подъ видомъ дома № 117 показывалъ мнѣ домъ № 25,—видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) и у нотаріуса Степанова, какъ видно изъ закладной, Ивановъ показалъ, что живетъ въ домѣ № 117, между тѣмъ какъ онъ никогда тамъ не проживалъ, а жилъ въ домѣ № 25;

2) какъ видно изъ моего заявленія страховому обществу, Ивановъ увѣрилъ меня, что въ о-вѣ „Россія“ застрахованъ въ 5.000 руб. домъ № 117, между тѣмъ какъ это страхованіе относится къ дому № 25;

3) въ самой закладной говорится о строеніяхъ, а въ участкѣ № 117 строеній нѣтъ.

Въ подтвержденіе вышеизложеннаго прошу допросить: 1) Александра Антоновича Попова, живущаго по Невскому пр. д. № 000 и 2) Сидора Карпова, живущаго по Невскому пр., д. № 00, кв. № 0. Показаніями этихъ свидѣтелей будетъ установлено, что Ивановъ и Гульденъ предварительно заклада усадьбы, перевѣсили номеръ съ участка 117 на 25, т. е. совершили такія тайныя приготовленія, посредствомъ которыхъ была подмѣнена усадьба. Этимъ они ввели меня въ заблужденіе и такимъ образомъ выманили у меня 12.000 р., т. е., согласно рѣш. угол. касс. д-та прав. сен. 1881 г. № 24 по д. Хоцятовскаго, 1884 г. № 6 по д. Ярошевскаго и 1889 г. № 16 по д. Дрянина,—совершили мошенничество.

Правда, Ивановъ совершилъ 10 августа 1903 г. на мое имя закладную, т. е. между мной и Ивановымъ существуетъ письменный актъ. Но все дѣло въ томъ, что акта этого вовсе не существовало бы, не будь мошенничества со стороны Иванова и Гульдена, ибо закладная относится къ ихъ преступленію, какъ слѣдствіе къ причинѣ. А въ такомъ случаѣ, согласно рѣшеній уголов. касс. деп. правит. сената: 1868 г. №№ 388; 770; 1870 г. № 591; 1871 г. № 1249; 1872 г. № 233; 1875 г. №№ 24, 217; 1876 г. № 203; 1877 г. № 88; 1882 г. № 32; 1902 г. № 43, и

рѣш. общ. собр. 1882 г. № 39, предварительнаго разсмотрѣнія дѣла судомъ гражданскимъ не требуется, такъ какъ въ этихъ случаяхъ судъ вовсе не разсматриваетъ существа и значенія сдѣлки, а входитъ лишь въ обсужденіе безусловно уголовнаго обстоятельства, былъ-ли обвиняемымъ совершенъ обманъ.

Въ виду вышеизложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить привлечь Иванова и Гульдена, живущихъ (адреса) къ отвѣтственности за мошенничество.

При семъ прилагаю: 1) выпись изъ крѣпост. с.-петерб. нотар. архива книги за 1903 г. № 00; 2) нотаріальную копію неустоечной записи за № 0000 отъ 10 августа 1903 г. и 3) копію моего заявленія отъ 28 августа 1903 г. въ общество „Россія“.

С.-Петербургъ,
1904 г. мѣс. дня.

V.

Объясненіе обвиняемаго Судебному Слѣдователю объ отсутствіи состава преступленія.

Господину Судебному Слѣдователю *** участка при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ.

Ивана Иванова

ОБЪЯСНЕНІЕ.

20 декабря сего года директоръ общества „Инженеръ“ подалъ вамъ жалобу и просилъ привлечь меня къ уголовной отвѣтственности по 1681 ст. улож. о нак. Вслѣдствіе чего представляю слѣдующія объясненія.

Отношенія между правленіемъ и мною опредѣляются: 1) проэктомъ (неподписаннымъ) договора отъ 2 февраля 1904 г.; 2) письмомъ правленія на мое имя отъ 5 февраля 1904 г. за № 3674; 3) телеграммой моей отъ 21 іюня 1904 г. и 4) довѣренностями, выданными мнѣ правленіемъ въ 1904 и 1905 гг. (въ дѣлѣ имѣется только послѣдняя) (приложенія: 9, 7, 33 и 64). Совокупность всѣхъ этихъ документовъ, а равно письмо правленія отъ 10 апрѣля 1905 г. за № 4013 (приложеніе 53), свидѣтельствуютъ по мнѣнію жалобщика о томъ, что я состоялъ пред-

ставителемъ общества при исполненіи подряда по постройкѣ мостовъ черезъ рѣки Каму и Бѣлую сѣверо-восточной желѣзной дороги и, получивъ въ теченіе 1904—1905 гг. отъ правленія общества значительныя суммы денегъ на расходы по означенному подряду, часть этихъ денегъ израсходовалъ якобы не по назначенію и не передалъ по принадлежности, а удержалъ у себя и обратилъ въ свою пользу.

Однако изъ представленныхъ документовъ и переписки не видно, чтобы я отрицалъ полученіе этихъ денегъ; напротивъ, я заявляю о существованіи между мной и правленіемъ общества отношеній по договору и утверждаю, что суммы, присвоеніе коихъ мнѣ могло бы быть вмѣнено въ вину, или издержаны мной исключительно на надобности по постройкѣ мостовъ, или же не получены еще отъ управленія по постройкѣ дороги, отчасти по винѣ самого правленія общества, при чемъ я, потерпѣлъ даже убытки (нотар. заявленіе отъ 17 января 1905 г. № 21, телеграмма Калугина, докладъ его-же — приложенія 75, 35 и 43), и при этомъ ссылаюсь на счеты и документы.

Такимъ образомъ по настоящему дѣлу моя уголовная виновность стоитъ въ зависимости отъ разрѣшенія вопросовъ, съ одной стороны—о пространствѣ и предѣлахъ правъ, предоставленныхъ мнѣ договоромъ отъ 6 февраля

1904 г. и довѣренностями за 1904—1905 гг., а съ другой—отъ повѣрки счетовъ, представленныхъ повѣреннымъ своему довѣрителю, или коммиссіонеромъ коммитенту, или однимъ контрагентомъ — другому: вопросы эти, какъ спорные между сторонами, подлежатъ, согласно ст. 27 уст. угол. суд. и рѣшеніямъ прав. сената (1870 г. № 952; 1873 г. № 1014; 1892 г. № 18; указъ II отд. угол. касс. д-та отъ 11 февраля 1900 г. по д. Яковлева) предварительному разсмотрѣнію гражданскаго суда и лишь послѣ рѣшенія послѣдняго дѣло можетъ быть обращено къ производству въ судъ уголовный.

Посему и въ виду отсутствія въ приписываемомъ мнѣ дѣяніи состава преступленія, прошу дѣло обо мнѣ представить, въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд., на прекращеніе окружному суду.

(Подпись).

С.-Петербургъ,
1 сентября 1905 г.

VI.

Обезпеченіе гражданскаго иска.

Господину Судебному Слѣдователю *** участка при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ.

Ивана Ивановича Иванова, живущаго:

ПРОШЕНІЕ.

Въ производствѣ вашего высокородія находится дѣло по обвиненію Степана Петрова въ вовлеченіи меня въ невыгодную сдѣлку. Постановленіемъ отъ 1 мая 1904 г. за № 000 я признанъ, на основаніи ст. 6 уст. гражд. суд., участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ. Такъ какъ преступнымъ дѣяніемъ Петрова мнѣ причиненъ убытокъ въ суммѣ 12.000 рублей, то прошу войти, на основаніи ст. 305 уст. уг. суд., въ судъ съ представленіемъ о принятіи мѣръ къ обезпеченію отыскиваемаго мной вознагражденія наложеніемъ запрещенія на недвижимое имущество Петрова, находящееся г. въ С.-Петербургѣ, *** участка *** части по *** улицѣ подъ № 000.

(Подпись).

VII.

Жалоба Прокурору Палаты на Прокурора Окружнаго Суда.

Господину Прокурору с.-петербургской судебной палаты.

Купца Ивана Петровича Иванова,
жительствующаго въ С.-Петербургѣ,
по Малой ул., въ д. № 000.

ЖАЛОБА.

10 и 15 октября сего 1905 года мною были поданы г. прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда жалобы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности Степана Степанова и Сергѣя Сергѣева, по обвиненію ихъ по ст. 13, 1665, 1666, 1671 и 1709 улож. о нак.

Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: въ депозитѣ с.-петербургской судебной палаты хранятся процентныя бумаги на сумму 50.250 руб., представленныя туда Сергѣевымъ въ обезпеченіе выиграннаго мной у него иска по рѣшенію судебной палаты, вошедшему въ законную силу 1 октября сего года. 3 октября мой повѣренный присяжный повѣренный Ѳадѣевъ совершенно неожиданно узналъ, что въ па-

лату поступило заявленіе Сергѣева съ просьбой о возвратѣ ему внесенныхъ процентныхъ бумагъ и при этомъ заявленіи приложена росписка родственника Сергѣева—Степанова о полученіи имъ въ качествѣ моего „повѣреннаго“ полнаго удовлетворенія по упомянутому рѣшенію судебной палаты. Росписка Степанова засвидѣтельствована у нотаріуса 8 октября 1905 г., т. е. въ неприсутственный день, а на слѣдующій день, т. е. 9 октября, у того же нотаріуса явлена третейская запись объ избраніи Сергѣевымъ и тѣмъ же Степановымъ, опять-таки, какъ моимъ „повѣреннымъ“, посредниковъ: Афанасьева, Кучерова и Борисова для рѣшенія въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ съ 9 октября 1905 г. спора, возникшаго между мной и Сергѣевымъ, о тѣхъ же 50.250 руб.

Такимъ образомъ:

1) 8 октября Степановъ выдалъ Сергѣеву росписку въ полученіи полнаго удовлетворенія по упомянутому рѣшенію судебной палаты; а на слѣдующій день, 9 октября, затѣялъ третейскій судъ о томъ же, имъ уже полученномъ, удовлетвореніи. Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или, выдавая Сергѣеву росписку 8 октября, Степановъ еще не получилъ денегъ, и тогда росписка эта фиктивна и безденежна; или же, если Степановъ дѣйствительно деньги получилъ, то фиктивнымъ является третейскій судъ. Но

въ настоящемъ дѣлѣ фиктивностью проникнуты всѣ дѣйствія Степанова и Сергѣева, ибо

2) Степановъ выдалъ Сергѣеву росписку въ полученіи присужденной мнѣ суммы, между тѣмъ она до сихъ поръ продолжаетъ храниться въ депозитѣ судебной палаты.

3) Степановъ и Сергѣевъ затѣяли третейскій судъ „для рѣшенія спора, возникшаго между Ивановымъ и Сергѣевымъ“; между тѣмъ, какъ а) споръ „возникъ“ еще въ 1903 г., когда я предъявилъ искъ въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ; б) споръ этотъ былъ окончательно рѣшенъ тремя инстанціями въ мою пользу еще къ 1 октября 1905 г.; в) слѣдовательно, къ 9 октября уже никакого „спора“ не существовало и не могло существовать, ибо о вошедшихъ въ законную силу судебныхъ рѣшеніяхъ не спорятъ, а ихъ исполняютъ всѣ мѣста и лица Имперіи (ст. 893 уст. гражд. суд.).

4) Фиктивно, наконецъ, самое заявленіе Степанова о томъ, что онъ дѣйствовалъ по этому дѣлу „въ качествѣ моего повѣреннаго“. Въ 1902 году я выдалъ по совершенно другому поводу довѣренность Степанову. Никогда за всѣ три года, ни въ одинъ моментъ и ни по какому поводу Степановъ никакого отношенія къ моему дѣлу съ Сергѣевымъ не имѣлъ и никакого порученія я по этому дѣлу ему не давалъ; не только самое дѣло съ Сергѣевымъ во всѣхъ трехъ инстанціяхъ, но и

личные переговоры съ нимъ велъ все время присяжный повѣренный Ѳадѣевъ. О томъ, что Степановъ воспользовался довѣренностью, случайно у него сохранившейся, я не подозрѣвалъ до того момента, пока г. Ѳадѣевъ не сообщилъ мнѣ объ оказавшейся въ палатѣ роспискѣ Степанова. Слѣдовательно, случай, о которомъ идетъ рѣчь, заключается вовсе не въ томъ, что повѣренный, уполномоченный на веденіе того или иного дѣла, вышелъ изъ предѣловъ даннаго ему полномочія и тѣмъ принесъ вредъ своему довѣрителю, а въ томъ, что Степановъ воспользовался случайно сохранившейся у него довѣренностью и, безъ моего вѣдома и согласія, злоупотребилъ самой довѣренностью; это все равно, какъ если бы я, погасивъ вексель, случайно не взялъ бы его у кредитора, а тотъ, воспользовавшись этимъ, предъявилъ бы его вторично ко взысканію. Тѣмъ не менѣе г. прокуроръ окружнаго суда оставилъ мои жалобы безъ послѣдствій, на основаніи разъясненія уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 1892 г. № 18 по дѣлу Субботина, по которому преслѣдованіе по 1709 ст. улож. о нак. возможно лишь по разрѣшеніи судомъ гражданскимъ вопроса о правахъ, предоставленныхъ довѣренностью. Между тѣмъ, ни рѣшеніе № 18 1892 г., ни рѣшеніе № 1014 1873 г. по дѣлу Амозова (на которое въ предыдущемъ есть ссылки),

не имѣютъ отношенія къ моему дѣлу. Субботинъ былъ преданъ суду и признанъ виновнымъ въ томъ, что „имѣя отъ Одинцовыхъ довѣренность лишь на управленіе имѣніями и на залогъ таковыхъ, безъ права полученія по ссудѣ денегъ, онъ, тѣмъ не менѣе, злонамѣренно перешелъ за предѣлы даннаго ему уполномочія, запродавъ эти имѣнія...“ Точно также и Амозовъ велъ дѣйствительно дѣло Андреихина, по его порученію, но лишь мировую сдѣлку совершилъ безъ уполномочія своего довѣрителя. Въ обоихъ этихъ случаяхъ повѣренные дѣйствительно лишь перешли за предѣлы данныхъ имъ уполномочій и гражданскій судъ долженъ предварительно разрѣшить вопросъ о правахъ, предоставленныхъ повѣренному довѣренностью, и о предѣлахъ этихъ правъ. Но вѣдь по моему дѣлу съ Сергѣевымъ полномочіе Степанову вовсе не было дано; онъ просто воспользовался случайно у него сохранившеюся довѣренностью и, безъ моего вѣдома и согласія, изъ корыстныхъ видовъ, во вредъ мнѣ, совершилъ сдѣлку съ Сергѣевымъ, по предварительному съ нимъ соглашенію, съ цѣлью изъять изъ депозита палаты присужденныя мнѣ деньги въ размѣрѣ 50.250 р. Трудно даже предположить, разрѣшеніемъ какого именно вопроса по моему дѣлу могъ бы заняться судъ гражданскій? О размѣрѣ правъ, которыя давала Степанову довѣренность отъ 1902 года? Но объ

этомъ съ формальной стороны спора нѣтъ, какъ не было бы спора противъ формальныхъ достоинствъ векселя, случайно мной забытаго у Степанова. Все дѣло именно въ томъ, что Степановъ злонамѣренно воспользовался формально-доброкачественнымъ документомъ. А вопросы о преступномъ умыслѣ, о преступной цѣли—относятся къ компетенціи не гражданскаго, а уголовнаго суда. Такъ какъ при разсмотрѣніи моего дѣла судъ гражданскій неизбѣжно натолкнется на эти вопросы, то, въ силу ст. 8 уст. гражд. суд., онъ отошлетъ меня въ судъ уголовный. Такимъ образомъ, Степановъ и Сергѣевъ открыто, на моихъ глазахъ, присвоятъ себѣ мои деньги, а я напрасно буду взывать о помощи, отсылаемый прокуроромъ по 27 ст. уст. уг. суд., въ судъ гражданскій и — обратно, — на основаніи ст. 8 уст. гражд. суд., судомъ гражданскимъ. къ прокурору.

Считая такое положеніе вещей отказомъ въ правосудіи, я на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, а также ссылаясь на два моихъ прошенія, поданныхъ г. прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда, имѣю честь просить ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности Степанова и Сергѣева, по обвиненію ихъ по ст. 13, 1665, 1666, 1671 и 1709 улож. о нак.

С.-Петербургъ,
1905 г. ноября 5 дня.

Кассаціонныя рѣшенія.

1868 г., № 388, по дѣлу Постовскаго.

Правительствующій сенатъ принялъ во вниманіе, что по общему, основному правилу уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, уголовнымъ порядкомъ производится судебное преслѣдованіе преступленій или проступковъ (уст. уг. суд., ст. 1), а всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства (уст. граж. суд. ст. 1, 4, 29, 202) и когда во время производства гражданскаго дѣла изъ обстоятельствъ онаго откроется противозаконное дѣяніе, требующее уголовнаго преслѣдованія, то предметъ сей передается въ уголовный судъ черезъ прокурора. Исключеніе изъ сихъ общихъ правилъ допущено только относительно исковъ объ удовлетвореніи за вредъ или убытокъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ, которые дозволено предъявлять, какъ въ уголовномъ судѣ при самомъ производствѣ уголовнаго дѣла, такъ и отдѣльно отъ онаго въ судѣ гражданскомъ (ст. 5), которому однако воспрещено приступать къ производству по иску до окончанія уголовнаго производства (ст. 6). Такое дозволеніе уголовному суду разсматривать требованіе о вознагражденіи и опредѣлять имущественное удовлетвореніе основано на томъ, что въ этомъ

случаѣ право на вознагражденіе не вытекаетъ изъ обстоятельствъ, договоровъ или иныхъ, устанавливаемыхъ гражданскими законами, имущественныхъ отношеній, споры о которыхъ подлежатъ разрѣшенію гражданскаго суда, а есть послѣдствіе преступленія или проступка, подлежащаго разсмотрѣнію уголовнаго суда.—Цѣль таковаго дозволенія скорѣйшее удовлетвореніе потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка, если потерпѣвшій считаетъ удобнѣйшимъ для себя искать этого удовлетворенія не въ судѣ гражданскомъ, а въ судѣ уголовномъ. Эта цѣль достигается безъ нарушенія общаго правила о разсмотрѣніи въ судѣ гражданскомъ всѣхъ споровъ о гражданскихъ правахъ, потому что съ признаніемъ преступнаго дѣянія совершившимся и обвиняемаго виновнымъ, право потерпѣвшаго на вознагражденія дѣлается безспорнымъ. Въ этомъ случаѣ право на вознагражденіе зависитъ отъ признанія или непризнанія дѣянія преступнымъ, т. е. искъ гражданскій зависитъ отъ разрѣшенія уголовнаго обвиненія и очевидно, что уголовное разсмотрѣніе и рѣшеніе должно предшествовать рѣшенію гражданскому, но вопросъ объ отношеніи уголовнаго производства къ производству гражданскому представляется въ совершенно иномъ видѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе имущественнаго удовлетворенія основывается на обвиненіи въ такихъ дѣйствіяхъ по обязательствамъ и договорамъ, или въ такихъ нарушеніяхъ законовъ о правѣ собственности на имущество, преступность которыхъ зависитъ отъ опредѣленія силы и пространства гражданскихъ правъ жалобщика и отъ разрѣшенія представляемыхъ въ опроверженіе его жалобы объясненій, основанныхъ на документахъ; когда свойство дѣянія зависитъ отъ разрѣшенія спора о правѣ собственности или по договору или обязательству; когда

опровергается самое существованіе гражданскаго права, нарушеніе котораго обвинитель представляетъ какъ преступленіе. Разрѣшеніе подобныхъ споровъ не можетъ послѣдовать въ уголовномъ судѣ,—и уголовному рѣшенію должно предшествовать рѣшеніе спорнаго предмета въ судѣ гражданскомъ...

Если бы самая дѣйствительность и обязательность такого рода документа зависѣла отъ разрѣшенія какого либо уголовнаго обстоятельства, т. е. когда не преступность дѣянія зависѣла бы отъ разрѣшенія вопроса о правѣ собственности, а вопросъ о правѣ собственности зависѣлъ бы отъ какого либо уголовнаго обстоятельства, такъ напр. въ случаяхъ обвиненія кого либо въ насильственномъ взятіи документа или въ обманномъ полученіи его, въ кражѣ или въ подлогѣ акта, а въ этихъ случаяхъ уголовный судъ разрѣшаетъ дѣло независимо отъ суда гражданскаго, на основаніи 8 ст. уст. гр. суд., т. к. въ этихъ случаяхъ онъ вовсе не разсматриваетъ существа и значенія сдѣлки, а входитъ лишь въ обсужденіе безусловно уголовныхъ обстоятельствъ, было ли насиліе, была ли кража, былъ ли обманъ въ полученіи акта.

1868 г., № 770, по дѣлу Софьи Зонтъ.

...Необходимо войти въ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ признаковъ, которыми дѣйствующіе у насъ законы разграничиваютъ предѣлы подсудности гражданской и уголовной по спорамъ и жалобамъ, возникающимъ изъ договоровъ и обязательствъ. Казалось бы, что по настоящему предмету всякое сомнѣніе устраняется тѣми основными началами, что всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію въ порядкѣ гражданскаго суда

(уст. гр. суд. ст. 1), а всякое преступное дѣяніе подлежитъ преслѣдованію въ порядкѣ уголовнаго суда (уст. уг. суд., ст. 1 и 14). Но въ дѣйствительности представляются и такія событія, которыя возбуждаютъ, съ одной стороны, споръ о правѣ гражданскомъ, а съ другой—обвиненіе въ преступномъ дѣяніи. Такъ, нерѣдко случается, что истецъ по договору или обязательству, домогается или признанія его недѣйствительнымъ, или иного удовлетворенія, на томъ основаніи, что совершеніе или исполненіе договора или обязательства сопровождалось преступнымъ дѣйствіемъ. Съ другой стороны, по жалобѣ, принесенной въ порядкѣ уголовнаго суда, отвѣтчикъ можетъ парализовать уголовное преслѣдованіе представленіемъ доказательствъ, что приписываемое дѣйствіе совершено имъ по принадлежащему ему, на основаніи договора или обязательствъ, гражданскому праву, при существованіи котораго дѣйствіе его не можетъ имѣть преступнаго характера. Какъ поступать въ этихъ случаяхъ? Слѣдуетъ ли разсматривать одно и тоже дѣло въ двухъ судахъ, гражданскомъ и уголовномъ, и въ какомъ прежде, или можно ограничиться разсмотрѣніемъ дѣла въ обоихъ отношеніяхъ только въ одномъ судѣ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если преступное дѣяніе относится къ договору или обязательству, какъ причина къ слѣдствію, т. е. если договора или обязательства вовсе не существовало бы безъ того преступнаго дѣянія, которымъ была нарушена свобода произвола и согласія договаривающихся лицъ, то уголовное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено непосредственно по жалобѣ потерпѣвшаго лица на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ преступность дѣянія вовсе не зависитъ отъ разрѣшенія вопросовъ гражданскаго права и можетъ быть опредѣлена, согласно

съ общими правилами уголовнаго судопроизводства, по результатамъ уголовнаго слѣдствія. Такъ, въ нашихъ гражданскихъ законахъ положительно указано, что при нарушеніи въ какой либо юридической сдѣлкѣ свободы произвола и согласія принужденіемъ или подлогомъ, слѣдуетъ просить о производствѣ изслѣдованія и о поступленіи съ виновнымъ по уголовнымъ законамъ (св. зак. т. X ч. 1 ст. 705—706). Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ, когда подлогъ въ актѣ обнаружится лишь во время производства гражданскаго дѣла, въ дальнѣйшемъ направленіи этого дѣла надлежитъ слѣдовать порядку, установленному на этотъ случай уст. гр. суд. (563 — 565). Изъ этого—однако, не слѣдуетъ, чтобы потерпѣвшее лицо не могло возбудить жалобою своею уголовнаго преслѣдованія по подлогу въ актѣ, до начатія противною стороною гражданскаго дѣла, а слѣдуетъ только то, что по всякому преступленію, обнаруженному при разсмотрѣніи дѣла гражданскимъ судомъ, уголовное преслѣдованіе возбуждается лишь по опредѣленію этого суда (уст. гр. суд. ст. 8). Но если преступное дѣяніе по договору или обязательству относится къ такому правонарушенію, о которомъ можно судить съ основательностью только по разсмотрѣніи какихъ либо вопросовъ гражданскаго права, напримѣръ, вопросовъ о томъ, облеченъ ли договоръ въ установленную форму, служащую законнымъ доказательствомъ его существованія? Имѣетъ ли договоръ законную силу какъ въ отношеніи принадлежности договаривающимся лицамъ тѣхъ правъ, которыя необходимы для его заключенія, такъ и въ отношеніи самыхъ условій и цѣли договора? Въ чемъ состоятъ, по содержанію договора, права и обязанности каждой изъ сторонъ? и т. д.; то въ этихъ случаяхъ очевидно, что уголовное преслѣдованіе

не [illegible] быть [illegible] и разрѣшенія [illegible]-[illegible], т. е. [illegible]. [illegible] вопросовъ гражданскаго права, [illegible] преступность дѣянія и виновность подсудимаго. На этотъ порядокъ [illegible] указаніе [illegible] въ уставѣ гражд. [illegible], такъ и въ уст. угол. судопр., ст. 27 и 542 п. 5. Иначе и быть не можетъ. На уголовномъ судѣ, въ разсмотрѣніи всѣхъ преступленій и проступковъ, подвергающихъ ограниченію или лишенію правъ состоянія, участвуютъ присяжные засѣдатели (уст. угол. суд., ст. 201), которымъ принадлежитъ исключительно разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, относящихся къ опредѣленію виновности подсудимаго (учр. суд. уст., ст. 7) и если бы по дѣламъ, въ которыхъ преступность дѣянія и виновность подсудимаго обусловливаются вопросами гражданскаго права, эти вопросы не были устраняемы предварительнымъ разрѣшеніемъ ихъ гражданскимъ судомъ, то на судѣ уголовномъ пришлось бы предлагать вопросы этого рода присяжнымъ засѣдателямъ, что совершенно не соотвѣтствовало бы ихъ назначенію разрѣшать лишь фактическую сторону дѣла, не касаясь отнюдь вопросовъ права уголовнаго или гражданскаго (уст. уг. суд., ст. 754 — 764). Отступленіе отъ этого порядка нельзя видѣть въ томъ правилѣ, что гражданскій искъ объ удовлетвореніи за вредъ или убытокъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ, можетъ быть предъявленъ въ уголовномъ судѣ при самомъ производствѣ уголовнаго дѣла (уст. гр. суд. ст. 5, уст. уг. суд., ст. 6). Наши гражданскіе законы различаютъ права по договорамъ и обязательствамъ (зак. гражд. ст. 568—573) отъ правъ на вознагражденіе за понесенные вредъ и убытки (зак. граж. ст. 574) и заключаютъ въ себѣ опредѣлительныя постановле-

нія о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненныя преступленіемъ или проступкомъ (зак. граж. ст. 644—683). По общему правилу, только этого рода иски о вознагражденіи могутъ быть предъявляемы совмѣстно съ производствомъ уголовнаго дѣла (улож. о нак. ст. 59 и 64. Уст. уг. суд. ст. 779) и на нихъ собственно и сдѣлано указаніе въ вышеприведенномъ правилѣ о предъявленіи гражданскаго иска на судѣ уголовномъ. Между исками этого рода и исками по договорамъ и обязательствамъ, нарушеннымъ преступнымъ дѣйствіемъ, есть та существенная разница, что основаніемъ первыхъ служитъ преступное дѣяніе, причинившее вредъ или убытокъ, и вслѣдствіе того, рѣшеніемъ по уголовному дѣлу вопросовъ, совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и какого свойства это дѣяніе, предрѣшаетъ и гражданскій искъ о правѣ вознагражденія за вредъ или убытокъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ (уст. угол. суд. ст. 30), тогда какъ основаніемъ исковъ второго рода служатъ договоры или обязательства, нарушенные преступнымъ дѣйствіемъ, и прежде сужденія о томъ, преступно или непреступно дѣяніе, которымъ нарушены договоры или обязательства, необходимо удостовѣриться, какъ въ порядкѣ совершенія и содержанія договоровъ или обязательствъ, такъ и въ томъ, дѣйствительно ли они нарушены, т. е. необходимо прежде разсмотрѣть вопросы гражданскаго права, подлежащіе обсужденію въ порядкѣ гражданскаго суда. Поэтому, если въ подобномъ дѣлѣ истецъ заявитъ ь порядкѣ уголовнаго суда лишь о преступномъ ѣяніи, коимъ нарушены договоръ или обязательтво, оставляя за собою право присоединить ѣъ уголовному дѣлу искъ гражданскій, или от'рыть его по окончанію уголовнаго дѣла, (уст.

угол. суд. ст. 6 и 7, уст. граж. суд. ст. 5 — 7), то и въ такомъ случаѣ ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не въ правѣ возбудить по этому заявленію уголовное преслѣдованіе прежде разсмотрѣнія гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, опредѣляющихъ основаніе къ уголовному преслѣдованію. Начатіе по подобному дѣлу уголовнаго производства, безъ предварительнаго обсужденія въ порядкѣ гражданскаго суда означенныхъ вопросовъ есть ни что иное, какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія безъ законнаго повода и достаточнаго основанія, а это положительно воспрещено, какъ судебному слѣдователю (уст. угол. суд. ст. 262), такъ и прокурору (ст. 312). Равнымъ образомъ, если по уголовному дѣлу, обвиняемый представитъ доказательство, что приписываемое ему дѣйствіе не имѣетъ преступнаго характера, какъ совершенное имъ по принадлежащему ему гражданскому праву, то уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено впредь до разсмотрѣнія въ порядкѣ гражданскаго суда спора о гражданскомъ правѣ, ибо отъ опредѣленія этого права зависитъ опредѣленіе свойства дѣянія, приписываемаго обвиняемому, т. е. имѣетъ ли оно характеръ преступленія или проступка, подлежащаго уголовному преслѣдованію (уст. угол. суд. ст. 27 и 542 п 3). Такимъ образомъ, какъ и относительно договоровъ и обязательствъ, нарушенныхъ преступнымъ дѣйствіемъ, такъ и относительно уголовныхъ обвиненій, парализуемыхъ принадлежащими обвиняемому гражданскими правами, общее правило, вытекающее изъ разума дѣйствующихъ законовъ, состоитъ въ томъ, что обсужденію преступнаго дѣянія должно предшествовать разсмотрѣніе въ порядкѣ гражданскаго суда вопросовъ, обусловливающихъ и опредѣляющихъ уголовное преслѣдованіе. Въ ви-

дахъ охраненія и точнѣйшаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ правъ на имущества, наши законы требуютъ укрѣпленія этихъ правъ посредствомъ различнаго рода актовъ, установленнымъ порядкомъ совершаемыхъ (зак. гр. ст. 707, пол. о нот. части ст. 65, 66 и 157—160), и не допускаютъ представленія свидѣтелей въ доказательство тѣхъ событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе (уст. гр. суд. ст. 409). Если бы, при существованіи этихъ правилъ, дозволялось, по желанію частныхъ лицъ, возбуждать уголовное преслѣдованіе по обвиненіямъ, состоящимъ въ зависимости отъ вопросовъ гражданскаго права, прежде разсмотрѣнія этихъ вопросовъ въ порядкѣ гражданскаго суда, т. е. если бы дозволялось доказывать непосредственно на судѣ уголовномъ совершеніе, содержаніе и исполненіе или неисполненіе договоровъ и обязательствъ, то при допущеніи на этомъ судѣ всѣхъ родовъ доказательствъ и при опредѣленіи ихъ силы, единственно по внутреннему убѣжденію судей, а не по установленнымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правиламъ о силѣ различнаго рода актовъ, тяжущіеся имѣли бы полную возможность обходить такимъ образомъ требованія законовъ, чтобы права на имущества укрѣплялись соотвѣтствующими имъ актами и чтобы въ доказательство этихъ правъ представлялись не свидѣтельскія показанія, а письменныя удостовѣренія. Понятно, что лица, не озаботившіяся объ укрѣпленіи своихъ правъ на имущества установленнымъ порядкомъ и неисполнившія въ этомъ отношеніи требованій закона, всегда будутъ охотно прибѣгать къ уголовному суду, въ надеждѣ доказать черезъ свидѣтелей, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, такія сдѣлки, на которыя у нихъ нѣтъ письменныхъ доказательствъ; но оффи-

ціальные возбудители уголовнаго преслѣдованія должны это имѣть въ виду и обязаны не допускать, чтобы такимъ образомъ обходимы были коренныя правила гражданскаго права и судопроизводства. Но это же соображеніе, имѣющее такое значеніе при разграниченіи предѣловъ подсудности уголовной и гражданской, объясняетъ, почему законодатель нашелъ возможнымъ сдѣлать изъятіе изъ общаго правила, что при зависимости обвиненія въ уголовномъ преступленіи отъ разрѣшенія вопросовъ гражданскаго права, уголовное преслѣдованіе возбуждается лишь по разсмотрѣніи этихъ вопросовъ въ порядкѣ гражданскаго суда. Изъятіе изъ этого общаго правила состоитъ въ томъ, что при зависимости уголовнаго обвиненія отъ разрѣшенія вопроса о правѣ собственности на движимое имущество, уголовное преслѣдованіе не пріостанавливается и означенный вопросъ гражданскаго права разрѣшается тѣмъ же уголовнымъ судомъ, которому предъявлено обвиненіе въ преступленіи или проступкѣ (уст. уг. суд. ст. 27). Движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами и безъ всякихъ письменныхъ актовъ, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ (зак. граж. ст. 710 и 1510—1522). Поэтому, споры о правѣ собственности на движимыя имущества могутъ быть разрѣшаемы на основаніи всякихъ доказательствъ, не исключая и свидѣтельскихъ показаній, и, слѣдовательно, разрѣшеніе такихъ споровъ, когда они соединяются съ уголовными обвиненіями, можетъ быть предоставлено безъ всякого неудобства, т. е. безъ нарушенія установленныхъ для укрѣпленія имуществъ правилъ, тому же уголовному суду, которому подсудно уголовное обвиненіе, а между тѣмъ такимъ образомъ упрощается судопроизводство и устраняется медленность, неизбѣжная при

разсмотрѣніи дѣла въ двухъ судахъ—гражданскомъ и уголовномъ. Хотя, по буквальному смыслу закона, это упрощеніе судопроизводства допускается только при зависимости уголовнаго обвиненія отъ права собственности на движимое имущество, бывшее предметомъ преступленія или проступка, однако, по разуму закона, т. е. по тѣмъ основаніямъ, которыя очевидно, были въ виду законодателя при установленіи имъ этого особеннаго правила, дѣйствіе его должно простираться и на всѣ тѣ случаи, въ которыхъ уголовное обвиненіе зависитъ отъ разрѣшенія спора по договорамъ и обязательствамъ, имѣющимъ законную силу и при словесномъ ихъ заключеніи, т. е. по такимъ договорамъ и обязательствамъ, для доказательства которыхъ не требуется по закону письменнаго удостовѣренія. Но въ распространеніи означеннаго особеннаго правила далѣе этого идти невозможно ни по буквальному смыслу, ни по несомнѣнному разуму закона.

1870 г., № 591, по дѣлу Янкеля Хасина и Пинхоса Ставицкаго.

...Мировой Съѣздъ совершенно упустилъ изъ виду, что о продажѣ пшеницы было совершено письменное условіе и что на основаніи 1517 ст. св. зак. гражд., споръ по договору о продажѣ движимаго имущества подлежитъ разсмотрѣнію суда гражданскаго, уголовное же преслѣдованіе, по смыслу 27 ст. уст. уг. суд. не можетъ быть возбуждено прежде разрѣшенія вопроса о правѣ собственности на движимое имущество, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступность дѣянія зависитъ

Кассаціонныя рѣшенія.


Кассаціонныя рѣшенія.

Кассаціонныя рѣшенія.

угол. суд. ст. 6 и 7, уст. граж. суд. ст. 5 — 7), то и въ такомъ случаѣ ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не въ правѣ возбудить по этому заявленію уголовное преслѣдованіе прежде разсмотрѣнія гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, опредѣляющихъ основаніе къ уголовному преслѣдованію. Начатіе по подобному дѣлу уголовнаго производства, безъ предварительнаго обсужденія въ порядкѣ гражданскаго суда означенныхъ вопросовъ есть ни что иное, какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія безъ законнаго повода и достаточнаго основанія, а это положительно воспрещено, какъ судебному слѣдователю (уст. угол. суд. ст. 262), такъ и прокурору (ст. 312). Равнымъ образомъ, если по уголовному дѣлу, обвиняемый представитъ доказательство, что приписываемое ему дѣйствіе не имѣетъ преступнаго характера, какъ совершенное имъ по принадлежащему ему гражданскому праву, то уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено впредь до разсмотрѣнія въ порядкѣ гражданскаго суда спора о гражданскомъ правѣ, ибо отъ опредѣленія этого права зависитъ опредѣленіе свойства дѣянія, приписываемаго обвиняемому, т. е. имѣетъ ли оно характеръ преступленія или проступка, подлежащаго уголовному преслѣдованію (уст. угол. суд. ст. 27 и 542 п 3). Такимъ образомъ, какъ и относительно договоровъ и обязательствъ, нарушенныхъ преступнымъ дѣйствіемъ, такъ и относительно уголовныхъ обвиненій, парализуемыхъ принадлежащими обвиняемому гражданскими правами, общее правило, вытекающее изъ разума дѣйствующихъ законовъ, состоитъ въ томъ, что обсужденію преступнаго дѣянія должно предшествовать разсмотрѣніе въ порядкѣ гражданскаго суда вопросовъ, обусловливающихъ и опредѣляющихъ уголовное преслѣдованіе. Въ ви-

дахъ охраненія и точнѣйшаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ правъ на имущества, наши законы требуютъ укрѣпленія этихъ правъ посредствомъ различнаго рода актовъ, установленнымъ порядкомъ совершаемыхъ (зак. гр. ст. 707, пол. о нот. части ст. 65, 66 и 157—160), и не допускаютъ представленія свидѣтелей въ доказательство тѣхъ событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе (уст. гр. суд. ст. 409). Если бы, при существованіи этихъ правилъ, дозволялось, по желанію частныхъ лицъ, возбуждать уголовное преслѣдованіе по обвиненіямъ, состоящимъ въ зависимости отъ вопросовъ гражданскаго права, прежде разсмотрѣнія этихъ вопросовъ въ порядкѣ гражданскаго суда, т. е. если бы дозволялось доказывать непосредственно на судѣ уголовномъ совершеніе, содержаніе и исполненіе или неисполненіе договоровъ и обязательствъ, то при допущеніи на этомъ судѣ всѣхъ родовъ доказательствъ и при опредѣленіи ихъ силы, единственно по внутреннему убѣжденію судей, а не по установленнымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правиламъ о силѣ различнаго рода актовъ, тяжущіеся имѣли бы полную возможность обходить такимъ образомъ требованія законовъ, чтобы права на имущества укрѣплялись соотвѣтствующими имъ актами и чтобы въ доказательство этихъ правъ представлялись не свидѣтельскія показанія, а письменныя удостовѣренія. Понятно, что лица, не озаботившіяся объ укрѣпленіи своихъ правъ на имущества установленнымъ порядкомъ и неисполнившія въ этомъ отношеніи требованій закона, всегда будутъ охотно прибѣгать къ уголовному суду, въ надеждѣ доказать черезъ свидѣтелей, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, такія сдѣлки, на которыя у нихъ нѣтъ письменныхъ доказательствъ; но оффи-

угол. суд. ст. 6 и 7, уст. граж. суд. ст. 5 — 7), то и въ такомъ случаѣ ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не въ правѣ возбудить по этому заявленію уголовное преслѣдованіе прежде разсмотрѣнія гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, опредѣляющихъ основаніе къ уголовному преслѣдованію. Начатіе по подобному дѣлу уголовнаго производства, безъ предварительнаго обсужденія въ порядкѣ гражданскаго суда означенныхъ вопросовъ есть ни что иное, какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія безъ законнаго повода и достаточнаго основанія, а это положительно воспрещено, какъ судебному слѣдователю (уст. угол. суд. ст. 262), такъ и прокурору (ст. 312). Равнымъ образомъ, если по уголовному дѣлу, обвиняемый представитъ доказательство, что приписываемое ему дѣйствіе не имѣетъ преступнаго характера, какъ совершенное имъ по принадлежащему ему гражданскому праву, то уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено впредь до разсмотрѣнія въ порядкѣ гражданскаго суда спора о гражданскомъ правѣ, ибо отъ опредѣленія этого права зависитъ опредѣленіе свойства дѣянія, приписываемаго обвиняемому, т. е. имѣетъ ли оно характеръ преступленія или проступка, подлежащаго уголовному преслѣдованію (уст. угол. суд. ст. 27 и 542 п 3). Такимъ образомъ, какъ и относительно договоровъ и обязательствъ, нарушенныхъ преступнымъ дѣйствіемъ, такъ и относительно уголовныхъ обвиненій, парализуемыхъ принадлежащими обвиняемому гражданскими правами, общее правило, вытекающее изъ разума дѣйствующихъ законовъ, состоитъ въ томъ, что обсужденію преступнаго дѣянія должно предшествовать разсмотрѣніе въ порядкѣ гражданскаго суда вопросовъ, обусловливающихъ и опредѣляющихъ уголовное преслѣдованіе. Въ ви-

дахъ охраненія и точнѣйшаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ правъ на имущества, наши законы требуютъ укрѣпленія этихъ правъ посредствомъ различнаго рода актовъ, установленнымъ порядкомъ совершаемыхъ (зак. гр. ст. 707, пол. о нот. части ст. 65, 66 и 157—160), и не допускаютъ представленія свидѣтелей въ доказательство тѣхъ событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе (уст. гр. суд. ст. 409). Если бы, при существованіи этихъ правилъ, дозволялось, по желанію частныхъ лицъ, возбуждать уголовное преслѣдованіе по обвиненіямъ, состоящимъ въ зависимости отъ вопросовъ гражданскаго права, прежде разсмотрѣнія этихъ вопросовъ въ порядкѣ гражданскаго суда, т. е. если бы дозволялось доказывать непосредственно на судѣ уголовномъ совершеніе, содержаніе и исполненіе или неисполненіе договоровъ и обязательствъ, то при допущеніи на этомъ судѣ всѣхъ родовъ доказательствъ и при опредѣленіи ихъ силы, единственно по внутреннему убѣжденію судей, а не по установленнымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правиламъ о силѣ различнаго рода актовъ, тяжущіеся имѣли бы полную возможность обходить такимъ образомъ требованія законовъ, чтобы права на имущества укрѣплялись соотвѣтствующими имъ актами и чтобы въ доказательство этихъ правъ представлялись не свидѣтельскія показанія, а письменныя удостовѣренія. Понятно, что лица, не озаботившіяся объ укрѣпленіи своихъ правъ на имущества установленнымъ порядкомъ и неисполнившія въ этомъ отношеніи требованій закона, всегда будутъ охотно прибѣгать къ уголовному суду, въ надеждѣ доказать черезъ свидѣтелей, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, такія сдѣлки, на которыя у нихъ нѣтъ письменныхъ доказательствъ; но оффи-

угол. суд. ст. 6 и 7, уст. граж. суд. ст. 5 — 7), то и въ такомъ случаѣ ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не въ правѣ возбудить по этому заявленію уголовное преслѣдованіе прежде разсмотрѣнія гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, опредѣляющихъ основаніе къ уголовному преслѣдованію. Начатіе по подобному дѣлу уголовнаго производства, безъ предварительнаго обсужденія въ порядкѣ гражданскаго суда означенныхъ вопросовъ есть ни что иное, какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія безъ законнаго повода и достаточнаго основанія, а это положительно воспрещено, какъ судебному слѣдователю (уст. угол. суд. ст. 262), такъ и прокурору (ст. 312). Равнымъ образомъ, если по уголовному дѣлу, обвиняемый представитъ доказательство, что приписываемое ему дѣйствіе не имѣетъ преступнаго характера, какъ совершенное имъ по принадлежащему ему гражданскому праву, то уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено впредь до разсмотрѣнія въ порядкѣ гражданскаго суда спора о гражданскомъ правѣ, ибо отъ опредѣленія этого права зависитъ опредѣленіе свойства дѣянія, приписываемаго обвиняемому, т. е. имѣетъ ли оно характеръ преступленія или проступка, подлежащаго уголовному преслѣдованію (уст. угол. суд. ст. 27 и 542 п 3). Такимъ образомъ, какъ и относительно договоровъ и обязательствъ, нарушенныхъ преступнымъ дѣйствіемъ, такъ и относительно уголовныхъ обвиненій, парализуемыхъ принадлежащими обвиняемому гражданскими правами, общее правило, вытекающее изъ разума дѣйствующихъ законовъ, состоитъ въ томъ, что обсужденію преступнаго дѣянія должно предшествовать разсмотрѣніе въ порядкѣ гражданскаго суда вопросовъ, обусловливающихъ и опредѣляющихъ уголовное преслѣдованіе. Въ ви-

дахъ охраненія и точнѣйшаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ правъ на имущества, наши законы требуютъ укрѣпленія этихъ правъ посредствомъ различнаго рода актовъ, установленнымъ порядкомъ совершаемыхъ (зак. гр. ст. 707, пол. о нот. части ст. 65, 66 и 157—160), и не допускаютъ представленія свидѣтелей въ доказательство тѣхъ событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе (уст. гр. суд. ст. 409). Если бы, при существованіи этихъ правилъ, дозволялось, по желанію частныхъ лицъ, возбуждать уголовное преслѣдованіе по обвиненіямъ, состоящимъ въ зависимости отъ вопросовъ гражданскаго права, прежде разсмотрѣнія этихъ вопросовъ въ порядкѣ гражданскаго суда, т. е. если бы дозволялось доказывать непосредственно на судѣ уголовномъ совершеніе, содержаніе и исполненіе или неисполненіе договоровъ и обязательствъ, то при допущеніи на этомъ судѣ всѣхъ родовъ доказательствъ и при опредѣленіи ихъ силы, единственно по внутреннему убѣжденію судей, а не по установленнымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правиламъ о силѣ различнаго рода актовъ, тяжущіеся имѣли бы полную возможность обходить такимъ образомъ требованія законовъ, чтобы права на имущества укрѣплялись соотвѣтствующими имъ актами и чтобы въ доказательство этихъ правъ представлялись не свидѣтельскія показанія, а письменныя удостовѣренія. Понятно, что лица, не озаботившіяся объ укрѣпленіи своихъ правъ на имущества установленнымъ порядкомъ и неисполнившія въ этомъ отношеніи требованій закона, всегда будутъ охотно прибѣгать къ уголовному суду, въ надеждѣ доказать черезъ свидѣтелей, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, такія сдѣлки, на которыя у нихъ нѣтъ письменныхъ доказательствъ; но оффи-

1900 г., дѣло Яковлева, 11 февраля. 2 отд.

Принимая во вниманіе, что по обвинительному акту, утвержденному с.-петербургской судебной палатой, Яковлевъ былъ преданъ суду с.-петербургскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ томъ, что получивъ въ теченіи 1897 и 1898 г.г. отъ гвардіи штабъ-ротмистра Чавчавадзе и за его счетъ отъ разныхъ лицъ значительныя денежныя суммы на расходы по дѣламъ Чавчавадзе, часть изъ этихъ денегъ—въ размѣрѣ свыше трехсотъ рублей—не израсходовалъ по назначенію и не передалъ по принадлежности, а самовольно удержалъ у себя и обратилъ въ свою пользу, при чемъ дѣяніе это подведено подъ 1 часть 1681 ст. ул. о нак.; что, какъ изложено въ обвинительномъ актѣ, подсудимый Яковлевъ на предварительномъ слѣдствіи не отрицалъ полученія денегъ отъ князя Чавчавадзе, заявляя о существованіи между ними отношенія по довѣренности, чего не отвергалъ и князь Чавчавадзе, и утверждая, что изъ суммъ присвоеніе коихъ вмѣняется ему въ вину, 34,950 рублей были израсходованы, согласно словесному указанію князя Чавчавадзе на основаніи и въ предѣлахъ довѣренности отъ 19 сентября 1897 года, а 22,717 р. 56 коп. удержаны имъ въ вознагражденіе за свои труды по исполненію довѣренности князя Чавчавадзе; что, какъ удостовѣряетъ окружной судъ (л. дѣла 91), вопросъ о дѣйствіяхъ подсудимаго Яковлева, въ качествѣ повѣреннаго князя Чавчавадзе, на основаніи довѣренностей, въ томъ числѣ и довѣренности отъ 19 сентября 1897 г., былъ предметомъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ, почему обстоятельство это внесено и въ предложенные присяжнымъ засѣдателямъ вопросы

о виновности Яковлева, разрѣшенные ими утвердительно; что такимъ образомъ по настоящему дѣлу уголовная виновность подсудимаго стояла въ зависимости отъ разрѣшенія вопросовъ, съ одной стороны—о пространствѣ и предѣлахъ правъ, предоставленныхъ Яковлеву довѣренностью отъ 19 сентября 1897 г., а съ другой—отъ повѣрки счетовъ, представленныхъ повѣреннымъ своему довѣрителю по исполненію довѣренностей, и отъ опредѣленія цифры, слѣдуемаго ему вознагражденія, что вопросы эти, какъ спорные между сторонами, согласно неоднократнымъ разъясненіемъ Правит. Сената (рѣш. 1869 г. № 580, 1870 г. № 952, 1873 г. 1014, 1892 г. № 18), подлежали предварительному разсмотрѣнію гражданскаго суда, и лишь послѣ рѣшенія послѣдняго дѣло могло быть обращено къ производству въ судѣ уголовномъ, Правительст. Сенатъ, не входя въ обсужденіе прочихъ указаній просителей,—опредѣляетъ: приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда, рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и опредѣленіе С.-Петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ ст. 27 уст. уг. суд., отмѣнить со всѣми послѣдствіями.

1892 г., № 18, по дѣлу Субботина.

Уже неоднакратно разъяснено Правит. Сенатомъ въ рѣшеніяхъ его по угол. касс. д-ту 1873 г. № 1014 и др., что для обвиненія въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1709 ст. ул. о нак., необходимо предварительно разрѣшить вопросъ о правахъ, предоставленныхъ повѣренному выданною ему довѣренностью; разрѣшеніе же этого вопроса всецѣло зависитъ отъ суда гражданскаго, и потому

преслѣдованіе означеннаго преступленія въ уголовномъ порядкѣ можетъ быть возбуждено не прежде, какъ по разрѣшеніи вопроса о выступленіи повѣреннаго изъ предѣловъ довѣренности судомъ гражданскимъ.

1892 г., № 43, по дѣлу Анцеліовича.

Въ виду прямого обвиненія Синявскаго въ подлогѣ по службѣ, а Анцеліовича въ употребленіи въ свою пользу подложно составленнаго по подкупу Анцеліовича документа, возбужденіе дѣла непосредственно въ уголовномъ порядкѣ представляется совершенно правильнымъ.

1892 г., № 59, по дѣлу Іегера.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что по дѣламъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, какъ въ мировыхъ установленіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, подача жалобъ и возбужденіе дѣла предоставляется какъ непосредственно потерпѣвшимъ и ихъ законнымъ представителямъ, такъ и ихъ повѣреннымъ, особо на то уполномоченнымъ. Равнымъ образомъ не представляется правильнымъ устраненіе повѣреннаго частнаго обвинителя при склоненіи слѣдователями сторонъ къ миру, по ст. 303^1.

...Такъ какъ потерпѣвшими въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ по нарушеніямъ авторскаго права, могутъ быть не только лица физическія, но и юридическія (рѣш. 1878 г., № 63), то таковыя, конечно, могутъ приносить жалобы лишь черезъ повѣренныхъ, уполномоченныхъ на то или общими собраніями, или представителями этихъ юридическихъ лицъ, ихъ правленіями.

...Такимъ образомъ нельзя не признать, что не только при возбужденіи дѣлъ и при примирительномъ разбирательствѣ, но и при производствѣ предварительнаго слѣдствія, частный обвинитель можетъ принимать участіе или непосредственно лично, или черезъ лицо, въ законномъ порядкѣ имъ на то уполномоченное.

ГЛАВА II.

Обжалованіе слѣдственныхъ дѣйствій.

На всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее права участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, можно приносить жалобы (ст. 491 Уст. Угол. Суд.). На дѣйствія слѣдователя жалобы *приносятся* окружному суду (ст. 493 Уст. Угол. Суд.), или, если дѣло подлежитъ суду палаты въ первой инстанціи, то судебной палатѣ (рѣш. Угол. Касс. Д-та 1884 г., № 43), а *подаются* тому слѣдователю, на дѣйствіе коего онѣ приносятся (ст. 497 Уст. Уг. Суд.). Въ теченіи трехъ дней со времени подачи жалобы, а въ случаѣ жалобы на лишеніе свободы— въ теченіи сутокъ, жалоба должна быть отправлена слѣдователемъ по принадлежности (ст. 499 Уст. Уг. Суд.) и разсмотрѣна судомъ въ первый присутственный день въ распорядительномъ засѣданіи (ст. 501 Уст. Уг. Суд.), въ которомъ принесшіе жалобу допускаются къ словеснымъ объясненіямъ (ст. 504 Уст. Уг. Суд.), но лично, а не черезъ повѣренныхъ и не черезъ защитниковъ

(рѣш. общ. соб. 1887 г., № 21). Принесшій жалобу можетъ просить о выдачѣ ему копіи съ состоявшагося по жалобѣ опредѣленія суда (ст. 509 Уст. Уг. Суд.) и принети на это частное опредѣленіе въ двухънедѣльный срокъ частную жалобу въ судебную палату (ст. 893 и 895 Уст. Уг. Суд.), при чемъ подается жалоба въ тотъ же судъ. На опредѣленія судебной палаты жалобы въ Сенатъ допускаются лишь въ порядкѣ надзора (ст. 249, 249[1] и 250 Учр. Суд. Уст.), а не въ кассаціонномъ или частномъ, посему такого рода жалобы подаются непосредственно въ Угол. Касс. Д-тъ Правит. Сената. По жалобамъ въ порядкѣ надзора стороны къ объясненіямъ не допускаются.

Практическіе примѣры.

I.

Жалоба на отказъ слѣдователя въ производствѣ слѣдствія.

Въ с.-петербургскій окружный судъ

С.-Петербургскаго 1-ой гильдіи купца Ивана Ивановича Петрова, живущаго по улицѣ въ д. № .

ЖАЛОБА.

1 ноября сего 1904 г. мною была подана г. судебному слѣдователю *** участка прилагаемая при семъ жалоба о привлеченіи гг. Иванова, Степанова и Попова къ уголовной отвѣтственности за растрату ввѣреннаго имъ для храненія движимаго моего имущества.

Постановленіемъ за № 595 отъ 20 ноября сего года, объявленнымъ мнѣ 1 декабря, г. судебный слѣдователь оставилъ мою жа-

лобу, на основанiи ст. 262 уст. угол. суд., безъ послѣдствiй.

Означенное постановленiе я нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ соображенiямъ.

I.

Какъ видно изъ договора отъ 1 мая 1902 г. (прилож. 1-е), правленiе общества *продало* мнѣ балки (пунктъ 1-ый договора) за 13.379 р.; получило тогда же всю наличную сумму въ 13.379 р. (послѣднiя строки договора, послѣ пункта 5-го), того же 1 мая 1902 г. а товаръ поступилъ въ мое распоряженiе, какъ *собственника* (пунктъ 3-iй).—Я-же оставилъ балки лишь *на храненiи* общества (пунктъ 3-iй). Пунктомъ 4-мъ договора, въ случаѣ продажи мной балокъ за сумму большую, чѣмъ уплаченные мной 13.379 р., излишекъ поступалъ въ пользу общества, хранившаго балки.

Изъ означеннаго видно, что собственникомъ балокъ сталъ съ 1 мая 1902 г. я, а общество явилось лишь хранителемъ моего имущества. Такимъ образомъ, ко мнѣ перешло *право* собственности на балки, а у завода осталась *обязанность* ихъ хранить.

Между тѣмъ г. судебный слѣдователь истолковалъ договоръ въ томъ смыслѣ, что „за заводомъ осталось право на проданныя имъ балки“, Какое право? вещное, обязательственное, залоговое? Ни то, ни другое, ни

третье, никакое „право на *проданную* вещь“ не можетъ остаться у того, кто ее продалъ. Продать,—значитъ отчудить, уступить право за эквивалентъ. И дѣйствительно, общество отдало мнѣ право собственности на балки за 13.379 р. и потому въ пунктѣ 3-мъ договора и говорится, что балки отдаются мнѣ „какъ собственнику“. Далѣе г. судебный слѣдователь продолжаетъ: „*заводъ* могъ продать балки на болѣе выгодныхъ условіяхъ“,—при этомъ ссылка на пунктъ 4-ый договора. Между тѣмъ какъ въ 4 пунктѣ говорится: „если отъ продажи... Петрову очистится“... Что не заводъ могъ продать балки, а я, Петровъ, ихъ собственникъ, явствуетъ, такимъ образомъ, даже не изъ толкованія словъ, а изъ самихъ словъ договора.

Также невозможно согласиться и со второй частью поставленія г. судебнаго слѣдователя: „что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ чисто гражданское правонарушеніе... состава же преступленія растраты нѣтъ, такъ какъ заводъ не могъ растратить того, чѣмъ онъ фактически владѣлъ“.

Прежде всего, какое гражданское правонарушеніе „мы имѣемъ?“ Если, по мнѣнію г. слѣдователя, за заводомъ осталось право на балки и заводъ могъ ихъ продать,—то продавши ихъ въ дѣйствительности, т. е. осуществивъ свое право, заводъ никакого гражданскаго правонарушенія не совершилъ. Затѣмъ,

[illegible] же [illegible] утвержденіе, что за-[illegible] не могъ растратить того, чѣмъ онъ фактически [illegible], ибо „для понятія растраты необходимо, чтобы растрачиваемое чужое имущество въ время совершенія преступленія находилось уже въ рукахъ растратившаго его, такъ какъ растрата можетъ имѣть мѣсто только послѣ того, какъ имущество передано уже растратившему его для сохраненія, переработки или извѣстнаго употребленія (рѣш. угол. касс. д-та 1873 г. № 299), послѣ того, какъ имущество находится въ фактическомъ владѣніи обвиняемаго (1872 г. № 1313; 1878 г. № 565). Такимъ образомъ эта часть постановленія прямо противорѣчитъ уже смыслу и тексту не договора, а статьи 1681 улож. о нак.

II.

Вышеизложенными соображеніями опровергается то толкованіе договора отъ 1 мая 1902 г., которое далъ ему г. судебный слѣдователь. Но моя жалоба на бывшихъ членовъ правленія общества основывалась вовсе не на договорѣ, или его толкованіи. Въ своей жалобѣ я излагалъ исторію всего дѣла, которое началось договоромъ, продолжалось исковымъ дѣломъ въ коммерческомъ судѣ и, какъ результатомъ его, выдачей мнѣ исполнительнаго листа, а закончилось установленіемъ

посредствомъ надписи на томъ же листѣ растраты присужденнаго мнѣ имущества (приложеніе 7). Въ основу-же моего требованія о привлеченіи членовъ правленія къ уголовной отвѣтственности положенъ не договоръ, а исполнительный листъ коммерческаго суда отъ 1 іюля 1904 г. за № 000. Я не могъ не знать, что 1) правонарушенія, изъ договора вытекающія, установляются не судебнымъ слѣдователемъ, а гражданскимъ или коммерческимъ судомъ и 2) что по настоящему дѣлу правоотношенія уже установлены и договоръ уже истолкованъ вступившимъ въ законную силу рѣшеніемъ коммерческаго суда отъ 19 мая 1904 г. (приложеніе 5), а такое рѣшеніе, согласно ст. 893 уст. граж. суд., обязательно не только для тяжущихся, но и для суда, постановившаго оное, а также „для всѣхъ прочихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ Имперіи". Этимъ рѣшеніемъ коммерческаго суда признано окончательно, что я собственникъ трубъ, что у общества трубы остались на храненіи и что общество обязано ихъ мнѣ сдать. Между тѣмъ, вопреки ст. 893 уст. граж. суд., г. слѣдователь не только сталъ вновь толковать договоръ отъ 1 мая 1902 г., но истолковалъ его совершенно иначе, чѣмъ коммерческій судъ, признавъ, что не за мной, а за заводомъ осталось право на балки и что не [illegible], а заводъ могъ продать ихъ на болѣе вы-

годныхъ условіяхъ. Такихъ утвержденій не дѣлали даже сами гг. члены правленія и даже имъ рѣшеніе коммерческаго суда казалось столь безспорнымъ, что они не обжаловали его въ надлежащее время и въ надлежащую инстанцію, которая только одна и только при этихъ условіяхъ могла бы постановить иное, чѣмъ коммерческій судъ, рѣшеніе по дѣлу.

Такимъ образомъ, я полагаю, что съ момента вступленія въ законную силу рѣшенія коммерческаго суда договоръ отъ 1 мая 1902 г., какъ основаніе правоотношеній между сторонами, пересталъ существовать. Когда между мной и членами правленія отношенія основывались на договорѣ, я и обратился въ коммерческій судъ; но теперь, когда отношенія между нами основываются на исполнительномъ листѣ; когда надлежащими рѣшеніями установлено 1) что я являюсь собственникомъ балокъ, 2) что балки были ввѣрены мной для храненія членамъ правленія и 3) что члены правленія, обязанные по рѣшенію коммерческаго суда вернуть мнѣ балки, этой обязанности не исполнили, а безъ моего вѣдома и согласія обратили въ свою пользу и балки, и вырученныя за нихъ деньги,—я и обратился къ г. судебному слѣдователю съ просьбой о привлеченіи виновныхъ къ уголовной отвѣтственности.

Въ виду всего вышеизложеннаго, а также

на основанiи ст. 491 уст. уг. суд., имѣю честь покорнѣйше просить отмѣнить постановленiе г. судебнаго слѣдователя отъ 20 ноября 1904 г. и предписать ему приступить, на основанiи ст. 303 уст. угол. суд., къ производству слѣдствiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу выдать мнѣ, на основанiи ст. 509 уст. уг. суд., копiю съ опредѣленiя, которое по настоящей жалобѣ окр. судомъ будетъ постановлено.

С.-Петербургъ,
мѣсяца дня 1904 г.

II.

Жалоба на медленность Судебнаго Слѣдователя.

Въ С.-Петербургскій окружный судъ

Царскосельскаго мѣщанина Ивана Петровича Иванова, живущаго въ С.-Петербургѣ, по *** ул. въ д. , кв. №

ЖАЛОБА.

30-го іюля 1902 года мною было возбуждено дѣло у господина судебнаго слѣдователя -го уч. г. С.-Петербурга по обвиненію по 1666 ст. улож. о нак. лужскаго мѣщанина Петра Петровича Иванова и мѣщанина минской губ. Герасима Прохорова.

Преступное дѣяніе ихъ заключалось въ слѣдующемъ: въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца 1905 года коммиссіонеръ Прохоровъ сообщилъ мнѣ, что одно извѣстное ему лицо въ Лугѣ желаетъ получить ссуду подъ залогъ своего дома. На другой день, вмѣстѣ съ Прохоровымъ, мы поѣхали въ Лугу. Прохоровъ познакомилъ меня съ собственникомъ недвижимости, искавшимъ ссуду, Петровымъ. Петровъ при Прохоровѣ показалъ мнѣ свой

домъ по *** ул., подъ № 61. Осмотрѣвъ постройки и мѣсто, я нашелъ, что сдѣлка эта выгодна, что имущество вполнѣ обезпечиваетъ закладную, ввиду чего и далъ подъ залогъ дома № 61 Петрову 10.000 рублей.

Черезъ годъ, я совершенно случайно узналъ, что на участкѣ № 61, по *** ул. никакихъ строеній нѣтъ, а что домъ, который мнѣ показывали Петровъ и Прохоровъ, числится подъ № 24-мъ и принадлежитъ тоже Петрову, и что, какъ объяснила свидѣтельница Синявина, Петровъ, показывая мнѣ этотъ домъ, повѣсилъ на домъ таблицу съ № 61, а таблицу съ истиннымъ номеромъ 24 заранѣе снялъ. На участкѣ-же № 61 никакихъ строеній нѣтъ и подъ это имущество никто не могъ дать 10.000 руб.

Въ подверждеңіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ я сослался на цѣлый рядъ свидѣтелей, о допросѣ коихъ ходатайствовалъ. Показаніями этихъ свидѣтелей установленъ и самый фактъ преступленія и составъ преступленія. Между тѣмъ, со дня возбужденія настоящаго дѣла уже истекло полныхъ три года, но дѣло до сихъ поръ не подвинулось къ окончательному разрѣшенію даже въ стадіи предварительнаго слѣдствія, ибо и Петровъ и Прохоровъ допрошены г. слѣдователемъ лишь въ качествѣ свидѣтелей; предъявить-же имъ обвиненіе и допросить ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ г. слѣдователю никакъ не удает-

ся, ибо ни Петровъ, ни Прохоровъ съ декабря 1905-го года болѣе не являются на неоднократные вызовы г. слѣдователя; не взирая на это, г. слѣдователь не принимаетъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ розыску обвиняемыхъ и къ заключенію слѣдствія. На словахъ г. слѣдователь предложилъ мнѣ при встрѣчѣ на улицѣ съ Петровымъ и Прохоровымъ представить ихъ къ нему или въ полицію; этимъ г. слѣдователь какъ-бы перекладываетъ важнѣйшую свою обязанность на меня,—лицо потерпѣвшее отъ преступленія и обращающееся къ законнымъ органамъ за помощью.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, лица, совершившія преступленіе, пользуются полной свободой, имѣютъ возможность скрывать слѣды преступленія и уклоняться отъ суда, съ другой стороны, я, какъ потерпѣвшій, лишенъ возможности получить какое бы то ни было удовлетвореніе.

Если-бы я потерпѣлъ вредъ или убытокъ не отъ преступленія Петрова и Прохорова, а отъ ихъ правонарушенія гражданскаго характера и обратился-бы въ судъ гражданскій, то, не смотря на всю медленность производства дѣлъ въ гражданскомъ порядкѣ, за три съ лишнимъ года мое дѣло могло-б быть уже разрѣшено.

Теперь-же, когда я потерпѣлъ отъ пр ступленія, когда самъ законъ предписывает

производить всѣ слѣдственныя дѣйствія съ особой быстротой, мое дѣло, послѣ трехлѣтняго производства, находится все еще въ стадіи незаконченнаго предварительнаго слѣдствія.

Въ виду всего изложеннаго, и на основаніи 295 ст. уст. уголов. судопр., имѣю честь покорнѣйше просить: предписать г. слѣдователю -го участка произвести розыскъ уклоняющихся отъ явки на вызовы Петрова и Прохорова посредствомъ публикаціи или другого закономъ указаннаго способа, дабы предварительное слѣдствіе—послѣ столь продолжительнаго производства и совершенно исключительной медленности веденія его—могло быть наконецъ закончено.

Вмѣстѣ съ симъ прошу, на основаніи 509 ст. уст. уголовн. судопроизв., о выдачѣ мнѣ копіи съ опредѣленія, которое по настоящей моей жалобѣ состоится.

С.-Петербургъ,

1904 г. мѣс. дня.

II.

Жалоба на заключеніе и содержаніе подъ стражей.

Въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

Содержащагося подъ стражею въ С.-Петербургскомъ Домѣ Предварительнаго Заключенія дворянина Ивана Ивановича Иванова, обв. по 000 ст. улож. о нак.

ЖАЛОБА.

Постановленіемъ за № 00 г. судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ отъ 1-го ноября 1904 года, я былъ заключенъ подъ стражу, причемъ основаніемъ къ принятію мѣры пресѣченія послужили обстоятельства: 1) несознаніе съ моей стороны въ содѣяніи возводимаго на меня преступленія; 2) что находясь на свободѣ, я для сокрытія слѣдовъ преступленія могу имѣть вредное воздѣйствіе на свидѣтелей; 3) что не имѣю опредѣленныхъ занятій и 4) что мнѣ угрожаетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія.

1 декабря 1904 года я подалъ г. слѣдо вателю прошеніе съ ходатайствомъ объ осво божденіи меня изъ-подъ стражи и объ от дачѣ меня на поруки, указывая на то: 1) чт

слѣдствіе по моему дѣлу уже заканчивается; 2) что я не уклонялся отъ слѣдствія впродолженіи 8-ми мѣсяцевъ; 3) что состояніе моего здоровья ухудшается со дня предварительнаго заключенія и 4) что семейное и матеріальное мое положеніе не даютъ основанія предполагать возможности бѣгства.

Постановленіемъ за № 00 отъ 20 декабря 1904 года г. судебный слѣдователь отказалъ мнѣ въ удовлетвореніи моего ходатайства, находя: 1) что я не указалъ на какія либо новыя обстоятельства и что приведенныя мною основанія не соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ дѣла, такъ какъ слѣдствіе еще не заканчивается; 2) что неуклоненіе отъ слѣдствія впродолженіи 8-ми мѣсяцевъ, когда я не былъ еще привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, не доказываетъ еще того, что я не уклонюсь отъ слѣдствія теперь, когда я уже привлеченъ, какъ обвиняемый; 3) что семейное положеніе само по себѣ не можетъ служить препятствіемъ къ уклоненію отъ слѣдствія и суда, а о матеріальномъ положеніи моемъ въ дѣлѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Это постановленіе было мной обжаловано въ Спб. окружный судъ, который, имѣя въ виду, что дѣло мое уже направлено въ порядкѣ 478 ст. уст. уг. суд., не вошелъ въ разсмотрѣніе моей жалобы. Въ виду сего я представляю ее на уваженіе судебной палаты.

I.

Въ постановленіи за № 000, объявленномъ мнѣ 22 декабря сего года, говорится, что приводимыя мной основанія „не соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ дѣла, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу еще не заканчивается“; между тѣмъ 7 декабря сего года слѣдствіе было мнѣ предъявлено, какъ оконченное; такимъ образомъ, 1 декабря, т. е. за шесть дней до этого, оно, какъ я правильно указалъ, несомнѣнно заканчивалось, и поэтому мое заявленіе совершенно „соотвѣтствовало обстоятельствамъ дѣла“. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время въ дѣлѣ имѣется безусловно новое обстоятельство и притомъ огромной важности,—именно: вполнѣ оконченное предварительное слѣдствіе, притомъ направленное уже въ порядкѣ 478 ст. уст. уг. судопр. Такимъ образомъ, основаніе, положенное въ пунктѣ 2-мъ постановленія, о возможности вреднаго моего воздѣйствія на свидѣтелей, болѣе не существуетъ, ибо всѣ свидѣтели, допросъ которыхъ признавался нужнымъ, уже допрошены.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія также и на то, что впервые я былъ допрошенъ г. слѣдователемъ 8-го февраля 1904 г. и по 1 ноября, т. е. въ продолженіе девяти мѣсяцевъ находился на свободѣ; и не смотря на то, что это было важнѣйшее для произво-

дившагося слѣдствія время, ибо свидѣли допрашивались впервые и отъ правильной или неправильной группировки уликъ зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ слѣдствія, я однако вреднаго воздѣйствія на свидѣтелей не оказалъ; ибо, заключая меня подъ стражу, 1-го ноября, г. слѣдователь первымъ основаніемъ своего о томъ постановленія почелъ то, „что данными, собранными при слѣдствіи, Ивановъ въ совершеніи преступленія изобличается въ достаточной мѣрѣ“. Значитъ, г. слѣдователь призналъ, что я не мѣшалъ собранію этихъ данныхъ.

II.

Неправильны также соображенія г. слѣдотеля о моемъ матеріальномъ положеніи и, кромѣ того, въ нихъ заключается явное противорѣчіе, именно: въ постановленіи № 00 говорится, что Ивановъ „хотя и проживаетъ въ Петербургѣ, но не имѣетъ опредѣленныхъ занятій, которыя были бы для него и для семьи источникомъ жизни и принуждали бы его жить въ извѣстномъ и опредѣленномъ мѣстѣ“. А въ постановленіи № 000 сказано, что „о настоящемъ матеріальномъ положеніи Иванова въ дѣлѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется“. Такимъ образомъ, когда нужно заключить меня подъ стражу, то имѣются свѣдѣнія объ отсутствіи у меня занятій и источника жизни, а когда я прошу изъ-подъ стра-

жи меня освободить, то уже нѣтъ свѣдѣній о томъ же, ибо, конечно, „матеріальное положеніе“ и „занятія и источники жизни“— одно и то же.

Между тѣмъ за всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ я имѣлъ постоянныя и весьма опредѣленныя занятія, состоя, до возбужденія обо мнѣ настоящаго дѣла, довѣреннымъ купца Щетинина. Теперь же, какъ я указываю г. слѣдователю, я остался безъ средствъ къ жизни, у меня восемь дѣтей малъ мала меньше—могу ли я ихъ бросить на произволъ судьбы, на голодную смерть и бѣжать, куда? на какія средства? Такъ что и семейное мое положеніе, „не само по себѣ“ какъ сказано въ постановленіи, а именно, какъ я указываю, *въ связи* съ матеріальнымъ положеніемъ, является, казалось бы, достаточной гарантіей моей неразрывной привязанности къ родинѣ.

III.

Третье основаніе къ отказу въ моемъ ходатайствѣ заключается въ томъ, что я могу уклониться отъ суда и что если я не уклонился первые 9 мѣсяцевъ, то это еще „не представляетъ собою доказательства“, что я не сдѣлаю этого послѣ привлеченія меня въ качествѣ обвиняемаго. Выходитъ такимъ образомъ, что не г. слѣдователь долженъ представить доказательства, что обвиняемый укло-

нится отъ суда, а наоборотъ, обвиняемый обязанъ доказать, что онъ не уклоняется. Не говоря уже о томъ, что такой взглядъ противорѣчитъ общему началу о невозможности доказыванія отрицательныхъ фактовъ, но это совершенно неправильно и съ точки зрѣнія 415, 419 и 421 ст. уст. угол. суд. Законъ, изображенный въ этихъ статьяхъ, имѣетъ одну единственную цѣль: чтобы обвиняемые *не отлучались* изъ города, гдѣ производится слѣдствіе (415 ст.) При избраніи мѣры къ пресѣченію этого принимаются въ соображеніе строгость наказанія, сила уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія и пр. (421 ст.), но никакъ не представленіе обвиняемымъ доказательства нежеланія скрыться отъ суда. Поэтому, въ 419 ст. и говорится, что *высшею* мѣрою обезпеченія *можетъ* быть содержаніе подъ стражею. А слѣдовательно, эта „высшая“ мѣра, какъ исключительная, должна быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доказана, какъ необходимая и незамѣнимая тѣми, которые ее примѣняютъ, а не тѣми, противъ которыхъ она принята. Въ этомъ отношеніи позволяю себѣ сослаться на циркуляръ г. министра юстиціи гг. предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ мѣстъ отъ 15 декабря 1900 г., въ которомъ буквально сказано: „предварительное заключеніе должно быть не общимъ правиломъ, а скорѣе твердо обоснованнымъ исключеніемъ“; далѣе сказано въ

томъ же циркулярѣ: „личное задержаніе должно быть примѣняемо сравнительно рѣдко и каждый разъ по установленіи *прямого законнаго* къ тому основанія“. Ясно, что въ циркулярѣ г. министра съ одной стороны и въ постановленіи г. слѣдователя съ другой стороны—высказаны діаметрально противоположные взгляды и что поэтому означенное основаніе г. слѣдователя къ отказу въ удовлетвореніи моего ходатайства совершенно неправильно. Въ указанномъ циркулярѣ говорится, какъ „опасно и вредно всякое излишество или натяжка въ лишеніи обвиняемаго свободы. Къ этой мѣрѣ можно прибѣгать единственно при крайней и неизбѣжной въ томъ надобности, когда исчерпана или устранена возможность принять какую-либо иную болѣе легкую предупредительную мѣру... Заключеніе подъ стражу поражаетъ обвиняемаго въ одномъ изъ первыхъ и лучшихъ его жизненныхъ благъ, при чемъ иногда причиняетъ ему преждевременный и непоправимый ущербъ“. Если съ этими строками сопоставить *первое* основаніе постановленія № 000 о заключеніи меня подъ стражу за „несознаніе со стороны Иванова въ содѣяніи возводимаго на него преступленія“, то можно подумать, что г. слѣдователь счелъ себя въ правѣ *наказать* меня и при томъ не за преступленіе, а за несознаніе, ибо сознаніе или несознаніе обвиняемаго нигдѣ въ законѣ не считается за

основаніе къ избранію той или иной мѣры пресѣченія; напротивъ 405 ст. уст. уг. суд. прямо запрещаетъ слѣдователю домогаться сознанія обвиняемаго какими бы то ни было „мѣрами вымогательства“.

Къ означенному честь имѣю присовокупить, что, какъ видно изъ дѣла, я уже 9 мѣсяцевъ неустанно добиваюсь судебнаго признанія моихъ правъ и принадлежащаго мнѣ званія. Уклонюсь ли я отъ суда теперь, когда судьба моя и моихъ дѣтей должна рѣшиться окончательно? Напротивъ, я жду суда надъ собой, какъ величайшаго блага для моихъ дѣтей, какъ бы велики ни были мои личныя страданія; самая ужасная мысль, которая преслѣдуетъ меня, это та, что я могу умереть до дня суда, ибо только смерть можетъ заставить меня уклониться отъ явки въ судъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, т. е. принимая во вниманіе:

1) что слѣдствіе уже совершенно окончено;

2) что мое семейное и матеріальное положеніе не даетъ основанія предполагать возможности бѣгства и

3) что за все время слѣдствія, начиная съ 8 февраля, я ничѣмъ не далъ основанія предположить, что я желалъ бы уклониться отъ суда, а, напротивъ, само дѣло доказываетъ, что я добиваюсь суда, какъ единственной возможности доказать мои права на званіе—

я честь имѣю почтительнѣйше просить су-

дебную палату: отмѣнить постановленіе г. слѣдователя отъ 1 ноября и 2 декабря 1904 года и отдать меня на поруки домовладѣльцу X. Y. Z. жит. въ Спб. по улицѣ д. №

С.-Петербургъ,

мѣсяцъ число годъ

Кассаціонныя рѣшенія.

1884 г., № 43, по дѣлу Лашкевича.

Лашкевичу съ первоначальной жалобой своею на дѣйствія судебнаго слѣдователя по дѣлу о немъ, Лашкевичѣ, какъ городскомъ головѣ, слѣдовало, по смыслу 491 ст. у. у. с., обратиться въ то судебное учрежденіе, разсмотрѣнію котораго въ качествѣ суда 1 степени, въ случаѣ преданія обвиняемаго суду, подлежало и самое дѣло, т. е. въ судебную палату непосредственно (3 п. 1078 ст. у. у. с.), ибо не представляется законнаго основанія предоставлять обсужденію окружнаго суда дѣйствія судебнаго слѣдователя по такому дѣлу, которое, въ силу положенія, занимаемаго обвиняемымъ, или самаго рода взведеннаго на него обвиненія, разсмотрѣнію окружнаго суда по закону подлежать не можетъ.

Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи за 1900 г.

Декабря 15 дня 1900 г. № 37669.

. . . При возбужденіи уголовнаго преслѣдованія ·утемъ начатія предварительнаго слѣдствія и ривлеченія къ нему обвиняемаго совершенно эобходимо прежде всего задаться вопросомъ о

томъ, имѣются ли къ сему, кромѣ законнаго повода, еще и достаточныя основанія въ видѣ наличности въ преслѣдуемомъ дѣяніи признаковъ наказуемости. Лишь по внимательномъ установленіи квалификаціи фактовъ, составляющихъ предметъ дѣла, возможно съ извѣстною увѣренностью въ правотѣ преслѣдованія допустить принятіе всѣхъ тѣхъ серьезныхъ мѣръ противъ личной свободы, которыя связаны съ судебно-уголовнымъ воздѣйствіемъ. Иначе, какъ прокурорскія, такъ и слѣдственныя распоряженія могутъ оказаться безпочвенными, произвольными и влекущими за собой, сверхъ основательныхъ нареканій,—еще и дисциплинарныя послѣдствія. Конечно, изъ опасенія ихъ отнюдь не слѣдуетъ уклоняться отъ пользованія обвинительными или слѣдственными полномочіями, которыми общежитіе охраняется отъ тяжкихъ посягательствъ, но тѣмъ не менѣе нужно тщательно взвѣсить юридическую сторону дѣла, прежде чѣмъ предпринимать уголовное производство, т. к. при ошибкѣ или неосмотрительности оно заранѣе будетъ обречено на уничтоженіе. Въ особо сомнительныхъ случаяхъ лучше даже вовсе воздержаться отъ возбужденія дѣла, нежели рисковать такимъ его оборотомъ, не отвѣчающимъ ни назначенію, ни достоинству судебной власти. Неблагопріятная, впрочемъ, и противоположная крайность, когда, напримѣръ, изъ за казуистическихъ тонкостей или преувеличенно сложныхъ толкованій задерживается или ослабляется правомѣрная сила уголовнаго возмездія. Здѣсь, какъ и въ другихъ проявленіяхъ карательной дѣятельности, всего умѣстнѣе тотъ осторожный и умѣренный образъ дѣйствій, который, руководствуясь точными предписаніями закона, не исключаетъ рѣшительности, а только обставляетъ ее добросовѣстною само

повѣркою и возможностью мотивированнаго отчета во всемъ сдѣланномъ.

. . . . Особенно настоятельными представляются незамедлительность и обстоятельность первоначальныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ спѣшному, а въ тоже время и прочному закрѣпленію слѣдовъ, которые оказались на мѣстѣ преступленія, на лицѣ, къ нему прикосновенномъ, и на окружающихъ предметахъ. Всякіе въ этомъ отношеніи пробѣлы и промедленіе могутъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ отразиться на интересахъ правосудія.

. . . . Столь же пагубно вліяетъ на полноту слѣдствія одностороннее его направленіе подъ давленіемъ первоначально сложившагося убѣжденія или предубѣжденія въ виновности кого либо, т. к. при этомъ упускаются изъ виду и оставляются безъ провѣрки возникающія изъ дѣла предположенія о возможности участія въ преступленіи лицъ, не привлеченныхъ къ слѣдствію. Такое предвзятое настроеніе, хотя и вполнѣ добросовѣстное, можетъ сильно повредить безпристрастію изслѣдованія, двигая его по ложному пути или создавая въ будущемъ предлогъ къ опорочиванію даже и правильно собраннаго, но неодинаково освѣщеннаго слѣдственнаго матерьяла.

. . . Еще опаснѣе и вреднѣе всякое излишество или натяжка въ лишеніи обвиняемаго свободы. Къ этой мѣрѣ можно прибѣгать, какъ неоднократно было указываемо Министерствомъ Юстиціи, единственно при крайней и неизбѣжной въ томъ надобности, когда исчерпана или устранена возможность принять какую либо иную, болѣе легкую предупредительную мѣру. Не говоря уже о томъ, что заключеніе подъ стражу поражаетъ обвиняемаго въ одномъ изъ первыхъ и лучшихъ

его жизненныхъ благъ, причемъ иногда причиняетъ ему преждевременный и непоправимый ущербъ, судебной практикѣ хорошо извѣстно, какое отрицательное вліяніе на строгость репрессіи оказываетъ эта мѣра въ глазахъ судей общественной совѣсти, побуждая ихъ своимъ мягкимъ или даже оправдательнымъ рѣшеніемъ какъ бы засчитывать подсудимому время, проведенное имъ въ тюрьмѣ до суда. Такое неожиданное послѣдствіе, очевидно, не соотвѣтствуетъ намѣренію законодателя и противорѣчитъ истиннымъ задачамъ уголовнаго возмездія. А потому личное задержаніе обвиняемаго при слѣдствіи, дорого обходящееся и казнѣ, и частнымъ интересамъ, должно быть примѣняемо сравнительно рѣдко и каждый разъ лишь по установленіи прямого законнаго къ тому основанія, главнымъ образомъ, въ видахъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, если есть какое либо вѣроятіе этого уклоненія. Всѣ же другія относящіяся сюда условія—тяжесть угрожающаго наказанія, силы уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія и личныя свойства обвиняемаго—являются второстепенными и служатъ болѣе для соображенія, чѣмъ для самаго рѣшенія вопросовъ объ избраніи мѣры пресѣченія. Не числомъ заарестованныхъ, а количествомъ раскрытыхъ преступленій и изобличенныхъ преступниковъ измѣряется карательная энергія и успѣшность уголовнаго преслѣдованія, въ которомъ предварительное заключеніе должно быть не общимъ правиломъ, а скорѣе твердо обоснованнымъ исключеніемъ. Тѣми же указаніями нужно руководствоваться въ случаѣ истребованія отъ обвиняемаго денежнаго залога или поручительства, т. к. слишкомъ высокій размѣръ того или другого можетъ быть равносиленъ взятію подъ стражу, что не всегда оправдываетс

значеніемъ избранной мѣры и фактическими обстоятельствами дѣла.

. . . . Немаловажное значеніе имѣетъ также характеръ дѣятельности суда по вызову свидѣтелей. Законъ 18 марта 1896 г., изданный въ ограниченіе непроизводительныхъ вызововъ, возложилъ на судъ важную задачу опредѣлять въ каждомъ данномъ случаѣ, могутъ ли имѣть значеніе обстоятельства, подлежащія разъясненію черезъ показанія вызываемыхъ свидѣтелей. Очевидно, всякое въ этомъ смыслѣ напрасное стѣсненіе сторонъ было бы несогласно съ истинною цѣлью закона, направленнаго отнюдь не къ сокращенію доказательствъ, а лишь къ упорядоченію ихъ представленія. Поэтому, въ предѣлахъ существа дѣла и обвиненія, судъ долженъ по возможности широко и благожелательно относиться къ сколько нибудь основательнымъ заявленіямъ сторонъ о вызовѣ свидѣтелей, а прокурорскій надзоръ—не препятствовать этимъ домогательствамъ.

. . . По предмету обжалованія судебныхъ приговоровъ слѣдуетъ вновь подчеркнуть многократно указанную Правит. Сенатомъ обязательность для прокурорскаго надзора своевременными возраженіями и заявленіями о занесеніи въ протоколъ судебнаго засѣданія обезпечивать дѣйствительность своихъ требованій. При несоблюденіи этого правила опротестованіе безцѣльно и ведетъ лишь къ замедленію въ окончаніи дѣла. Съ своей стороны, судъ долженъ самымъ внимательнымъ образомъ относиться къ точному изложенію въ протоколѣ засѣданія тѣхъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя, въ силу закона или вслѣдствіе ходатайства участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, подлежать включенію въ протоколъ, и въ частности своевременно удостовѣрять распоряженія, сдѣ-

ланныя предсѣдательствующимъ въ продолженіе засѣданія. Пробѣлы и оплошиости по этому поводу весьма затрудняютъ кассаціонное разсмотрѣніе дѣлъ. Нужно также не терять изъ виду, что, въ цѣляхъ экономіи времени и силъ, не всякій безъ изъятія приговоръ, несогласный съ заключеніемъ прокурора, долженъ быть имъ опротестованъ, а лишь такой, который признается явно неправильнымъ по фактическимъ или юридическимъ причинамъ. Самый же протестъ составляется не для одного лишь акта перенесенія дѣла въ высшій судъ, но для представленія на его уваженіе зрѣло обдуманныхъ и обстоятельно изложенныхъ соображеній обвинительной власти. Апелляціонная и кассаціонная инстанціи, конечно, вполнѣ свободны въ своихъ критическихъ сужденіяхъ о приговорахъ или дѣйствіяхъ низшихъ судебныхъ установленій, тѣмъ не менѣе при всякомъ вторичномъ разсмотрѣніи дѣла не могутъ не имѣть весьма вѣскаго значенія мнѣнія и выводы первыхъ судей, непосредственно ознакомленныхъ съ живою обстановкою дѣла и его участниками. Перерѣшеніе дѣла, по большей части основанное на письменныхъ данныхъ, не должно быть произведеніемъ только личныхъ воззрѣній вторыхъ, хотя бы и болѣе компетентныхъ судей, задача которыхъ сводится, главнымъ образомъ, къ исправленію допущенныхъ низшею инстанціею ошибокъ или невѣрныхъ толкованій.

ГЛАВА III.

Жалобы, прошенія и объясненія,

подаваемыя по окончаніи предварительнаго слѣдствія: 1) прокурору окружнаго суда и 2) въ судебную палату, а) въ качествѣ обвинительной камеры или б) аппелляціонной инстанціи.

По окончаніи предварительнаго слѣдствія судебный слѣдователь предъявляетъ его обвиняемому (ст. 476 Уст. Уг. Суд.) и отсылаетъ все производство къ прокурору окружного суда или его товарищу (ст. 478 Уст. Уг. Суд.). Прокуроръ, убѣдившись, что слѣдствіе произведено съ надлежащей полнотой, обязанъ въ теченіе недѣли (ст. 517 Уст. Уг. Суд.) разсмотрѣть, слѣдуетъ ли обвиняемаго предать суду, или же дѣло о немъ должно быть прекращено (ст. 510 Уст. Уг. Суд.). Въ такомъ случаѣ, заключеніе о прекращеніи дѣла, какъ сопряженнаго съ лишеніемъ правъ, такъ и несопряженнаго — безразлично — прокуроръ предлагаетъ окружному суду (ст. 518 Уст. Уг. Суд.) и уже на постановленіе суда о прекращеніи дѣла потерпѣвшій имѣетъ право, въ мѣсячный со дня объявленія этого постановленія срокъ, принести частную жалобу въ судебную палату (ст. 528[1] Уст. Уг. Суд.) въ порядкѣ 893 ст. Уст. Уг. Суд. Въ случаѣ же

заключенія о преданіи обвиняемаго суду, прокурорѣ составляетъ обвинительный актъ (ст. 519 Уст. Уг. Суд.) и представляетъ его прокурору судебной палаты, — если дѣло касается преступленія, влекущаго за собой лишеніе или ограниченіе правъ; если же предметъ дѣла составляетъ преступное дѣяніе менѣе важное, то обвинительный актъ предлагается окружному суду. Во всѣхъ этихъ стадіяхъ движенія уголовнаго дѣла стороны—потерпѣвшій и обвиняемый—могутъ подавать жалобы, прошенія и объясненія: прокурору окружнаго суда—немедленно по поступленіи къ нему предварительнаго слѣдствія и до составленія имъ обвинительнаго акта; въ окружный судъ и въ судебную палату,—послѣдней въ качествѣ аппелляціонной инстанціи—возраженія противъ прекращенія дѣла и, наконецъ, судебной палатѣ, какъ обвинительной камерѣ—объясненія противъ предложеннаго ей для утвержденія обвинительнаго акта (ст. 534 Уст. Уг. Суд.), причемъ палата обязана войти въ разсмотрѣніе поданныхъ обвиняемымъ прошеній о неправильномъ направленіи дѣла (Рѣш. Уг. Касс. Д-та 1867 г., № 413), но опредѣленія палаты о прекращеніи преслѣдованія являются окончатель-

ными и подлежатъ обжалованію только въ порядкѣ надзора (см. главу вторую), а въ случаѣ преданія суду—могутъ быть предметомъ кассаціонной жалобы, но не иначе, какъ при обжалованіи окончательнаго судебнаго приговора (Рѣш. Уг. Касс. Д-та 1881 г., № 29; 1895 г., № 17).

Практическіе примѣры.

I.

Прошеніе прокурору окружнаго суда (передъ составленіемъ обвинительнаго акта).

Господину прокурору спб. окр. суда

Купца Ивана Ивановича Иванова, обв. по ст. 1707 улож. о нак.

ПРОШЕНІЕ.

Постановленіемъ г. исполняющаго должность судебнаго слѣдователя *** участка г. С.-Петербурга отъ 1 апрѣля 1904 г. я привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1707 ст. улож. о нак.

На основаніи 3 п. 510 и 523 ст. уст. угол. суд., имѣю честь представить слѣдующія мои объясненія.

I.

Кольцовъ, говорится въ постановленіи, *заявляетъ*, что подписалъ счетъ на 1420 р., а

получилъ лишь 1320 р. Свидѣтели, указанные имъ, показали: 1) Никитинъ: о сдѣлкахъ его, Никитина, со мной, о векселѣ князя Нивина и о сдѣлкахъ со мной Мухина и Сѣнцова; 2) Гранитовъ: о сдѣлкѣ Мухина со мной; 3) Соколинъ: о своей несостоявшейся со мной сдѣлкѣ.

Но что показали свидѣтели о моей сдѣлкѣ съ Кольцовымъ? Ни слова. Чѣмъ подтверждено заявленіе Кольцова? Ничѣмъ.

Такимъ образомъ оказывается, что ни одинъ изъ свидѣтелей, выставленныхъ самимъ Кольцовымъ, не подтвердилъ „заявленія“ его о томъ, что я не доплатилъ ему 100 руб., и это заявленіе, какъ было, такъ и остается совершенно голословнымъ.

Законъ требуетъ, чтобы прокуроръ, т. е. лицо, не имѣющее въ процессѣ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ правосудія, составлялъ обвинительный актъ только тогда, когда въ дѣлѣ имѣются „доказательства и улики“ (п. 4 ст. 520 уст. уг. суд.); доказательства требуются и отъ судебной коллегіи, постановляющей приговоръ (п. 2 ст. 797 уст. уг. суд.),—неужели же отъ этой обязанности, лежащей на прокурорѣ и на судьяхъ, можетъ быть свободенъ первый встрѣчный, приносящій жалобу? Неужели онъ можетъ „доказательства“ замѣнить своимъ „заявленіемъ“?

Если обратиться непосредственно къ обстоятельствамъ дѣла, поскольку они вы-

яснились въ дознаніи и слѣдствіи, то окажется:

„Нефтепромышленникъ“ (см. имѣющійся въ дѣлѣ счетъ, имъ же подписанный) Кольцовъ принесъ мнѣ 10 купоновъ Либ.-Роменской дороги по 28 руб., всего на сумму 280 руб. и 30 купоновъ Юго-Западной дороги по 38 руб., за которые я получилъ, какъ не отрицаетъ самъ Кольцовъ, по 19 руб., т. е. получилъ 570 руб. За эти купоны, стоившіе 850 руб. (280+570), я выдалъ 1420 р., какъ подписался на счетѣ самъ Кольцовъ, т. е. на 600 почти руб. болѣе, или, пусть будетъ какъ ложно утверждаетъ Кольцовъ, 1320 руб., т. е. почти на 500 руб. больше, чѣмъ слѣдовало, Далѣе: самъ Кольцовъ показалъ, что мы „уговорились, что онъ вернетъ мнѣ занятую сумму *безъ процентовъ*, а я возвращу ему купоны“. О ста руб., якобы недоплаченныхъ мной до 1420 р., Кольцовъ показалъ, что я ихъ взялъ *вѣроятно* какъ проценты. Спрашивается: есть ли во всемъ этомъ хоть малѣйшіе признаки ростовщической сдѣлки, разъ самъ мнимо-потерпѣвшій говоритъ, что мы условились, чтобы она была безъ процентовъ? Затѣмъ, какое противорѣчіе въ одной фразѣ: сдѣлка безъ процентовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ı тутъ-же беру 100 руб., „вѣроятно“ какъ роценты. Какъ это объяснить, если не явной, ›тя и весьма неискусной ложью Кольцова? ıкъ объяснить, что заявленіе Кольцова о

недоданныхъ 100 руб. не только осталось совершенно голословнымъ, но и противорѣчитъ цифрамъ его собственнаго счета, именно: 10 купоновъ одной дороги по 28 руб. (280 р.) плюсъ 30 купоновъ другой дороги по 38 руб. (1140 руб.) (см. счетъ) равняются 1420 рублямъ, а не 1320. Отчего же моя цифра совершенно совпадаетъ и съ собственнымъ расчетомъ Кольцова и съ простымъ сложеніемъ и умноженіемъ, а цифра, выдуманная Кольцовымъ, положительно ни съ чѣмъ совпасть не можетъ. Нѣтъ, если квалифицировать „сдѣлку" по уложенію о наказ., то она предусмотрѣна не 1707 ст., а 1688, ибо здѣсь произошло вовлеченіе *меня* въ невыгодную сдѣлку. Въ самомъ дѣлѣ: кто выдавалъ себя за нефтепромышленника? Кольцовъ. Кто могъ знать, что дѣла дороги пошатнулись и что поэтому купонъ стоитъ не 38 руб., а ровно половину? Акціонеръ Кольцовъ. Кто, несмотря на это, взялъ у меня обманно не по 19 руб., а по 38 руб. за купонъ? Кольцовъ. Кто получилъ съ меня лишнихъ 600 руб. и до сихъ поръ не вернулъ ихъ? Кольцовъ. Однако я не возбуждалъ противъ него уголовнаго преслѣдованія, а только искалъ свою потерю въ судѣ гражданскомъ. И вотъ, когда мнѣ присудили съ Кольцова мои 600 руб., онъ мудро предпочелъ роли отвѣтчика или обвиняемаго благодарную роль потерпѣвшаго...

Нельзя не остановиться еще и на слѣдую-

щемъ соображенiи: пусть Кольцовъ правъ, т. е. допустимъ, что онъ выманилъ у меня не 600 руб., а только 500. Что-же, эти 500 р., признаваемые имъ какъ безспорные, онъ возвратилъ мнѣ? Вѣдь дѣйствительно „потерпѣвшiй“ прежде всего вернулъ бы безспорные 500 руб., а уже относительно 100 руб. возбудилъ бы уголовный или гражданскiй споръ. Кольцовъ же безъ всякаго суда штрафуетъ меня на 500 руб. и не возвращаетъ ни одной копѣйки.

Расчетъ его совершенно ясенъ: добиться моего осужденiя и отослать меня вмѣстѣ съ исполнительнымъ на него листомъ въ арестантскiя отдѣленiя.

II.

Рядомъ съ „нефтепромышленникомъ“ Кольцовымъ стоитъ среди моихъ обвинителей „владѣлецъ каменноугольн. шахтъ“ Гранитовъ. Онъ заявляетъ, что денегъ у меня никогда не занималъ и вообще никогда въ денежныхъ отношенiяхъ со мной не состоялъ. Но онъ, Гранитовъ, знаетъ, что Мухинъ и Сѣнцова платили мнѣ ростовщическiе проценты. Допрашивается Мухинъ и показываетъ: никогда не платилъ Иванову болѣе 12%. Когда срокъ насталъ, ему, Мухину, пришлось для уплаты по векселю *розыскивать* Иванова ибо онъ, чтобы „не безпокоить Мухина“ взялъ

изъ банка хранившійся тамъ вексель. Такова моя „ростовщическая“ дѣятельность по отзыву Мухина.

Не такъ отзывается Мухинъ о Гранитовѣ, именно: однажды они вмѣстѣ пополамъ заняли у кого-то деньги, но когда насталъ срокъ, Мухину пришлось уплатить всю сумму сполна, т. е. и за Гранитова. Отсюда выясняется, можетъ быть, принципіальный взглядъ г. Гранитова на сдѣлки, именуемыя займомъ: заемъ есть сдѣлка, по которой деньги берутъ, но не отдаютъ; кто отдаетъ взятое, тотъ есть „жертва ростовщиковъ“.

Затѣмъ допрашивается Сѣнцова и показываетъ: „брала у Иванова деньги безъ процентовъ, а когда я предлагала ему проценты, то Ивановъ даже обижался“.

И такъ: оба свидѣтеля, на которыхъ сослался Гранитовъ, показали какъ нельзя яснѣе, что всѣ его утвержденія—наглая выдумка, а Сѣнцова прибавила еще, что когда я не пожелалъ дать денегъ Гранитову, то онъ говорилъ ей, свидѣтельницѣ, что будетъ показывать противъ меня.

И такъ: Кольцовъ пошелъ на меня жаловаться, когда я потребовалъ съ него 600 руб., полученные имъ съ меня обманнымъ образомъ; а Гранитовъ,—когда я не пожелалъ дать ему денегъ за показаніе на судѣ.

Замѣчательно еще слѣдующее: Мухинъ и Сѣнцова „жалуются“ на мою преступную дѣя-

тельность какому-то Гранитову. А когда ихъ спрашиваетъ судебный слѣдователь о моей дѣятельности, то ему они не жалуются, а, напротивъ, горячо опровергаютъ всѣ извѣты Гранитова.

Но пока образуется цѣлая цѣпь: Кольцовъ ссылается на Гранитова, Гранитовъ ссылается на Мухина и Сѣнцову. И въ концѣ концовъ оказывается, что все выдумано и Гранитовымъ и Кольцовымъ.

III.

Третій мой обвинитель—г. Никитинъ. Такъ какъ всѣ нѣдра земные распредѣлены уже между Кольцовымъ (нефт. источники) и Гранитовымъ (камен. шахты), то г. Никитинъ скромно умалчиваетъ о своемъ общественномъ положеніи, но свидѣтели называютъ его „посредникомъ“. Если Гранитовъ даетъ Кольцову устныя указанія о моихъ „жестокостяхъ“ по отношенію къ Мухину и Сѣнцовой, то Никитинъ даетъ ему уже „выписку“ моихъ кліентовъ (см. показаніе Кольцова). Никитинъ прямо заявляетъ, что учитывалъ у меня векселя изъ 24% годовыхъ; представить какія-нибудь доказательства онъ не можетъ; „письменныхъ документовъ у него нѣтъ“. И безъ малѣйшаго смущенія ссылается на того-же Мухина и ту же Сѣнцову, показанія которыхъ разобраны выше.

Кромѣ того онъ указываетъ на князя Нивина и князя Ракитина.

Допрашиваютъ того и другого.

Кн. Нивинъ показываетъ, что не помнитъ ни того, какую сумму получилъ, ни срока, ни даже того, чтобы проценты при займѣ были *вычтены* впередъ. Вся операція была черезъ Никитина.

Кн. Ракитинъ показываетъ, что Иванова никогда не видѣлъ, а операцію съ векселемъ сдѣлалъ черезъ *посредника* Никитина.

А что Никитинъ умѣлъ учитывать векселя такимъ образомъ, что самъ платилъ 8%, а бралъ гораздо больше,—объ этомъ я просилъ допросить трехъ свидѣтелей, каковое мое ходатайство уважено не было. На сколько правдиво показаніе Никитина, видно также изъ показанія кн. Звѣздонича (см. полицейское дознаніе), который учелъ у меня вексель въ 2.000 р. изъ 12% годовыхъ, но „по таковому не уплатилъ еще по настоящее время и не смотря на это Ивановъ векселя ко взысканію не предъявляетъ“.

Къ этому прибавлю, что Никитинъ привлекался мною къ уголовной отвѣтственности за растрату выигрышнаго билета.

Въ дѣлѣ имѣется еще показаніе Трилиной о моемъ покушеніи взять съ нея 2% въ мѣсяцъ; но покушеніе на ростовщичество не наказуется и потому я подробно не остановлюсь на этой свидѣтельницѣ. Замѣчу только,

что по ея словамъ она обратилась ко мнѣ по рекомендаціи все того же „золотопромышленника" Кольцова и фигурировала въ „выписи" все того же Никитина. Каково ея отношеніе къ третьему члену тріумвирата, г-ну Гранитову,—въ дѣлѣ свѣдѣній не имѣется.

Вотъ весь матерьялъ, заключающійся въ дѣлѣ. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что все обвиненіе построено на показаніяхъ трехъ лицъ: Кольцова, Никитина и Гранитова, изъ коихъ первый выманилъ у меня деньги подъ купоны дороги, второй растратилъ ввѣренный мной ему выигрышный билетъ, а третій не получилъ отъ меня денегъ за показаніе у слѣдователя и на судѣ. Всѣ ихъ показанія о сдѣлкахъ, касающихся ихъ самихъ, совершенно голословны и явно сшиты бѣлыми нитками; а о сдѣлкахъ съ третьими лицами— немедленно и категорически опровергаются этими третьими лицами.

Всѣ ссылки обвинителя на такъ сказать психологію должниковъ, которые „не хотятъ на будущее время лишиться кредита" и потому даютъ благопріятныя для меня показанія и невѣрны и наивны, ибо въ сотняхъ дѣлъ, прошедшихъ предъ судебной палатой, сотни свидѣтелей-должниковъ даютъ самыя жестокія противъ дѣйствительныхъ ростовщиковъ показанія, а въ настоящемъ дѣлѣ гг. Кольцовъ, Никитинъ и Гранитовъ какъ нельзя лучше опровергаютъ эту оригинальную тео-

рію о необыкновенной предупредительности должниковъ.

Такъ какъ, на основаніи 478 ст. уст. уг. суд., слѣдственное производство отослано Вамъ, г. прокуроръ, то я покорнѣйше прошу, въ виду всего вышеизложеннаго, дѣло обо мнѣ, на основаніи 3 п. ст. 510 уст. уг. суд. и 277 ст. уст. уг. суд., направить въ окружный судъ для прекращенія.

Прокуроръ соглашается съ доводами обвииняемаго, составляетъ заключеніе о прекращеніи дѣла, предлагаетъ его окружному суду, который постановляетъ дѣло прекратить.

Противная сторона на это постановленіе суда приноситъ, какъ сказано выше, жалобу въ палату. Противъ этой жалобы обвиняемый представляетъ свое объясненіе.

II.

Въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

Купца И. И. Иванова, обв. по ст. 1707 улож. о нак.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ судебную палату представлено, въ порядкѣ ст. 528² уст. уг. суд., дѣло по обвиненію меня Кольцовымъ по 1707 ст. ул. о нак. Какъ видно изъ постановленія г. судебнаго слѣдователя, основаніемъ къ привлеченію меня въ качествѣ обвиняемаго послужили показанія трехъ свидѣтелей.

(Затѣмъ могутъ быть повторены доводы, изложенные въ предыдущемъ „практическомъ примѣрѣ“ съ прибавленіемъ слѣдующихъ юридическихъ соображеній):

Также неосновательны толкованія смысла 180² ст. уст. о нак. и 1707 ст. улож. о нак., ибо никакая статья уголовнаго закона не можетъ быть примѣнена, разъ установлена „совершенная недостаточность собранныхъ уликъ“ (ст. 277 уст. уг. суд.), а въ заключеніи г. прокурора отъ 1-го іюня 1904 г. о прекращеніи дѣла, въ заключительномъ пунктѣ, прямо говорится о „недоказанности событія преступленія“.

Въ виду вышеизложеннаго, покорнѣйше прошу жалобу Кольцова оставить безъ послѣдствій, а дѣло обо мнѣ, на основаніи ст. 277 и 534 уст. уг. суд., прекратить.

С.-Петербургъ,
1904 г. ноября   дня.

III.

Жалоба въ палату на прекращеніе дѣла окружнымъ судомъ.

Въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

Дворянина П. А. Петрова, живущаго по *** улицѣ, д. № , кв.

ЧАСТНАЯ ЖАЛОБА.

Опредѣленіемъ с.-петербургскаго окружнаго суда, состоявшимся 1 ноября 1904 г., дѣло объ оклеветаніи меня въ оффиціальной бумагѣ Ивановымъ Ивановымъ прекращено за примиреніемъ сторонъ.

Опредѣленіе это я нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ:

Послѣ подачи мной 15 мая 1904 г. первоначальной жалобы г-ну судебному слѣдователю *** участка, я и Ивановъ были вызваны 15 іюня г-номъ слѣдователемъ въ порядкѣ 303[1] ст. уст. угол. суд. для примиренія. На вопросы замѣнявшаго слѣдователя я заявилъ, что готовъ примириться лишь въ томъ случаѣ, если въ семидневный срокъ г. Ивановъ заставитъ своего повѣреннаго сознаться въ оклеветаніи меня и подать въ то же присутственное мѣсто о томъ заявленіе. При чемъ тутъ же спросилъ, какъ мнѣ поступить,

если по истеченіи семи дней, г-нъ Ивановъ условія не исполнитъ? На это г. кандидатъ, замѣнявшій слѣдователя, сказалъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ я долженъ буду подать заявленіе о неисполненіи г. Ивановымъ условія, и тогда дѣлу данъ будетъ дальнѣйшій ходъ. То же самое подтвердилъ и г. судебный слѣдователь *** участка. Послѣ этого я подписалъ протоколъ.

По истеченіи назначенныхъ семи дней, я 23 іюня подалъ г-ну судебному слѣдователю прошеніе, въ которомъ излагалъ, что заявленіе отъ повѣреннаго Иванова въ присут. мѣсто не поступило, что, слѣдовательно, условіе, въ зависимость отъ котораго было поставлено примиреніе, не наступило, а потому и самое примиреніе не состоялось,—вслѣдствіе чего просилъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ.

Послѣ этого дѣло мое было 1 августа направлено черезъ прокурорскій надзоръ въ окружный судъ, при чемъ однако мое прошеніе отъ 23 іюня къ дѣлу приложено не было, въ чемъ палата можетъ убѣдиться изъ донесенія г-на прокурора окружному суду отъ 10 сентября 1904 г.

Такимъ образомъ, окружный судъ, не имѣя при разсмотрѣніи дѣла моего прошенія отъ 23 іюня, правильно полагалъ, что разъ я по истеченіи назначенныхъ семи дней не заявилъ о неисполненіи Ивановымъ условія, въ зависимость отъ коего было поставлено примире-

ніе,—то значитъ Ивановъ условіе выполнилъ и примиреніе состоялось; почему окружный судъ 1 октября опредѣлилъ дѣло прекратить.

Уже послѣ этого, а именно 7 ноября 1904 г. г-нъ прокуроръ препроводилъ окружному суду мое прошеніе отъ 23-го іюня, которое имѣетъ самое существенное для дѣла значеніе и представляетъ его въ иномъ, единственно правильномъ видѣ.

Но это было уже спустя шесть дней послѣ состоявшагося опредѣленія окружнаго суда.

А посему прошу судебную палату опредѣленіе окружнаго суда отъ 1 ноября 1904 г. отмѣнить и предписать окружному суду войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу допустить меня представить палатѣ устныя по дѣлу объясненія, изъ которыхъ палата убѣдится, что положеніе мое, созданное клеветой Иванова, является въ высшей степени тяжкимъ, и единственнымъ выходомъ изъ него представляется привлеченіе Иванова къ законной отвѣтственности.

С.-Петербургъ,

число мѣсяца года.

IV.

Объясненіе обвиняемаго, подаваемое въ обвинительную камеру.

Въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

Дворянина Ивана Ивановича Иванова, живущаго въ г. Витебскѣ по ул., д. №.

ПРОШЕНІЕ.

На утвержденіе палаты представленъ въ порядкѣ ст. 523 уст. угол. суд. обвинительный актъ обо мнѣ, по дѣлу о присвоеніи мною 15.000 руб., полученныхъ мною отъ учета векселя, выданнаго мнѣ купцомъ Петровымъ 1 мая 1904 г. Такъ какъ я въ первомъ же своемъ показаніи, данномъ у судебнаго слѣдователя, заявилъ, что вексель былъ переданъ мнѣ Петровымъ въ собственность, а не для учета, то покорнѣйше прошу—впредь до разрѣшенія спора о правѣ собственности на вексель въ судѣ гражданскомъ—уголовное преслѣдованіе противъ меня прекратить, за силою ст. 27 уст. угол. суд. и рѣш. угол. касс. д-та. 1897, № 15.

(Подпись).

Кассаціонныя рѣшенія.

I.

Прошеніе прокурору окружнаго суда (передъ составленіемъ обвинительнаго акта).

Господину прокурору спб. окр. суда

Купца Ивана Ивановича Иванова,
обв. по ст. 1707 улож. о нак.

ПРОШЕНІЕ.

Постановленіемъ г. исполняющаго должность судебнаго слѣдователя *** участка г. С.-Петербурга отъ 1 апрѣля 1904 г. я привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1707 ст. улож. о нак.

На основаніи 3 п. 510 и 523 ст. уст. угол. суд., имѣю честь представить слѣдующія мои объясненія.

I.

Кольцовъ, говорится въ постановленіи, *заявляетъ*, что подписалъ счетъ на 1420 р., а

I.

Прошеніе прокурору окружнаго суда (передъ составленіемъ обвинительнаго акта).

Господину прокурору спб. окр. суда

Купца Ивана Ивановича Иванова, обв. по ст. 1707 улож. о нак.

ПРОШЕНІЕ.

Постановленіемъ г. исполняющаго должность судебнаго слѣдователя *** участка г. С.-Петербурга отъ 1 апрѣля 1904 г. я привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1707 ст. улож. о нак.

На основаніи 3 п. 510 и 523 ст. уст. угол. суд., имѣю честь представить слѣдующія мои объясненія.

I.

Кольцовъ, говорится въ постановленіи, *заявляетъ*, что подписалъ счетъ на 1420 р., а

I.

Прошеніе прокурору окружнаго суда (передъ составленіемъ обвинительнаго акта).

Господину прокурору спб. окр. суда

Купца Ивана Ивановича Иванова,
обв. по ст. 1707 улож. о нак.

ПРОШЕНІЕ.

Постановленіемъ г. исполняющаго должность судебнаго слѣдователя *** участка г. С.-Петербурга отъ 1 апрѣля 1904 г. я привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1707 ст. улож. о нак.

На основаніи 3 п. 510 и 523 ст. уст. угол. суд., имѣю честь представить слѣдующія мои объясненія.

I.

Кольцовъ, говорится въ постановленіи, *заявляетъ*, что подписалъ счетъ на 1420 р., а

ГЛАВА IV.

Врученіе обвинительнаго акта. Вызовъ свидѣтелей. Избраніе защитника.



По утвержденіи судебной палатой, въ качествѣ обвинительной камеры, обвинительнаго акта (ст. 534 Уст. Уг. Суд.), дѣло поступаетъ въ окружный судъ (ст. 543 Уст. Уг. Суд.), и предсѣдатель его дѣлаетъ немедленно распоряженіе о передачѣ подсудимому копіи съ обвинительнаго акта (или съ жалобы частнаго обвинителя—по дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, согласно ст. 546 Уст. Уг. Суд.), и списка лицъ, которыя предполагается вызвать въ судъ (ст. 557 Уст. Уг. Суд.). Гражданскій истецъ лишь извѣщается о вступленіи въ судъ обвинительнаго акта;—о полученіи копіи съ него и при томъ на свой счетъ—онъ долженъ озаботиться самъ (ст. 559 Уст. Уг. Суд.). Въ семидневный срокъ со дня выдачи копіи обвинительнаго акта подсудимому или со дня полученія гражданскимъ истцомъ извѣщенія о вступленіи въ судъ обвинительнаго акта—и тотъ и другой могутъ просить о дополненіи списка

свидѣтелей, предназначенныхъ къ вызову въ судъ (ст. 557 и 560 Уст. Уг. Суд.), при чемъ необходимо обозначить точно: званія, имена, отчества, фамиліи, адресы указываемыхъ къ вызову свидѣтелей и обстоятельства, подлежащія разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей; законъ 18 марта 1896 г. уничтожилъ всякое въ этомъ отношеніи различіе между свидѣтелями, допрошенными и не допрошенными на предварительномъ слѣдствіи,—разъ только въ спискѣ, о коемъ говорится въ ст. 556 Уст. Уг. Суд., нѣтъ того или иного свидѣтеля. Ходатайства сторонъ о вызовѣ свидѣтелей разсматриваются судомъ, который при этомъ принимаетъ въ соображеніе, могутъ ли имѣть *значеніе* для дѣла обстоятельства, подлежащія разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей (ст. 575 Уст. Уг. Суд.); признавъ-же тѣ или иныя обстоятельства имѣющими значеніе для дѣла, судъ не имѣетъ права ограничить числа свидѣтелей, указываемыхъ въ подтвержденіе этихъ обстоятельствъ (Рѣш. Уг. Касс. Д-та 1881 г., № 27), судъ, значитъ, имѣетъ право качественнаго, а не количественнаго ограниченія свидѣтелей. Во всякомъ случаѣ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей судъ обязанъ составить опре

дѣленіе, съ изложеніемъ основаній отказа (ст. 575 Уст. Уг. Суд.). Стороны же въ теченіе недѣли со дня объявленія объ отказѣ могутъ заявить, что принимаютъ вызовъ свидѣтелей на свой счетъ и въ такомъ случаѣ судомъ дѣлается немедленно распоряженіе о вызовѣ этихъ свидѣтелей на счетъ просителя или предоставляется ему пригласить ихъ въ судъ отъ себя, по добровольному съ ними соглашенію (ст. 576 Уст. уг. суд.). Однако, признавъ въ порядкѣ ст. 575 Уст. уг. суд., что показаніе свидѣтеля не можетъ имѣть „никакого“ значенія для разъясненія истины по дѣлу, судъ не имѣетъ права удовлетворить затѣмъ ходатайство о предоставленіи подсудимому пригласить того же свидѣтеля на собственный счетъ (Рѣш. Уг. Касс. Д-та 1899 г., № 16).

Въ семидневный же, отъ врученія обвинительнаго акта, срокъ, подсудимый доводитъ до свѣдѣнія суда объ избраніи имъ защитника (ст. 557 Уст. уг. суд.), который, послѣ допущенія его предсѣдателемъ къ исполненію его обязанностей, (ст. 569 Уст. '. суд.), вступаетъ формально и оффиально въ свои права: объясняется на-'инѣ съ содержащимся подъ стражей поддимымъ, разсматриваетъ въ канцеляріи

суда подлинное дѣло (ст. 570 Уст. угол. суд.), вызываетъ свидѣтелей (ст. 575), вообще становится „участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ“ и пользуется всѣми правами стороны въ состязательномъ процессѣ (ст. 630 Уст. уг. суд.).

(Практическіе примѣры, кромѣ приводимыхъ ниже, см. также въ главахъ VI и VIII).

Практическіе примѣры.

I.

Вызовъ свидѣтелей.

Въ петербургскій окружный судъ.

По 3-му уголовному отдѣленію.
Защитника журналиста Ивана Ивановича Иванова, обв. по 1535 ст. улож. о нак., Присяжнаго Повѣреннаго ***, живущаго въ С.-Петербургѣ.

ПРОШЕНІЕ.

Телеграммой отъ 20 мая 1899 г. (листъ дѣла 48) обвиняемый И. И. Ивановъ просилъ судъ вызвать въ подтвержденіе его, Иванова, правоты въ судебное засѣданіе допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей: А, Б, В, Г и Д, адреса которыхъ имѣются въ дѣлѣ.

Обсудивъ означенное ходатайство, судъ призналъ (л. д. 49) его не подлежащимъ удовлетворенію по слѣдующимъ основаніямъ:

1) телеграмма подсудимаго представляется способомъ сношенія съ судомъ, закономъ не предусмотрѣннымъ; 2) подпись Иванова и правильность содержанія этой телеграммы установленнымъ порядкомъ не засвидѣтельствованы; 3) не указаны точно званія, имена и отчества свидѣтелей А, Б, В, Г и ихъ точное мѣстожительство въ указанныхъ городахъ и 4) не указано, по какимъ именно обстоятельствамъ должны быть допрошены указываемыя лица.

Что касается первой причины къ отказу, приводимой судомъ, то нельзя не замѣтить, что она ни на какомъ законѣ не основана: ст. 557 уст. уг. суд. совершенно ясно говорить, что въ семидневный срокъ подсудимый „обязанъ *довести до свѣдѣнія* суда:.. не желаетъ ли, чтобы какія-либо другія лица, сверхъ указанныхъ въ предъявленномъ ему спискѣ, были допрошены въ качествѣ свидѣтелей...“

Въ ст. 575 уст. угол. суд. говорится о „*домогательствѣ*“ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о вызовѣ свидѣтелей.

Ст. 576 говоритъ: „если участвующее въ дѣлѣ лицо *заявитъ...*“

Итакъ: „доводить до свѣдѣнія“, „домогаться“, „заявлять“; нигдѣ законъ не указываетъ какихъ либо спеціальныхъ способов сношеній подсудимаго съ судомъ, предоставляя ему въ этомъ отношеніи полнѣйшу

свободу. Все то, что не запрещено,—дозволено, ибо законъ „предусматриваетъ“ дѣянія только недозволенныя; поэтому разъ въ законѣ нѣтъ спеціальнаго запрещенія подсудимымъ сноситься съ судомъ телеграммами, значитъ, это есть способъ сношенія законный.

По тѣмъ же основаніямъ представляется неправильной вторая причина къ отказу Иванову въ вызовѣ указываемыхъ имъ свидѣтелей, ибо нигдѣ законъ не требуетъ, чтобы подпись обвиняемаго и правильность содержанія его заявленій и домогательствъ, доводимыхъ имъ тѣмъ или инымъ не запрещеннымъ способомъ до свѣдѣнія суда,—была какимъ-либо порядкомъ свидѣтельствуема. Въ законѣ точно указано, какіе именно акты и документы должны совершаться формальнымъ порядкомъ: это—довѣренности, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. д. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія закона нельзя и говорить объ „установленномъ порядкѣ“ засвидѣтельствованія заявленій подсудимаго, ибо такой порядокъ въ законѣ вовсе не установленъ.

Переходя къ третьему соображенію суда, выставляемому какъ причина отказа въ вызовѣ свидѣтелей, необходимо замѣтить, что обвиняемый Ивановъ указалъ въ своемъ телеграфномъ заявленіи, что адресы свидѣтелей имѣются въ дѣлѣ. И, дѣйствительно, въ подлинномъ дѣлѣ не только имѣются ихъ

адресы, но на телеграммѣ Иванова сдѣланы надъ фамиліей каждаго свидѣтеля карандашныя отмѣтки, указывающія совершенно вѣрно листы дѣла, на которыхъ изложены показанія (и адресы) каждаго изъ свидѣтелей. Такъ какъ ни обвиняемый, ни его защитникъ не могъ, въ силу 570 ст. уст. угол. суд., разсматривать дѣло иначе какъ подъ наблюденіемъ секретаря, то слѣдовательно эти помѣтки сдѣланы не сторонами и поэтому суду совершенно точно, безъ всякаго засвидѣтельствованія правильности телеграммы, было извѣстно,—вызова какихъ именно свидѣтелей домогается обвиняемый, а также и мѣстожительство ихъ, ибо оно указано въ дѣлѣ.

Въ рѣш. угол, кас. деп. 1872 г., № 283, по дѣлу Вѣнценосцева, Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что отказъ суда въ просьбѣ о вызовѣ свидѣтелей представляется правильнымъ только въ томъ случаѣ, если обвиняемый не указалъ имени *и* фамиліи свидѣтеля; слѣдовательно, вовсе не требуется указанія „званія, имени и отчества“ свидѣтеля, и судъ можетъ отказать въ вызовѣ только того свидѣтеля, относительно коего не указано ни имя, ни фамилія; Ивановъ же фамилію каждаго свидѣтеля и, кромѣ того, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ указалъ.

Переходя къ послѣднему основанію отказа, именно къ неуказанію Ивановымъ тѣхъ обстоятельствъ, по коимъ свидѣтели должны быть

допрошены, надлежитъ замѣтить слѣдующее: Ивановъ указывалъ, что свидѣтели вызываются имъ „въ подтвержденіе его правоты“, т. е. что въ его, Иванова, статьяхъ нѣтъ клеветы. Обращаясь къ листу 10-му дѣла, видимъ, что обвинитель Петровъ въ прошеніи отъ 10 апрѣля просилъ вызвать цѣлый рядъ свидѣтелей, которые „удостовѣрятъ, что всѣ обвиненія — клевета“. Судъ постановилъ: вызвать указываемыхъ Петровымъ свидѣтелей, какъ могущихъ подтвердить его жалобу и давшихъ на предварительномъ слѣдствіи существенныя для дѣла показанія.

Но такъ какъ всѣ свидѣтели на предварительномъ слѣдствіи были спрашиваемы объ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, то судъ, признавъ эти обстоятельства существенными, не могъ уже, въ силу рѣш. угол. кас. деп. 1881 г. № 27, 1871 г. № 8, рѣш. общ. соб. 1875 г. № 50, ограничивать числа свидѣтелей, указываемыхъ въ подтвержденіе этихъ обстоятельствъ и вообще не имѣлъ права дѣлать выборъ между тѣми или другими изъ такихъ свидѣтелей.

Всѣ свидѣтели были спрашиваемы объ одномъ и томъ же: былъ ли Петровъ жестокъ съ арестантами, кормилъ ли ихъ гнилью и проч., т. е. писалъ ли Ивановъ правду, или нѣтъ? т. е.: что свидѣтели могутъ подтвердить: „правоту“ Иванова или что „всѣ обвиненія — клевета“. Слѣдовательно, надо установить

одно изъ двухъ: или правота обвиняемаго въ клеветѣ есть обстоятельство безразличное; но тогда законъ не далъ бы ему exeptio veritatis и тогда неизвѣстно, чѣмъ отличается честный журналистъ отъ клеветника. Или же—вопросъ о правотѣ обвиняемаго по 1535 ст. есть самый, если не единственно, существенный въ дѣлахъ о клеветѣ, — тогда указаніе обвиняемаго на желаніе выяснить этотъ вопросъ есть указаніе на самое существенное для дѣла обстоятельство.

Наконецъ, почему для Иванова недостаточно указать, что онъ желаетъ доказать свою правоту, т. е. что *все написанное правда*; а для Петрова достаточно указать, что онъ желаетъ доказать, что всѣ обвиненія—клевета, т. е. что *все написанное неправда.* Почему судъ понимаетъ одного и не понимаетъ другого, когда оба говорятъ объ одномъ и томъ же: Ивановъ говоритъ: я писалъ правду, Петровъ говоритъ: онъ писалъ неправду; одинъ утверждаетъ, другой отрицаетъ *то же* обстоятельство. Между тѣмъ судъ усматриваетъ здѣсь разницу, ходатайство Петрова удовлетворяетъ, а ходатайство Иванова оставляетъ безъ послѣдствій.

Въ этомъ нельзя не усмотрѣть нарушенія 630 ст. уст. уг. суд., ибо по закону частный обвинитель и подсудимый пользуются совер шенно одинаковыми правами.

Представляя эти соображенія, считаю не

обходимымъ указать также и на слѣдующія обстоятельства:

1) отказъ суда въ вызовѣ свидѣтелей есть частное опредѣленіе суда, которое можетъ быть отмѣнено новымъ опредѣленіемъ того же суда.

2) разсмотрѣніе дѣла безъ вызова указываемыхъ Ивановымъ свидѣтелей неизбѣжно представитъ дѣло въ одностороннемъ освѣщеніи и лишитъ судъ возможности исполнить его единственную и самую высокую задачу: „открыть въ каждомъ дѣлѣ безусловную истину“ (объясн. сост. суд. уст. на ст. 690 уст. угол. суд.), ибо „основною цѣлью уголовнаго процесса является не отысканіе истины въ предѣлахъ усмотрѣнія сторонъ, а въ интересахъ правосудія“ (рѣш. угол. касс. деп. 1895 г., № 17).

А посему и въ виду всего вышеизложеннаго имѣю честь просить окружный судъ о вызовѣ нижеслѣдующихъ свидѣтелей:

1) Коллежскаго совѣтника Степана Степановича Степанова, живущаго нынѣ въ Новгородской губ., въ городѣ Вышнемъ Волочкѣ.

2) Надворнаго совѣтника Алексѣя Алексѣевича Алексѣева, живущаго нынѣ въ городѣ Ялтѣ, въ гостинницѣ „Россія“.

3) Врача Якова Яковлевича Яковлева, живущаго тамъ-же.

4) Дмитрія Дмитріевича Дмитріева, живущаго въ С.-Петербургѣ, по Знаменской ул., д. № 000.

Всѣ вышеозначенные свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, о вызовѣ коихъ ходатайствовалъ Ивановъ, могутъ подтвердить, что Петровъ былъ съ арестантами жестокъ, хитеръ и лукавъ, и что Петровъ кормилъ арестантовъ гнилыми продуктами.

Если-бы судъ не призналъ возможнымъ уважить это ходатайство, то покорнѣйше прошу вызвать всѣхъ вышеперечисленныхъ свидѣтелей на счетъ обвиняемаго Иванова.

С.-Петербургъ,
1904 г., іюня 13 дня.

II.

Вызовъ свидѣтелей и просьба о направленіи дѣла къ дослѣдованію.

Въ С.-Петербургскій окружный судъ.

По 2 отдѣленію.

С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Ивана Ивановича Иванова, живущаго по Гороховой ул., д. № 54.

ПРОШЕНІЕ.

27 октября сего 1904 года мнѣ вручены: копія жалобы на меня купца Петра Петровича Петрова, повѣстка о назначеніи дѣла по обвиненію меня по ст. 1535 улож. о нак. на 23 ноября и списокъ судей, разсмотрѣнію которыхъ подлежитъ мое дѣло.

На основаніи ст. 557 уст. угол. суд. имѣю честь заявить ходатайство о вызовѣ въ судебное засѣданіе слѣдующихъ лицъ, въ качествѣ свидѣтелей:

1) Дворянина А (имя) Б (отчество) В (фамилія), живущаго по Троицкому пр. № 10— въ Саратовѣ.

2)

3)

Эти три свидѣтеля могутъ подтвердить,

что рыба, привезенная въ Петербургъ г. Петровымъ, была испорченная и при употребленіи ея въ пищу вредна для здоровья.

Такимъ образомъ относимость и даже существенность означенныхъ свидѣтельскихъ показаній для настоящаго дѣла несомнѣнна.

Но такъ какъ свидѣтели 1, 2 и 3 проживаютъ въ г. Саратовѣ, т. е. въ другомъ судебномъ округѣ и при томъ въ большой отдаленности, то для нихъ явка въ судъ можетъ оказаться затруднительной, а посему неявка будетъ признана, въ силу 2 п. 642 ст. уст. угол. суд., законной.

Такимъ образомъ, я, въ качествѣ обвиняемаго, былъ бы лишенъ законныхъ средствъ защиты.

Вотъ почему я имѣю честь заявить ходатайство о возвращеніи дѣла г. судебному слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія.

Такое ходатайство я заявляю впервые теперь потому, что о направленіи, которое приняло дѣло, мнѣ до сихъ поръ не было и не могло быть извѣстно, такъ какъ я ни разу не былъ допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго (ст. 398 уст. угол. суд.), мнѣ не было объявлено ни о производствѣ предварительнаго слѣдствія, ни о его окончаніи (ст. 476 уст. угол. суд.), ни о представленіи дѣла г. слѣдователемъ черезъ прокурорскій надзоръ въ окружный судъ (ст. 511 и 546 уст. угол. суд.)

Слѣдовательно, съ одной стороны до сихъ поръ не было момента, когда я могъ бы заявить ходатайство о производствѣ предварительнаго слѣдствія, а съ другой стороны, настоящимъ моимъ прошеніемъ я это ходатайство заявляю.

Кромѣ того, имѣю честь просить выдать мнѣ свидѣтельства на предметъ полученія справокъ изъ 1) Астраханскаго Врачебнаго Управленія о томъ, что 720 рыбъ по распоряженію администраціи были сожжены, какъ вредныя для здоровья и обманно водворенныя въ Астраханской губ.; 2) Астраханскаго окружнаго суда о томъ, что въ производствѣ его имѣются уголовное и гражданское дѣло по поводу водворенія, подъ видомъ семги, кэты.

Вмѣстѣ съ симъ довожу до свѣдѣнія суда, что защитникомъ моимъ я избралъ присяжнаго повѣреннаго X. Y. Z., живущаго по... ул., д. №...

С.-Петербургъ,
1904 г., ноября 2 дня.

III.

Просьба о направленіи дѣла къ производству предварительнаго слѣдствія.

Въ с.-петербургскій окружный судъ

по *** отдѣленію.

Защитника статскаго совѣтника Петра Степановича Иванова, обв. по ст. 1685 улож. о нак., присяжнаго повѣреннаго X. Y. Z.

ПРОШЕНІЕ.

На 15 іюня 1904 г. назначено къ слушанію дѣло П. С. Иванова, обв. по ст. 1685 улож. о нак.

Какъ видно изъ подлиннаго производства, окружный судъ въ распорядительномъ засѣданіи 1 февраля 1903 г. постановилъ о производствѣ по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія. Между тѣмъ за все время предварительнаго слѣдствія 1) Ивановъ ни разу и вовсе не былъ вызванъ, въ порядкѣ ст. 377—397 уст. угол. суд., въ качествѣ обвиняемаго; 2) Ивановъ не былъ допрошен согласно ст. 398—400 уст. угол. суд., пр чемъ судебный слѣдователь не спросилъ е даже, признаетъ ли онъ себя виновным

3) не допрошены свидѣтели, показанія которыхъ самимъ слѣдователемъ посылкой повѣстокъ признаны для дѣла необходимыми; 4) вопреки ст. 476 уст. угол. суд., обвиняемому не только не предъявлено слѣдствіе по его окончаніи, но отъ него было скрыто, что оно, по мнѣнію слѣдователя, закончено и только изъ повѣстки суда Ивановъ узналъ, что дѣло уже поступило въ судъ и даже назначено къ слушанію.

Такимъ образомъ требованіе суда о производствѣ предварительнаго слѣдствія осталось невыполненнымъ.

Посему, а также на основаніи ст. 545 уст. угол. суд., имѣю честь просить о направленіи дѣла къ дослѣдованію.

Кассаціонныя рѣшенія.

1871 г., № 8, по дѣлу Яковенковыхъ.

Законъ, предоставляя власти суда опредѣлять степень основательности ходатайства участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и степени важности обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію черезъ допросъ ихъ, не предоставляетъ на произвольное усмотрѣніе суда выборъ тѣхъ или иныхъ изъ указываемыхъ свидѣтелей, т. к. судъ, прежде допроса ихъ, не можетъ опредѣлить: которое изъ свидѣтельскихъ показаній будетъ имѣть болѣе существенное значеніе относительно разъясненія тѣхъ обстоятельствъ, изслѣдовать кои черезъ допросъ вызываемыхъ лицъ судъ призналъ необходимымъ.

1881 г., № 27, по дѣлу Агабена Гаджи Бекъ Оглы Меликова.

Признавъ обстоятельства, въ удостовѣреніе коорыхъ свидѣтели указаны, имѣющими существеное значеніе, окружный судъ опредѣлилъ изъ исла указанныхъ свидѣтелей вызвать трехъ еловѣкъ, а въ вызовѣ остальныхъ четырехъ, въ ›мъ числѣ Зотикова, отказать, т. к. они могутъ

удостовѣрить лишь тѣ же самыя обстоятельства, какъ и вызываемые свидѣтели. Судебная палата, признавая неправильнымъ отказъ суда въ вызовѣ свидѣтелей, ибо суду не принадлежитъ право выбора свидѣтелей по своему усмотрѣнію... поступила совершенно правильно.

1890 г., № 17, по дѣлу Вельяшева.

Хотя Сенатъ и не входитъ въ обсужденіе фактической основательности отказа, но устраненіе напр. ряда свидѣтелей, могущихъ показать объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, служитъ основаніемъ къ разсмотрѣнію этого вопроса въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. 1874 г. № 733; 1878 г. № 34), равно какъ и отказъ въ вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ могутъ касаться существенныхъ признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, какъ—запальчивость, раздраженіе, насиліе и т. д.

1895 г., № 17, по дѣлу Палемъ.

Согласно точному смыслу нашихъ процессуальныхъ законовъ, осуществленіе начала состязательности и огражденіе равноправности сторонъ не составляетъ исключительной задачи уголовнаг процесса и тѣмъ болѣе не исчерпываетъ его с держанія, а является лишь однимъ изъ его с щественныхъ условій, гарантирующихъ успѣ ность достиженія основной цѣли судебнаго разб

рательства, каковою, по выраженію составителей судебныхъ уставовъ (объясн. на ст. 690 уст. уг. суд.) должно быть признаваемо „открытіе въ каждомъ дѣлѣ безусловной истины", т. е. дѣйствительное установленіе виновности подсудимаго, дающей право на примѣненіе къ нему опредѣленнаго закономъ наказанія. Другими словами, основною цѣлью уголовнаго процесса является не отысканіе истины въ предѣлахъ усмотрѣнія сторонъ, а отысканіе истины при помощи сторонъ.

1899 г., № 16, по дѣлу Колесниковыхъ.

...Признавъ, по опредѣленію 4 декабря 1898 г., что показаніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чичерина по обстоятельствамъ, указаннымъ въ прошеніи подсудимыхъ отъ 1-го того же декабря (общая характеристика обвиняемаго Антипа Колесникова), не можетъ имѣть „никакого" значенія для разъясненія истины по дѣлу, окружный судъ не только не былъ обязанъ, но даже не имѣлъ права удовлетворить затѣмъ ходатайство защитника подсудимыхъ о предоставленіи имъ пригласить того-же свидѣтеля въ судъ на собственный ихъ счетъ.

...Судъ и нынѣ, какъ до изданія закона 18 марта 1896 г., имѣетъ право и даже обязанъ отклонять— конечно мотивированными опредѣленіями—просьбы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, заявленныя на основаніи 576 ст. уст., если признаетъ, что указанные въ тѣхъ просьбахъ свидѣтели не подлежатъ допросу въ силу самого закона (ст. 704 у. с.), или, что обстоятельства, подлежащія разъясненію чрезъ тѣхъ свидѣтелей, не только

не могутъ имѣть для дѣла полезнаго значенія, но вовсе къ дѣлу не относятся (рѣш. 1893 г. № 22) и являются излишнимъ загроможденіемъ судебнаго слѣдствія побочными данными, способными повредить ясности дѣла (рѣш. 1878 г. № 34) или даже прямо несоотвѣтствующими основной цѣли правосудія (рѣш. 1895 г. № 17).

ГЛАВА V.

Судебное слѣдствіе.

Во время судебнаго слѣдствія стороны не пишутъ, а говорятъ (ст. 625 у. у. с.), поэтому прошеніямъ, жалобамъ и письменнымъ заявленіямъ въ этой стадіи процесса нѣтъ мѣста. Заявленія о направленіи дѣла къ дослѣдованію, вслѣдствіе неполноты производства предварительнаго слѣдствія, могутъ быть сдѣланы письменно во время приготовительныхъ къ суду распоряженій (гл. IV), или устно при открытіи судебнаго засѣданія. Ходатайство о направленіи дѣла къ дослѣдованію, вслѣдствіе вновь, во время судебнаго слѣдствія, открывшихся обстоятельствъ, можетъ быть заявлено только устно и конечно лишь по открытіи этихъ обстоятельствъ въ порядкѣ ст. 549 у. у. с. Наиболѣе частый случай такого рода направленія дѣлъ бываетъ вслѣдствіе открытія обстоятельствъ, указывающихъ на умственное разстройство обвиняемаго (ст. 353—356 уст. угол. суд.). По этому вопросу

могутъ высказаться и присяжные засѣдатели, при чемъ для направленія дѣла къ дослѣдованію достаточно сомнѣнія хотя бы одного изъ присяжныхъ засѣдателей, входящихъ въ составъ присутствія.

Вопросъ о подсудности дѣла, разсматривающагося съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, не подлежитъ разсмотрѣнію суда; но если бы и въ этомъ направленіи открылись новыя обстоятельства, не бывшія въ виду обвинительной камеры, то окружный судъ представляетъ о томъ палатѣ (ст. 549 у. у. с.). Но это правило не касается однако разсмотрѣнія дѣла въ томъ или иномъ городѣ *въ предѣлахъ* даннаго судебнаго округа, ибо въ силу ст. 586 у. у. с., „мѣсто судебнаго засѣданія“ назначается предсѣдателемъ суда. Споръ о такомъ „мѣстѣ“ засѣданія возможенъ въ видѣ устнаго заявленія при открытіи засѣданія или въ видѣ прошенія, подаваемаго при полученіи повѣстки о назначеніи дѣла къ слушанію. Относительно неправильностей, допущенныхъ судомъ по поводу ходатайствъ о дополненіи списка свидѣтелей, на осн. ст. 575 и 576 у. у. с., возраженія могутъ, а иногда (рѣш. угол. кас. д-та 1870 г.

№ 1467, 1874, № 20, 1875, № 95, 1892 г., № 4) и должны быть сдѣланы при открытіи судебнаго засѣданія—въ видѣ новаго требованія о вызовѣ свидѣтелей или объ отсрочкѣ засѣданія.

Практическіе примѣры.

I.

Просьба объ отсрочкѣ засѣданія.

Въ с.-петербургскую судебную палату.

Защитника студента Ив. Иванова, обвиняемаго по 126 ст. угол. улож., присяж. повѣреннаго ***

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ распорядительномъ засѣданіи 5 января 1905 г. палата отказала обвиняемому въ вызовѣ 11 свидѣтелей, имѣющихъ установить alibi подсудимаго; въ установленный закономъ срокъ Ивановъ просилъ о томъ, чтобы, на основаніи ст. 576 уст. угол. суд., свидѣтели эти были вызваны на его, обвиняемаго, счетъ. Опредѣленіемъ, объявленнымъ Иванову 15 января, судъ постановилъ: предоставить подсудимому пригласить свидѣтелей въ судъ отъ себя по добровольному съ ними соглашенію. Eo ipso съ этого момента показанія означенныхъ свидѣтелей уже признаны имѣющими значеніе для дѣла, ибо приглашеніе видѣтелей, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, не можетъ, въ силу рѣшенія гол. касс. д-та 1899 г. № 16 по дѣлу Колес-

никовыхъ, быть предоставлено даже подсудимому. Такимъ образомъ вопросъ сводится только къ возможности для обвиняемаго *осуществить* предоставленное ему право. А такъ какъ изъ дѣла видно, что Ивановъ содержится подъ стражей полтора года, то само собою разумѣется, что этой возможности у подсудимаго нѣтъ и выходитъ, что ему дано право исполнить то, что завѣдомо неисполнимо, jus nudum; въ рѣшеніяхъ 1890 г. № 17, 1892 № 4 др. Сенатъ категорически запрещаетъ „замѣнять дѣйствительное право подсудимаго правомъ неосуществимымъ". Правда, у Иванова со дня врученія обвинительнаго акта имѣлся защитникъ, и перваго-же марта обвиняемый выслалъ мнѣ опредѣленіе суда, но, странствуя изъ тюрьмы черезъ прокурорскій надзоръ, письмо Иванова дошло до меня лишь 1 февраля; въ тотъ же день защитникъ разослалъ письма всѣмъ 11 свидѣтелямъ, изъ которыхъ одинъ проживаетъ въ Полтавской губ., такъ что приглашеніе явиться на судъ получено имъ, по всей вѣроятности, лишь сегодня, т. е, когда мы готовимся приступить къ разсмотрѣнію дѣла уже по существу. Въ виду вышеизложеннаго прошу: 1) дѣло слушаніемъ отложить и 2) послать всѣмъ 11 свидѣтелямъ защиты повѣстки отъ суда, ибо частныя приглашенія могутъ опять оказаться безполезными.

II.

Заявленіе о перенесеніи дѣла.

Въ петербургскій окружный судъ.

Защитника крестьянина Степана Иванова, обвиняемаго по 1454 ст. ул. о нак. Присяжнаго повѣреннаго X. Y. X., живущаго въ С.-Петербургѣ, части уч., по ул., д. №

ПРОШЕНІЕ.

Въ засѣданіи петербургскаго окружнаго суда 13 марта 1904 г. въ г. Гдовѣ мнѣ было предоставлено въ семидневный срокъ указать точные адресы свидѣтелей, вызываемыхъ въ порядкѣ 576 ст. уст. уг. суд., и представить въ счетъ суммъ, необходимыхъ на означенный вызовъ, задатокъ.

Въ исполненіе означеннаго опредѣленія суда, прилагая при семъ въ видѣ задатка 25 рублей, сообщаю адресы подлежащихъ вызову свидѣтелей.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь заявить, что въ томъ же засѣданіи 13 марта, послѣ провозглашенія опредѣленія суда объ отложеніи дѣла, я возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы слушаніе настоящаго дѣла было назначено въ г. Петербургѣ, но г. Предсѣдательствующій указалъ, чтобы я съ этимъ ходатайствомъ обратился въ окружный судъ, вслѣдствіе

чего, возобновляя мое ходатайство, представляю слѣдующія соображенія.

Мѣстомъ совершенія приписываемаго Иванову преступленія является, какъ указано въ обвинительномъ актѣ, городъ Петербургъ.

Предварительное по дѣлу слѣдствіе произведено г. судебнымъ слѣдователемъ 10 уч. г. Петербурга. Потерпѣвшая по дѣлу и двадцать свидѣтелей, изъ общаго числа двадцати шести, вызванныхъ по обвинительному акту, проживаютъ въ Петербургѣ.

Обвиняемый Ивановъ около 30 лѣтъ занимался коммерческими дѣлами въ г. Петербургѣ и, такимъ образомъ, хорошо извѣстенъ мѣстнымъ обывателямъ, изъ числа коихъ, въ силу п. 4 ст. 81 учр. суд. уст., должны быть избраны присяжные засѣдатели по дѣлу. Однако отъ всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ и самимъ закономъ предусмотрѣнныхъ удобствъ (ст. 208 уст. уг. суд., ст. 81 и 138 учр. суд. уст.) судъ отказался на томъ единственномъ основаніи, что февральская и мартовская сессіи по г. Петербургу были уже заняты другими арестантскими дѣлами и посему и на осн. ст. 586 уст. уг. суд., дѣло объ Ивановѣ было назначено къ слушанію въ г. Гдовѣ, гдѣ не проживаетъ ни одинъ свидѣтель, гдѣ самого обвиняемаго никто не знаетъ гдѣ не предполагается происшедшимъ ни оді обстоятельство, которое бы имѣло хотя (отдаленное отношеніе къ дѣлу.

Неудобство разсмотрѣнія дѣла не въ Петербургѣ сказалось уже въ засѣданіи 13-го марта, а именно, изъ свидѣтелей, вызванныхъ по обвинительному акту (не говоря о свидѣтеляхъ защиты) не явилась, между прочимъ, Ирина Голубева (по списку № 9); насколько важно показаніе этой свидѣтельницы, видно изъ того, что на нее имѣется ссылка въ обвинительномъ актѣ. Между тѣмъ, показаніе ея не могло быть даже оглашено, ибо законныхъ причинъ неявки она не представила, а 2 п. ст. 642 уст. уг. суд. также не могъ быть примѣненъ къ свидѣтельницѣ, проживающей въ томъ же судебномъ округѣ. Такого случая не можетъ быть при разсмотрѣніи дѣла въ Петербургѣ, ибо свидѣтель, находящійся въ мѣстѣ пребыванія суда, можетъ быть вызванъ посредствомъ словеснаго требованія (рѣш. угол. касс. д-та Правит. Сената 1870, № 122) и даже подвергнуть приводу (ст. 641 уст. уг. суд.); но такой случай можетъ повторяться до безконечности, при назначеніи дѣла въ Гдовѣ, куда каждый петербургскій свидѣтель долженъ ѣхать и по желѣзной дорогѣ, и на лошадяхъ. Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или придется, въ виду незаконной неявки свидѣтелей, откладывать дѣло и тѣмъ увеличивать и безъ того долговременное содержаніе обвиняемаго подъ стражей, или же слушать дѣло, не взирая на неприбытіе существенныхъ для дѣла свидѣ-

телей и тѣмъ лишить подсудимаго необходимыхъ средствъ защиты.

Наконецъ, послѣднее и весьма важное соображеніе въ пользу необходимости слушать настоящее дѣло въ Петербургѣ заключается въ томъ, что во время судебнаго слѣдствія можетъ оказаться необходимость въ производствѣ осмотра на мѣстѣ происшествія, на осн. ст. 689 ус. уг. суд. и рѣш. угол. касс. д-та Правит. Сената 1899 г. № 25 по д. Скитскихъ. Расположеніе въ гостиницѣ „Лиссабонъ“ номеровъ, корридоровъ, самаго № 000 имѣетъ громадное для дѣла значеніе, въ виду показаній главныхъ свидѣтелей обвиненія: А, В, Г, Ж и З относительно того, можно-ли было слышать крики потерпѣвшей, можно-ли было прятать ее при появленіяхъ свидѣтеля X. Y. и т. д.

Никто въ настоящее время не можетъ предвидѣть, въ какомъ именно направленіи развернется судебное слѣдствіе и потому нельзя въ настоящее время утверждать, что такой осмотръ на мѣстѣ непремѣнно потребуется; но именно потому нельзя теперь и отрицать, что эта необходимость явится во время судебнаго слѣдствія, что этого осмотра потребуютъ сами присяжные засѣдатели. Отказъ въ такой просьбѣ былъ-бы прямымъ нарушеніемъ закона, ибо преступленіе, въ которомъ обвиняется Ивановъ и за которо полагается наказаніе по 4 степ. 19 ст. улож

о нак., нельзя не признать „важнымъ“ (ст. 689 уст. уг. суд.), а удовлетвореніе этого ходатайства при разсмотрѣніи дѣла въ Гдовѣ, а не въ Петербургѣ, сопряжено съ большими и напрасными трудностями.

Въ виду всего вышеизложеннаго, имѣю честь просить назначить дѣло Иванова къ разсмотрѣнію въ городѣ Петербургѣ.

С.-Петербургъ,
17 марта, 1904 года.

Кассаціонныя рѣшенія.

1870 г., № 122, по дѣлу Устинова и Карнаухова.

По правиламъ преварительнаго слѣдствія какъ вызовъ свидѣтелей (ст. 435), такъ и призывъ обвиняемаго (ст. 377) дѣлаются по письменнымъ повѣсткамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ допускаетъ и вызовъ чрезъ словесное требованіе, въ случаѣ, когда упомянутыя лица находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится слѣдствіе. Въ силу сихъ постановленій предсѣдатель суда, удостовѣрясь передъ открытіемъ судебнаго засѣданія, что вызванный свидѣтель, находящійся въ мѣстѣ пребыванія суда, не явился по неизвѣстной причинѣ, не лишенъ права распорядиться о вызовѣ отсутствующаго свидѣтеля посредствомъ словеснаго требованія, которое, въ нерѣдкихъ случаяхъ, не только можетъ побудить неисправнаго свидѣтеля явиться своевременно къ судебному слѣдствію, но и способствовать выясненію причины его неявки. Само собою разумѣется, что подобное распоряженіе предсѣдателя не должно выходить изъ предѣловъ предоставленной ему власти въ области приготовительныхъ къ суду распоряженій (ст. 619) потому не можетъ сопровождаться понудительною къ явкѣ мѣрою, состоящей въ приводѣ свидѣтеля, какъ распоряженія предоставленнаго суду ст. 641), но оно не превышаетъ власти предсѣдателя и не противорѣчитъ цѣли и разуму закона,

если оно, еще до открытія засѣданія, предпринято въ видѣ напоминанія неявившемуся свидѣтелю исполнить свою обязанность.

1870 г., № 1467, по дѣлу Глѣбова.

Хотя необъявленіе подсудимому постановленія суда, состоявшагося по просьбѣ его о вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, составляетъ нарушеніе 576 ст. уст. уг. суд., но нарушеніе это должно считаться существеннымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно лишаетъ подсудимаго права на вызовъ свидѣтелей, какъ напр. по дѣлу Щелканцова, (№ 457 1870 г.), на которое сослался защитникъ подсудимаго Глѣбова при словесныхъ объясненіяхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; по настоящему же дѣлу при открытіи засѣданія и повѣркѣ свидѣтелей ни подсудимый, ни защитникъ не указывали на это обстоятельство, какъ на препятствіе къ продолженію засѣданія, и не просили объ отсрочкѣ онаго, а за симъ, не имѣя въ виду постановленія суда, которое послѣдовало бы по такому ихъ заявленію, нельзя прійти къ заключенію, чтобы судъ лишилъ ихъ права, предоставленнаго закономъ, такъ какъ только своевременное заявленіе о неизвѣстности, какія имѣло послѣдствія прошеніе о вызовѣ свидѣтелей, доказывало бы признаваемую въ нихъ необходимость и дѣлало бы возможнымъ исправленіе допущеннаго нарушенія; при оставленіи же безъ замѣчаній подобныхъ упущеній при самомъ производствѣ дѣла онѣ поводомъ кассаціи служить не могутъ, т. к. остается неизвѣстнымъ, насколько неисполненіе просьбы представлялось важнымъ

исправленіе нужнымъ, и только отказъ суда исправить нарушеніе, несмотря на своевременное заявленіе, долженъ считаться лишеніемъ права на вызовъ или представленіе свидѣтелей, т. е. стѣсненіемъ защиты, а не утвержденіе важности сего обстоятельства, послѣ уже состоявшагося приговора.

1874 г., № 20, по дѣлу Воробьева и Меркуловыхъ.

Хотя Воробьевъ, какъ видно изъ дѣла, и просилъ судъ о вызовѣ свидѣтелей Пахомова и Лукьянчикова, недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, въ чемъ ему, по опредѣленію суда, было отказано, въ виду несущественности ихъ показаній, причемъ изъ дѣла не видно, чтобы о таковомъ отказѣ онъ былъ своевременно увѣдомленъ, согласно 576 ст. уст. угол. суд., но это нарушеніе закона не можетъ быть признаваемо въ настоящемъ случаѣ существеннымъ, т. к. Воробьевъ, предполагавшій, какъ онъ объясняетъ, что судъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія о вызовѣ Пахомова и Лукьянчикова, тѣмъ не менѣе, при открытіи судебнаго засѣданія не заявилъ вновь требованія о вызовѣ этихъ свидѣтелей, что очевидно доказываетъ, что и самъ онъ не считалъ для себя ихъ показанія существенными.

1875 г., № 95, по дѣлу Милованова.

Принимая во вниманіе, что протоколомъ судебнаго засѣданія, оставленнымъ подсудимымъ безъ замѣчаній въ отношеніи правильности изложенія всего происходившаго на судѣ, положительно удостовѣряется, что ни подсудимымъ, ни защитникомъ его не только не было сдѣлано по сему предмету никакихъ заявленій, но и не было ими по окончаніи судебнаго слѣдствія указано на необходимость въ какомъ-либо дополненіи слѣдствія, нельзя не признать, что объясняемое въ жалобѣ подсудимымъ стѣсненіе правъ его, о которомъ имъ не было своевременно заявлено на судѣ до рѣшенія дѣла, не можетъ въ данномъ случаѣ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора.

1890 г., № 17, по дѣлу Вельяшева.

Хотя избраніе того или другого изъ указываемыхъ ст. 576 способовъ вызова свидѣтелей, т. е. вызовъ свидѣтелей судомъ на счетъ просителя или предоставленіе сему послѣднему пригласить свидѣтелей отъ себя, по добровольному съ ними соглашенію, зависитъ отъ суда и не подлежитъ провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, но судъ обязанъ принять въ соображеніе, какой изъ двухъ способовъ является болѣе удобнымъ въ каждомъ данномъ случаѣ (рѣш. 1868 г. № 342). Это послѣднее указаніе является крайне существеннымъ именно при избраніи судомъ второго способа, указываемаго 576 ст. у. у. с., т. е. приглашеніе свидѣтелей подсудимымъ по добровольному съ ними со

глашенію, т. к. подобное соглашеніе обвиняемаго со свидѣтелемъ часто является крайне затруднительнымъ, а иногда и вполнѣ невозможнымъ, напр. приглашеніе свидѣтелей изъ далекихъ мѣстностей при затруднительномъ положеніи свидѣтелей получать средства на переѣздъ отъ обвиняемыхъ, приглашеніе лицъ, находящихся на службѣ, лицъ, заключенныхъ подъ стражу, и т. д.—Въ большинствѣ такихъ случаевъ предоставленіе подсудимому пригласить свидѣтеля по добровольному съ нимъ соглашенію въ дѣйствительности равносильно отказу и нѣтъ сомнѣнія, что установленіе въ 576 ст. у. у. с. двоякаго способа допущенія на судъ свидѣтелей, указанныхъ подсудимымъ, не могло имѣть въ виду, при практическомъ его осуществленіи замѣну дѣйствительнаго права правомъ неосуществимымъ.

1892 г., № 4, по дѣлу Максименко, Чистякова и Балалайкина.

Какъ видно изъ протокола судебнаго засѣданія, оставленнаго безъ замѣчаній (р. у. к. д. 1876 г. № 69), защитникъ подсудимыхъ самъ изъявилъ согласіе на продолженіе засѣданія безъ первыхъ двухъ свидѣтелей и не просилъ объ отсрочкѣ слушанія дѣла за неявкою Околова.

...Хотя выборъ способа приглашенія свидѣтелей опредѣляется усмотрѣніемъ суда, но при этомъ судъ долженъ былъ принять во вниманіе, что предоставленіе подсудимымъ, подвергнутымъ содержанію подъ стражею, самимъ пригласить въ судъ ко вторичной явкѣ свидѣтелей, являлось для нихъ трудно исполнимымъ и равносильно предоставленію обвиняемому права защиты, которымъ онъ въ дѣйствительности воспользоваться не можетъ.

1899 г., № 25, по дѣлу Скитскихъ.

... Правительствующій Сенатъ находитъ, что распоряженіе о производствѣ новаго осмотра (ст. 688 у. у. с.) или выѣздъ суда, для осмотра на мѣсто преступленія (ст. 689 у. у. с.) зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу (рѣш. уг. кас. деп. 1874 г. № 137), и Правит. Сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассац. суда, не можетъ, за силою ст. 5 учр. суд. уст., входить въ обсужденіе вопроса, представляется ли, по обстоятельствамъ дѣла необходимымъ новый осмотръ; но судъ, отказывая сторонамъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайства о производствѣ новаго осмотра, обязанъ мотивировать таковой отказъ, приведенные же по сему предмету въ постановленіи суда доводы, если они не вытекаютъ изъ обстоятельствъ, относящихся къ существу дѣла, а основаны на толкованіи закона, подлежатъ провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ.

...Отрицаніе наличности условій, указанныхъ ст. 688 и 689 уст. уг. суд., представляется также лишеннымъ всякаго основанія, т. к. примѣненіе первой изъ нихъ находится исключительно въ зависимости отъ признанія протокола осмотра не имѣющимъ законной достовѣрности или надлежащей полноты, а въ данномъ случаѣ палата отказала и въ производствѣ осмотра такихъ мѣстъ и дорогъ близъ г. Полтавы, которыя на предварительномъ слѣдствіи осмотру не подвергались; ст. же 689 предусматриваетъ выѣздъ суда на мѣсто происшествія, для мѣстныхъ осмотровъ ближайшаго удостовѣренія въ событіи, когда о[...] заключаетъ въ себѣ важное преступленіе. В[...] проса о важности приписываемаго Скитским[...] преступленія палата въ своемъ постановленіи [...]

касалась и вообще причины отказа защитѣ въ ходатайствѣ о производствѣ осмотра, какъ мѣста совершенія преступленія, такъ и другихъ мѣстъ и дорогъ близь г. Полтавы, остаются невыясненными.

...Вышеприведенное содержаніе приговора о подсудимыхъ Скитскихъ совершенно наглядно удостовѣряетъ, что онъ постановленъ не иа сновавіи обсужденія обстоятельствъ дѣла въ ихъ совокупиости и всѣхъ доводовъ какъ обвиненія, такъ и защиты, а въ основаніе его легли лишь односторонніе доводы обвиненія, причемъ доказательства въ пользу подсудимыхъ или оставлены безъ должнаго вниманія, или же о нихъ совершенно умалчивается.

ГЛАВА VI.

Апелляціонные отзывы.

Противъ всѣхъ приговоровъ, постановленныхъ окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, подсудимые, частные обвинители и гражданскіе истцы (ст. 853, 856, 857 и 859 уст. уг. суд.) могутъ подавать въ двухъ-недѣльный со времени объявленія приговора въ окончательной формѣ срокъ — апелляціонные отзывы, которые *подаются* въ судъ, постановившій приговоръ (ст. 865 уст. уг. суд.), а *приносятся* на имя судебной палаты; возраженія же или объясненія стороны противъ отзыва другой стороны или апелляціоннаго протеста прокурора представляются непосредственно въ судебную палату до дня, назначеннаго для слушанія дѣла (ст. 872 уст. уг. суд.).

Практическіе примѣры.

I.

Въ С.-Петербургскую Судебную Палату

Московскаго купца Петра Степановича Иванова, живущаго въ С.-Петербургѣ, по *** ул., въ д. №

АПЕЛЛЯЦІОННЫЙ ОТЗЫВЪ.

Приговоръ с.-петербургскаго окружнаго суда по *** отдѣленію отъ 15 августа 1904 г., коимъ я признанъ виновнымъ по ст. 1685 улож. о нак., съ присужденіемъ меня къ уплатѣ двухъ тысячъ рублей въ доходъ казны и пятнадцати тысячъ пятисотъ тридцати одного руб. 94 к. въ пользу истца Петрова, я считаю неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ:

I. Въ силу дѣйствующаго о переводахъ закона (ст. 16 прил. къ ст. 420 (прим. 2) т. X, ч. I), самовольнымъ считается лишь такой переводъ книги, въ которомъ выписано двѣ трети сряду слово въ слово изъ прежнихъ переводовъ. Такъ какъ ст. 1685 улож. о нак.

не опредѣляетъ сама дозволеннаго къ перепечаткѣ размѣра произведенія, а отсылаетъ къ размѣру, „опредѣленному закономъ“, то въ случаяхъ обвиненія кого-либо въ самовольномъ переводѣ, надлежитъ, для опредѣленія въ каждомъ случаѣ состава преступленія, руководствоваться исключительно ст. 16 прил. къ ст. 420 т. X, ч. I. Такимъ образомъ, для состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1685 улож. о нак., необходимо, чтобы согласно ст. 16 прил, къ ст. 420, виновный изъ прежняго перевода выписалъ а) двѣ трети, б) сряду и в) слово въ слово.

Поэтому если новый переводъ представляетъ собой выписку изъ ранѣе сдѣланнаго перевода сряду слово въ слово не сполна двухъ третей; или сполна двухъ третей сряду, но не слово въ слово; или слово въ слово сполна двухъ третей, но не сряду, то нѣтъ налицо одного изъ существенныхъ признаковъ, указанныхъ ст. 16 прил. къ ст. 420, т. X, ч. I, а потому нѣтъ (относительно перевода) и преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1685 улож. о нак. Безспорность этихъ положеній установлена между прочимъ и оффиціальнымъ „проектомъ статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія“ (СПБ. типографія Правит. Сената, 1899 года, прилож. къ № 4 „Журн. Министр Юстиціи“, апрѣль 1899 г., стр. 106 и 48), который въ свою очередь

ссылается на всю по данному вопросу кассаціонную практику правительствующаго сената.

От этихъ общихъ соображеній, обращаясь къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, приходится установить, что приговоръ окружнаго суда не соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ требованіямъ закона.

Экспертъ Николаевъ, приглашенный противной стороной, указалъ на судебномъ слѣдствіи, что 1) слова и выраженія, придуманныя самимъ Дарвиномъ, помѣщены въ обоихъ переводахъ въ совершенно одинаковыхъ переводахъ; 2) что въ моемъ изданіи имѣются фразы, взятыя Петровымъ изъ французскаго текста и 3) что слово... переведено въ обоихъ изданіяхъ одинаково.

Нечего говорить, что отдѣльныя слова, выраженія и фразы въ книгѣ, состоящей изъ 44 печатныхъ листовъ, никакимъ закономъ, ни нынѣ дѣйствующимъ, ни даже „проектомъ" будущаго, болѣе строгаго закона,—не ограждены и не могутъ быть ограждены отъ позаимствованія, такъ какъ ни одно законодательство не можетъ выдавать патентовъ на отдѣльныя слова и фразы, какъ бы удачно онѣ ни были переведены. То же соображеніе относится и къ нѣкоторымъ опечаткамъ Петрова, отчасти повторенным и въ моемъ изданіи, такъ какъ и опечатокъ законъ не ограждаетъ отъ перепечатокъ. Таковы фактическія указанія экспертизы: они остроумны,

но противорѣчать требованіямъ ст. 16 прил. къ ст. 420. Когда же экспертиза отъ фактической работы переходитъ къ общимъ выводамъ, то эти выводы противорѣчать фактамъ.

Такъ напримѣръ, мнѣніе г. Николаева, что я позаимствовалъ у Петрова 24/25 перевода, а вотъ каковы факты: (слѣдуютъ параллельныя выписки изъ оригинала и изъ переводовъ съ указаніемъ на страницы).

Даже изъ этой, наскоро сдѣланной таблицы видно, что нѣтъ почти страницы, которая была бы тождественна въ обоихъ переводахъ, которая была бы сплошной перепечаткой, какъ говоритъ экспертъ. Это было настолько очевидно для самого эксперта, что ему пришлось создать особую теорію о „замаскированной контрафакціи“, каковой нашъ законъ вовсе не знаетъ; самъ экспертъ призналъ, что мое изданіе повторяетъ изданіе Петрова „не строка въ строку“, а для закона достаточно даже „не слово въ слово“—и уже контрафакціи нѣтъ; слѣдовательно, „замаскированная“ контрафакція это, быть можетъ, понятіе литературное, но не юридическое. Вообще вся экспертиза (и на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи) по настоящему дѣлу исходила изъ представленій и цѣлей литературныхъ, а не юридическихъ, что заявили и сами эксперты; такъ, въ самомъ приговорѣ суда цитируется изъ экспертизы слѣдующее

мѣсто: „въ литературномъ отношеніи переводъ Иванова слѣдуетъ признать сплошнымъ заимствованіемъ съ перевода Петрова“. Между тѣмъ, меня судили не въ литературномъ судѣ и потому литературная экспертиза, какъ бы авторитетна она ни была, для дѣла никакого значенія имѣть не можетъ. Это видно изъ того, что на судѣ г. Николаевъ, исходя изъ литературныхъ представленій и принужденный дать отвѣтъ, опредѣляющій понятія юридическія,—впалъ съ самимъ собой въ противорѣчіе. Именно, сказавъ, что я позаимствовалъ $^{24}/_{25}$,—онъ тутъ же продолжаетъ: „въ результатѣ у Иванова получилось изданіе несравненно ниже стоящее, чѣмъ изданіе Петрова и оно дѣйствительно не стоитъ болѣе 25 коп. за томъ“. Какъ же такъ? Если я, заимствовалъ $^{24}/_{25}$,—то мое изданіе не несравненно ниже, а только на одну двадцать пятую; и если книга Петрова стоитъ 3 руб., то моя должна стоить столько же минусъ $^{1}/_{25}$, т. е. 3 руб. безъ 12 коп., а не 25 коп.

Ясно, что эксперты судили, какъ литераторы, а не какъ юристы; и судили меня какъ будто и я былъ писатель, а не обыкновенный гражданинъ, вполнѣ довольствующійся той этикой, которую признаетъ достаточной самъ законодатель. Что экспертиза г. Николаева — только литературное мнѣніе — видно и изъ того, что оно противорѣчитъ и объективнымъ, установленнымъ на судѣ, фактамъ: докумен-

тамъ и показаніямъ свидѣтелей. Свидѣтели А и В (вызванные Петровымъ) установили, что на каждой страницѣ текста были „исправленія, помѣтки, вставки и выпуски“. Свидѣтель Г. (управляющій типографіей) показалъ, что наборщики жаловались на трудность работы — столькимъ измѣненіямъ подвергся текстъ, съ котораго они набирали. Счетами, приложенными къ дѣлу, установлено, что авторская корректура отнимала у типографіи для новаго набора вмѣсто обычнаго получаса — отъ 5 до 15 час. на каждый листъ. Наконецъ, свидѣтельница Д. (издательницжаурнала „Теорія и Опытъ“) заявила на судѣ, что она сама свѣряла и исправляла переводъ, согласно съ англійскимъ текстомъ Дарвина, и вносила въ русскій текстъ столько измѣненій, что о контрафакціи не можетъ быть рѣчи.

II. Какова бы ни была экспертиза по настоящему дѣлу: соотвѣтствующая литературнымъ требованіямъ, или же юридическимъ; согласился судъ съ экспертизой, или онъ не согласился; — но во всякомъ случаѣ судъ, даже признавъ наличность контрафакціи, долженъ былъ установить, что дѣяніе мое было умышленное, ибо по дѣйствующему закону, контрафакція можетъ быть наказуема лишь, какъ дѣяніе умышленное (проэктъ уг. улож., т. VII, изд. 1895 г., стр. 561 и „проэктъ статей объ автор. правѣ“, изд. 1899 г., стр. 101 и 116).

Между тѣмъ, этотъ существеннѣйшій по дѣлу вопросъ даже не затронутъ въ приговорѣ суда. А обстоятельства дѣла, приведенныя въ томъ же приговорѣ, свидѣтельствуютъ какъ разъ о противномъ, т. е. о томъ, что умысла совершить контрафакцію у меня не было. Именно, установлено: 1) что англійскаго языка я не зналъ; 2) что за авторскую корректуру я платилъ издательницѣ „Теоріи и Опыта", вмѣсто обычнаго рубля съ листа, восемь рублей за листъ и 3) за новый наборъ послѣ авторской корректуры платилъ типографіямъ, вмѣсто обычныхъ 10 коп. (за полчаса), по 1 — 3 руб. (5 — 15 час.). Такимъ образомъ, одна лишь работа Д. обходилась мнѣ въ среднемъ по 10 рублей за листъ. Между тѣмъ, по показанію той же Д., она сама, какъ издательница журнала, платитъ за лучшіе переводы по 16 руб. съ листа; поэтому, если даже не считать тѣхъ денегъ, что я платилъ другимъ, кромѣ Д., лицамъ, то выйдетъ, что я совершилъ преступленіе для наживы въ 264 рубля (44 листа, помноженные на 6 руб., т. е. разницу между 16, платимыми въ „Теорія и Опытъ" и 10 руб., которые я платилъ). Возможно ли это?

Но этого мало; если бы я желалъ умышленно совершить контрафакцію, то отдалъ бы одну треть книги Дарвина (15 листовъ) для самостоятельнаго перевода самому авторитетному переводчику за двойную даже плату

противъ „Теоріи и Опыта“, т. е. по 30 руб. за листъ, и, уплативъ за это 450 рублей, — понесъ бы меньшіе расходы, чѣмъ въ инкриминируемомъ мнѣ случаѣ и сверхъ того остался бы совершенно неуязвимымъ въ смыслѣ какой либо уголовной или гражданской отвѣтственности. Я же поступилъ иначе и платилъ дороже именно потому, что былъ совершенно успокоенъ бравшими съ меня деньги лицами, что ихъ работа — самостоятельная; я же, какъ издатель, не знающій къ тому же англійскаго языка, слѣдилъ лишь за тѣмъ, чтобы треть чужого перевода не совпала сряду слово въ слово съ моимъ изданіемъ. Поэтому и набирали съ печатнаго текста, чтобы легче было слѣдить за соблюденіемъ закона; вѣдь переписать перомъ съ Петровскаго перевода и набирать послѣ этого съ рукописи — стоило бы нѣсколько десятковъ рублей; но по рукописи труднѣе было бы слѣдить. А что печатный текстъ былъ весь передѣланъ — объ этомъ сказано выше. Я, конечно, видѣлъ, что въ общемъ переводы схожи, но мнѣ объясняли, что научныя произведенія — не стихи, и должны быть схожи, хотя бы и въ ста различныхъ переводахъ.

Такимъ образомъ, не обсудивъ вопроса объ умыслѣ, судъ вынесъ не приговоръ по уголовному дѣлу, а рѣшеніе по гражданскому дѣлу; а посему, при такой точкѣ зрѣнія, долженъ былъ меня оправдать, предоставивъ

истцу отыскивать съ меня убытки въ судѣ гражданскомъ.

III. Нельзя упускать изъ виду, что только послѣ привлеченія къ суду мнѣ могло стать извѣстно, что переводчикъ Дарвина и собственникъ перевода есть г. Петровъ.

Переводъ изданъ совершенно анонимно: безъ фамиліи переводчика или хотя бы издателя.

По ст. 8 „проэкта статей объ автор. правѣ" (Спб. 1899 г., стр. 41), „издатель сочиненія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимное), пользуется авторскимъ на него правомъ въ продолженіе тридцати лѣтъ со времени изданія, если только кто либо не докажетъ своего авторскаго права на это сочиненіе". Въ мотивахъ къ этой статьѣ говорится: „Въ нашемъ дѣйствующемъ законѣ по авторскому праву не имѣется постановленій, предусматривающихъ анонимныя и псевдонимныя сочиненія. —Вслѣдствіе сего, этого рода литературныя произведенія по нашему закону не ограждены надлежащимъ образомъ отъ контрафакціи. Этотъ пробѣлъ закона и восполненъ разсматриваемой статьей, по которой, въ случаѣ изданія анонимныхъ или псевдонимныхъ сочиненій, издатель разсматривается, какъ ихъ авторъ, причемъ, права его охраняются въ продолженіе тридцати лѣтъ со дня изданія" („проэктъ", стр. 42). Такимъ образомъ, даже будущій, болѣе строгій, законъ охраняетъ анонимное произведеніе лишь

въ томъ случаѣ, если имѣется хотя бы „издатель“; случая, когда неизвѣстенъ ни издатель, ни авторъ, — не предвидитъ и будущій законъ. А что касается нынѣ дѣйствующаго закона, то изъ вышеприведенной цитаты видно, что постановленій, предусматривающихъ анонимныя сочиненія, не имѣется и посему, въ силу принципа „nullum crimen sine lege“ — въ данномъ случаѣ не могло и быть совершенно преступленія.

Вышеизложенныя соображенія являются еще болѣе существенными для установленія моей субъективной виновности.

Свидѣтельница Д. показала, что покойный X. У. говорилъ ей, что анонимный переводъ Дарвина сдѣланъ студентами. Книгопродавецъ и издатель N. N. говорилъ мнѣ, что переводъ принадлежалъ нѣкоему Гополину, за смертью котораго и неукрѣпленіемъ наслѣдниками за собой перевода, переводъ этотъ сталъ общимъ достояніемъ. Въ 1898 г. кто то перепечаталъ этотъ переводъ буквально, и никто не заявилъ никакихъ претензій, никто не отозвался; могъ ли я думать, что если я, передѣлавъ, тоже напечатаю, то совершу преступленіе? Правда, post factum Петровъ доказываетъ, что онъ перевелъ и издалъ Дарвина и въ 1872 г. и въ 1898 г., но это онъ док[illegible] зываетъ теперь и суду, а не прежде и не мн[illegible]

Поэтому, судъ не установилъ и не мог[illegible] установить завѣдомости моего дѣянія, т. [illegible]

завѣдомости того, что дѣйствительно никому не было вѣдомо.

Если же, благодаря моему неосторожному дѣянію, Петровъ потерпѣлъ убытки, то могъ, въ силу ст. 684 т. X, ч. I и рѣш. гражд. касс. д-та 1882 г. № 76, обратиться за отысканіемъ ихъ въ судъ гражданскій.

IV. Обращаясь къ гражданскому иску, предъявленному Петровымъ и въ полномъ объемѣ присужденному ему судомъ, надлежитъ замѣтить, что способъ, установленный ст. 20 прил. къ ст. 420 т. X, ч. I, для исчисленія убытка, причиненнаго законному издателю контрафакціей, можетъ, очевидно, имѣть примѣненіе лишь въ томъ случаѣ, когда контрафакція выразилась въ самовольномъ изданіи чужого произведенія въ полномъ объемѣ, или же хотя и въ части, но представляющей самостоятельное цѣлое, причемъ въ послѣднемъ случаѣ суду надлежитъ опредѣлить количественное отношеніе частичнаго изданія къ цѣлому изданію законнаго собственника и согласно съ этимъ сдѣлать соотвѣтственный расчетъ по ст. 20 прил. къ ст. 420 (рѣш. уг. касс. деп. 1886 г. № 46, по д. Северьянова). Что ст. 20 прил. къ ст. 420 можетъ имѣть примѣненіе лишь къ случаямъ полнаго воспроизведенія чужого сочиненія, въ цѣломъ или части, доказывается содержаніемъ второй ея части, предписывающей отобраніе въ пользу законнаго издателя наличныхъ экземпляровъ са-

мовольнаго изданія, что дѣлается, очевидно, съ цѣлью предоставленія законному издателю возможности сбывать ихъ, какъ собственное произведеніе и по настоящей, отъ него прежде объявленной цѣнѣ.

Но такъ какъ самъ судъ призналъ меня виновнымъ въ томъ, что, вопреки ст. 16 прил. къ ст. 420 т. X, ч. I, я въ изданной мной книгѣ „помѣстилъ заимствованія въ размѣрѣ выше опредѣленной закономъ части", то очевидно ст. 20 прил. къ ст. 420 примѣненія имѣть не можетъ, ибо немыслимо обращать въ пользу лица, котораго авторское право нарушено, сочиненіе, сильно отъ него отличающееся. Вѣдь самъ экспертъ призналъ мое изданіе „несравненно ниже стоящимъ, чѣмъ изданіе Петрова и дѣйствительно не стоющимъ болѣе 25 к. за томъ". Съ этимъ согласился и судъ, признавъ, что мое „изданіе, какъ плохое, не могло дать желаемой прибыли". Вѣдь если бы мои кредиторы не забрали изданной мной книги по 50 коп. за томъ, — книги подлежали бы отобранію въ пользу Петрова. Неужели г. Петровъ сталъ бы продавать мою книгу, вмѣсто своей, а тѣмъ болѣе по цѣнѣ, имъ на собственную книгу объявленной? Очевидно, нѣтъ, а по сему, въ данномъ случаѣ суду надлежало для опредѣленія размѣра убытковъ г. Петрова прибѣгнуть къ исчисленію ихъ посредствомъ экспертизы (Шершеневичъ: „авторское право", стр. 30

Анненковъ: „система русск. гражд. права“ т. II, стр. 663; Спасовичъ: „контрафакція“, стр. 86, и пр.), или же присудить въ пользу Петрова то, что я дѣйствительно получилъ, т. е. не по 3 р. и не 2 р. 50 к. за томъ, а лишь по 50 коп.

V. Какъ видно изъ дѣла (л. XX), относительно второго тома „Видовъ“, отъ Петрова поступила особая жалоба, отдѣльная отъ жалобы относительно перваго тома, черезъ годъ послѣ нея; была произведена особая, отдѣльная экспертиза и пр. Между тѣмъ, по второй, отдѣльной жалобѣ Петрова, не былъ соблюденъ обрядъ примирительнаго разбирательства, согласно ст. 303[1] уст. угол. суд.

Поэтому, все производство относительно 2-го тома подлежитъ прекращенію.

VI. Такъ какъ свидѣтель Гопалинъ, вызванный окружнымъ судомъ, не явился по болѣзни и мой защитникъ, при открытіи засѣданія, находилъ его показаніе существеннымъ, то прошу этого свидѣтеля вызвать теперь.

Въ виду всего вышеизложеннаго, прошу приговоръ суда, какъ неправильный, отмѣнить и признать меня по суду оправданнымъ.

С.-Петербургъ,
1902 г. декабря дня.

ГЛАВА VII.

Кассаціонныя жалобы.

На приговоры окружныхъ судовъ, постановленные съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, или судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, или судебныхъ палатъ въ качествѣ второй инстанціи,—допускается, въ двухъ-недѣльный со дня объявленія приговоровъ въ окончательной формѣ срокъ, принесеніе жалобъ въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената. Эти жалобы подаются черезъ судебное мѣсто, постановившее обжалуемый приговоръ (ст. 905 и 910 уст. уг. суд.). При жалобѣ каждый подсудимый обязанъ представить въ залогъ двадцать пять рублей, который, въ случаѣ признанія жалобы заслуживающей уваженія, возвращается жалобщику. Отъ представленія этого залога законъ освобождаетъ всѣхъ подсудимыхъ содержащихся подъ стражей, а изъ находящихся на свободѣ — тѣхъ, которые осуждены приговоромъ окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или па-

латы съ участіемъ сословныхъ представителей (Рѣш. Угол. Касс. Д-та, по д. Гершковичей, № 27, 1879 г.). Каждому изъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ соучастіи по одному и тому же преступленію, предоставляется присоединиться къ кассаціонной жалобѣ, отъ одного изъ нихъ поданной, а также представить въ сенатъ до дня слушанія дѣла противъ жалобы или протеста противника свои возраженія или объясненія (ст. 911, 872 и 873 уст. уг. суд.).

Въ тотъ же срокъ (2-хъ недѣльный) и въ тотъ же судъ (на приговоръ коего приносятся жалобы) подаются сторонами прошенія съ замѣчаніями на протоколъ (ст. 835—845 уст. уг. суд.) судебнаго засѣданія.

Закономъ 18 марта 1906 г. (прим. къ ст. 201¹-й уст. уг. суд.) особыя присутствія судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей въ изложеніи приговоровъ руководствуются ст. 827 уст. уг. суд., т. е. пишутъ ихъ безъ приведенія мотивовъ. Но, какъ разъяснилъ сенатъ по дѣлу Ходскаго 3 октября 1906 г., *примѣненіе закона*, хотя бы объ оправданіи подсудимаго по 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., должно быть все-таки мотивировано.

Практическіе примѣры.

I.

Замѣчаніе на протоколъ.

Въ С.-Петербургскій окружный судъ
(по * * * отдѣленію).

Защитника дворянина Андрея Петровича Иванова, обв. по 1455 ст. улож. о нак., Присяжнаго Повѣреннаго * * *

ПРОШЕНІЕ.

На основаніи ст. 843 и 844 уст. угол. суд., имѣю честь просить удостовѣрить, что по дѣлу А. Иванова, разсматривавшемуся 7—14 ноября сего года, г. предсѣдательствующій въ своей заключительной рѣчи не разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что они должны, въ силу ст. 813 уст. уг. суд., склонять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію.

Присяжный повѣренный * * *

С.-Петербургъ,
1904 г. декабря дня.

II.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Защитника купца Ивана Андреевича Малкова, обв. по ст. 354, 362, 1154 и 1155 улож. о нак., присяжнаго повѣреннаго * * *

ЖАЛОБА.

Приговоръ особаго присутствія С.-Петербургской судебной палаты отъ 20 сентября 1904 г., объявленный въ окончательной формѣ 20 ноября того же года, коимъ Малковъ признанъ виновнымъ по ст. 354, 362, 1154 и 1155 улож. о нак., — считаю неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ:

I.

Въ прошеніи, поданномъ 8 марта 1904 г., обвиняемый Малковъ, на основаніи ст. 557 уст. уг. суд., ходатайствовалъ передъ петербургской судебной палатой о вызовѣ въ судебное засѣданіе, въ качествѣ свидѣтелей, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Карловича Готенберга, управляющаго полтавской казенной палатой, живущаго въ г. Пол-

тавѣ, и еще шести другихъ, указанныхъ въ томъ же прошеніи, лицъ—для удостовѣренія того, что имѣніе Горское было куплено въ интересахъ банка, а не въ его личныхъ; что всѣ операціи по учету векселей производились по единоличному распоряженію Шишкина, безъ его, Малкова, вѣдома и согласія и что съ 10 іюня до половины сентября 1899 г. онъ находился за границей.

Опредѣленіемъ отъ 10 марта 1904 года судебная палата нашла, что вопросъ о томъ, въ чьихъ интересахъ куплено имѣніе Горское разрѣшается, какъ совершеннымъ на это имѣніе крѣпостнымъ документомъ, удостовѣряющимъ, что это имѣніе пріобрѣтено въ личную собственность Малкова, такъ и объясненіемъ его на предварительномъ слѣдствіи, въ каковомъ объясненіи онъ утверждалъ, что имѣніе Горское куплено имъ на личныя его средства и для себя. Поэтому, если-бы указанные свидѣтели и удостовѣрили тѣ обстоятельства, которыя нынѣ указываетъ въ своемъ прошеніи Малковъ, то такое удостовѣреніе оказалось-бы въ явномъ противорѣчіи какъ съ крѣпостнымъ документомъ, содержаніе котораго не можетъ быть опровергаемо свидѣтельскими показаніями, такъ и съ собственнымъ объясненіемъ Малкова. Что касается до операціи по учету векселей, то на многихъ изъ нихъ имѣются разрѣшительныя надписи Малкова, поэтому и въ данномъ случаѣ

удостовѣреніе свидѣтелей оказалось-бы въ полномъ противорѣчіи съ документальными данными; кромѣ того, такъ какъ Малковъ обвиняется въ совершеніи приписываемыхъ ему преступленій по предварительному уговору съ остальными членами правленія, въ числѣ которыхъ находился и Шишкинъ, то разрѣшеніе того или другого члена правленія на совершеніе противозаконнаго дѣянія не имѣетъ при такой постановкѣ рѣшающаго для дѣла значенія. Переходя засимъ къ вопросу о времени отъѣзда Малкова за границу и возвращенія оттуда, палата нашла, что по дѣйствующимъ въ нашемъ государствѣ правиламъ время отлучки и возвращенія въ свое мѣстожительство должно быть удостовѣряемо документальными данными (подворная книга, паспортъ), а не свидѣтельскими показаніями. Въ виду вышеизложеннаго, палата отказала въ вызовѣ свидѣтелей, такъ какъ показанія ихъ „не имѣютъ для дѣла никакого значенія“.

Приведенныя соображенія палаты находятся, однако, въ явномъ противорѣчіи какъ съ существующими законами, такъ и съ обстоятельствами дѣла, насколько они изложены въ самомъ обвинительномъ актѣ.

Прежде всего, неизвѣстно, на основаніи какого закона, „содержаніе крѣпостного документа не можетъ быть опровергаемо свидѣтельскими показаніями“; правда, ст. 410 уст. гражд. суд. такое запрещеніе въ себѣ

содержитъ, но уголовный процессъ отправляется по уставу уголовнаго судопроизводства, который и по буквальному смыслу своихъ статей, и по духу не допускаетъ никакихъ предустановленныхъ доказательствъ. Если вопросъ о томъ, въ чьихъ интересахъ куплено было „Горское" разрѣшается крѣпостнымъ актомъ, то вопросъ, на чьи средства имѣніе было куплено, тѣмъ болѣе разрѣшается этимъ документомъ, ибо въ немъ прямо сказано, что на средства Малкова-покупщика; тѣмъ не менѣе, на стр. 56 обв. акта прямо сказано, что средства на покупку и эксплоатацію имѣнія „добывались изъ кассы коммерческаго банка" и сама палата на л. 23 приговора говоритъ, что эти средства „черпались изъ кассы банка", при чемъ выводъ этотъ обоснованъ и въ обвинительномъ актѣ и въ приговорѣ палаты именно и исключительно на показаніяхъ свидѣтелей. Основываясь на этихъ же свидѣтельскихъ показаніяхъ, и обвинительный актъ, и приговоръ устанавливаютъ, что „хотя формальнымъ собственникомъ имѣнія считался одинъ Малковъ, но въ дѣйствительности оно было куплено имъ въ компаніи съ Снарскимъ и Шишкинымъ, которые являлись фактическими собственниками этого имѣнія на одинаковыхъ правахъ съ Малковымъ, а данная на имѣніе была совершена на имя одного только Малкова..." Такимъ образомъ, „содержаніе крѣ-

постного акта“ совершенно опровергнуто и обвинительнымъ актомъ и самой палатой исключительно посредствомъ свидѣтельскихъ показаній. А когда и обвиняемый пожелалъ опровергать этими же средствами этотъ же документъ, то ему въ этомъ было отказано. Также неправильно утвержденіе палаты въ опредѣленіи отъ 10 марта о собственномъ сознаніи Малкова. Правда, на стр. 86 обвинительнаго акта, занесено, что при допросѣ 20 іюля 1901 года Малковъ показалъ, что „Горское“ принадлежитъ ему, Малкову, лично; но именно съ формальной точки зрѣнія, установленной самой палатой въ опредѣленіи отъ 10 марта,— имѣніе „Горское“ 20 іюля 1901 г. дѣйствительно принадлежало еще Малкову, ибо такъ гласилъ „крѣпостной документъ“. Однако, на слѣдующей, 87-й стр. обвинительнаго акта занесено показаніе того же Малкова отъ 15—16 сентября 1903 г., въ которомъ сказано, что „Шишкинъ путемъ разныхъ упрековъ и настойчивыхъ требованій подбилъ его, Малкова, согласиться на покупку имѣнія „Горское“, барыши отъ перепродажи котораго предполагалось обратить въ пользу коммерческаго банка“, т. е. сказано почти буквально то-же, что въ прошеніи Малкова отъ 8 марта 1904 г. Такимъ образомъ, обстоятельства, о которыхъ должны были показать свидѣтели, появилисı не „нынѣ“, какъ утверждаетъ палата, не вт прошеніи отъ 8 марта 1904 г., а еще въ по

казаніи обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи; поэтому и къ заключенію о „явномъ противорѣчіи" такихъ обстоятельствъ „съ собственнымъ показаніемъ Малкова" палата могла придти лишь потому, что совершенно игнорировала собственное показаніе Малкова отъ 15—16 сентября 1903 г.

По изложеннымъ выше соображеніямъ представляется невѣрнымъ утвержденіе палаты, что и относительно учета векселей „удостовѣреніе свидѣтелей оказалось бы въ полномъ противорѣчіи съ документальными данными", тѣмъ болѣе, что „разрѣшительныя надписи" не составляютъ даже крѣпостныхъ актовъ. Утвержденіе же палаты, что при предварительномъ уговорѣ разрѣшеніе одного члена правленія не имѣетъ значенія для другого члена правленія—правильно или неправильно само по себѣ—это безразлично, ибо все равно оно совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что Малковъ писалъ въ прошеніи отъ 8 марта 1904 г. Тамъ сказано, что операціи по учету векселей „производились по единоличному распоряженію Шишкина, безъ моего вѣдома и участія". Такимъ образомъ, свидѣтели имѣли показать, что предварительнаго уговора между Малковымъ и Шишкинымъ именно не было, т. е. опровергнуть прямое утвержденіе обвинительнаго акта, который предъявилъ обвиненіе и по ст. 13 улож. о нак. Такъ какъ Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно

разъяснено, что устраненіе ряда свидѣтелей, могущихъ показать объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ или о существенныхъ признакахъ, входящихъ въ составъ преступленія,—служитъ основаніемъ къ разсмотрѣнію вопроса въ кассаціонномъ порядкѣ и къ отмѣнѣ приговора, въ случаѣ допущенныхъ судомъ неправильностей (рѣш. угол. касс. д-та 1874, № 733; 1878, № 34; 1890, № 17),—то тѣмъ болѣе важнымъ явилось устраненіе въ данномъ случаѣ свидѣтелей, имѣвшихъ показать, въ опроверженіе прямого указанія обвинительнаго акта (рѣш. 1899 г. № 45),—объ отсутствіи предварительнаго соглашенія. Неправильно и послѣднее утвержденіе палаты о возможности удостовѣрить отлучку и возвращеніе въ свое мѣстожительство только подворными книгами и паспортами, такъ какъ отлучки и передвиженія фактически возможны и безъ отмѣтокъ въ подворныхъ книгахъ и безъ паспортовъ; такіе случаи, хотя могутъ быть даже предметомъ особыхъ преслѣдованій въ порядкѣ ст. 325 — 328 улож. о нак., или въ порядкѣ простыхъ полицейскихъ нарушеній, но въ судѣ уголовномъ всѣ вопросы о пребываніи обвиняемаго въ томъ или иномъ мѣстѣ подлежатъ провѣркѣ посредствомъ свидѣтельскихъ показаній. Такимъ образомъ опредѣленіе палаты отъ 10 марта 1904 г. объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей было совершенно неосновательно со стороны законной

т. е. со стороны правильности приведенныхъ въ немъ соображенiй и логической и юридической основательности сдѣланныхъ изъ этихъ соображенiй заключенiй (рѣш. уг. касс. д-та 1899 г. № 45 по д. Савельевыхъ).

Получивъ отказъ, Малковъ прошенiемъ отъ 17 марта 1904 г. заявилъ ходатайство о вызовѣ тѣхъ же свидѣтелей, на основанiи ст. 576 уст. уг. суд., на его, Малкова, счетъ, причемъ объяснилъ, что „приглашенiе означенныхъ свидѣтелей отъ себя, по соглашенiю съ ними, представляется для него затруднительнымъ“.

Въ удовлетворенiе этого ходатайства палата предоставила Малкову пригласить свидѣтелей отъ себя, по добровольному съ ними соглашенiю. Но тутъ было допущено палатой два новыхъ существеннѣйшихъ нарушенiя закона:

1) Какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ по д. Жилы (1893 г. № 22) и еще болѣе категорически по дѣлу Колесникова (1899 г. № 16), судъ, „признавъ, что показанiя свидѣтелей не могутъ имѣть „никакого“ значенiя для разъясненiя истины по дѣлу, не имѣетъ права удовлетворить затѣмъ ходатайство подсудимыхъ о предоставленiи имъ пригласить тѣхъ же свидѣтелей въ судъ на собственный ихъ счетъ“, ибо иначе въ двухъ опредѣленiяхъ суда является, какъ это оказалось и въ настоящемъ дѣлѣ, внутреннее противорѣчiе.

2) Правительствующій Сенатъ неоднократно разъяснялъ, что судъ обязанъ, при примѣненіи ст. 576 уст. уг. суд., принять въ соображеніе, какой изъ двухъ способовъ, указанныхъ въ означенной статьѣ, является болѣе удобнымъ въ каждомъ данномъ случаѣ. А по дѣлу Вельяшева (1890 г. № 17) прямо указано, что предоставленіе подсудимому приглашенія свидѣтелей изъ далекихъ мѣстностей или находящихся на службѣ, по добровольному съ ними соглашенію, въ дѣйствительности равносильно отказу и замѣнѣ дѣйствительнаго права подсудимаго правомъ неосуществимымъ, — развѣ бы подсудимые отдали избраніе того или другого способа, указанныхъ въ ст. 576, на усмотрѣніе суда и, слѣдовательно, сами не усматривали бы стѣсненія своихъ правъ въ случаѣ избранія судомъ и менѣе удобнаго для нихъ способа (рѣш. по д. Сушкиныхъ 1891 г. № 7).

Обращаясь къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, — нельзя не усмотрѣть, что первымъ былъ указанъ въ прошеніи Малкова отъ 8 марта 1904 г. свидѣтель Готенбергъ, который и по своему служебному положенію (управляющій палатой) и по своему мѣстожительству (г. Полтава)—явиться безъ повѣстки въ засѣданіе палаты, очевидно, не могъ. Это обстоятельство и предвидѣлъ Малковъ, указывая въ прошеніи отъ 17 марта, что приглашеніе свидѣтелей отъ себя для него затруд-

нительно; слѣдовательно, онъ не отдалъ избранія способа приглашенія свидѣтелей на усмотрѣніе палаты, а посему она должна была избрать способъ, наиболѣе удобный для подсудимаго. Правда, остальные свидѣтели проживали въ Петербургѣ, но обвиняемый не можетъ быть ограниченъ въ количествѣ вызываемыхъ свидѣтелей и разъ палата во второмъ опредѣленіи признала, вопреки своему первому опредѣленію, возможнымъ допустить свидѣтелей для разъясненія извѣстныхъ обстоятельствъ, то она уже не могла „замѣнить дѣйствительное право подсудимаго“ на участіе въ дѣлѣ еще одного свидѣтеля для разъясненія тѣхъ же обстоятельствъ „правомъ неосуществимымъ“, ибо суду принадлежитъ право качественнаго, а не количественнаго ограниченія свидѣтелей (рѣш. 1871 г. № 8; 1881 г. № 27 и др.).

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что палата а) неправильно отказала первымъ своимъ опредѣленіемъ въ вызовѣ просимыхъ Малковымъ свидѣтелей, чѣмъ нарушила ст. 575 уст. уг. суд., б) нарушила и ст. 576 уст. уг. суд., не пославъ, вопреки заявленію Малкова, повѣстокъ всѣмъ допущеннымъ палатой свидѣтелямъ.

Такъ какъ въ концѣ концовъ обвиняемый все-таки былъ лишенъ свидѣтеля (Готенберга), ибо явка въ судъ безъ повѣстки для лица, находящагося на государственной службѣ въ

другомъ городѣ, представлялась съ самаго начала, очевидно, невозможной и такъ какъ если бы палатой еще 10 марта не было допущено нарушенія ст. 575 уст. уг. суд., то не явилось бы надобности въ примѣненіи ст. 576, а безъ ея примѣненія не могло бы произойти и ея нарушеніе, — то указаніе въ настоящее время на нарушеніе палатой обѣихъ указанныхъ статей не можетъ быть признано неумѣстнымъ и несвоевременнымъ, ибо въ результатѣ права подсудимаго были и стѣснены и ограничены.

II.

Признавая Малкова виновнымъ по 1-му обвинительному пункту, палата въ своемъ приговорѣ говоритъ: „пользованіе со стороны членовъ правленія банка вексельнымъ кредитомъ въ томъ же банкѣ составляетъ нарушеніе ст. 19 уст. кредит., обязательной для коммерческаго банка, въ силу § 71 его устава“ (л. 22 приговора). § 71 устава гласитъ, что „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кои не разрѣшаются настоящимъ уставомъ, банкъ подчиняется общимъ законамъ объ акціонерныхъ обществахъ, нынѣ дѣйствующимъ и тѣмъ, какіе будутъ впредь постановлены“. Уставъ коммерческаго банка утвержденъ 5 ноября 1872 г., когда никакихъ ограниченій относительно пользованія членами правленія вексель-

нымъ кредитомъ не существовало. 5 апрѣля 1883 г. былъ изданъ законъ, вошедшій въ раздѣлъ X уст. кред., 19 ст. коего воспретила членамъ правленія банка пользоваться вексельнымъ кредитомъ въ томъ же банкѣ. Но примѣчаніемъ къ ст. II того же закона постановлено, что „правила, изложенныя въ ст. 12, 13 и 15—25, примѣняются лишь къ тѣмъ учреждаемымъ послѣ изданія закона 5 апрѣля 1883 г. (собр. узак. 488) акціонернымъ коммерческимъ банкамъ, въ уставы коихъ не введены отступленія отъ оныхъ, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 4 сего раздѣла“. Такимъ образомъ, по параграфу 71 устава, правленіе банка обязано было подчиниться закону 5 апрѣля 1883 г., конечно, всему закону; а этотъ законъ самъ въ примѣчаніи къ ст. II объявилъ, что ст. 19 не относится къ коммерческому банку, какъ учрежденному до 1883 года. Слѣдовательно, подчиняясь, въ силу § 71 устава, примѣчанію къ ст. II новаго закона, правленіе именно не могло признать для себя обязательной ст. 19 этого закона, ибо ст. 19 можетъ быть примѣнима лишь къ тѣмъ банкамъ, учреждаемымъ послѣ 1883 года, въ уставы коихъ не введено отступленіе отъ того правила въ законодательномъ порядкѣ. Между тѣмъ въ уставѣ коммерческаго банка воспрещенія вексельнаго кредита членамъ правленія нѣтъ и понынѣ; мало того, хотя § 70 прямо говоритъ, что,

въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній по исполненію устава, разрѣшеніе оныхъ представляется министру финансовъ, но приговоръ палаты не установилъ, чтобы правленіе коммерческаго банка получило по этому предмету какія либо указанія со стороны министерства финансовъ.

Правда, въ 1897 году состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Грумбкова и Розенталя (№ 33), коимъ статья 19 уст. кред. была истолкована въ смыслѣ безусловнаго воспрещенія кредита членамъ правленія всякаго коммерческаго банка, но толкованіе и пониманіе закона не есть знаніе закона, которое единственно обязательно для всѣхъ. Что-же касается не толкованія закона, а самого закона, то онъ появился лишь 29 апрѣля 1902 г., т. е. уже послѣ краха коммерческаго банка. Статья 1-ая отдѣла I-го новаго закона (собр. узак., № 56, ст. 594) гласитъ, что „члены правленія акціонернаго коммерческаго банка не могутъ пользоваться въ этомъ банкѣ кредитомъ въ какомъ бы то ни было видѣ“, а раздѣлъ II начинается словами: „дѣйствіе статьи 1 отд. I настоящаго узаконенія... распространить на акціонерные коммерческіе банки, учрежденные до изданія закона 5 апрѣля 1883 года“, при чемъ, „на ликвидацію кредитовъ, открытыхъ акціонернымъ коммерческимъ банкомъ членамъ его правленія, назначить трехгодичный срокъ со

дня напечатанія настоящаго узаконенія въ собраніи узаконеній и распоряженій Правительства". Такимъ образомъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что ранѣе 29 апрѣля 1902 г. само правительство не считало, что запрещеніе кредитоваться относится къ членамъ правленія банковъ, учрежденныхъ до 5 апрѣля 1883 года. Съ этой точки зрѣнія особенно важнымъ представляется самое начало новаго закона, гласящее, что онъ изданъ „въ отмѣну, измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній", ибо если законъ 29 апрѣля „измѣнилъ и отмѣнилъ" существовавшія по этому предмету законоположенія, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что существовавшія отмѣненныя и измѣненныя законоположенія были другого смысла; если же законъ 29 апрѣля есть законъ „дополнившій" существовавшія законоположенія, то слѣдуетъ признать, что до этого времени другого запретнаго закона не существовало.

Такимъ образомъ, по буквальному смыслу законовъ 5 апрѣля 1883 г. и 29 апрѣля 1902 г. пользованіе вексельнымъ кредитомъ членовъ правленія коммерческаго банка въ томъ же банкѣ не составляло нарушенія ни ст. 19 уст. кред., ни какого бы то ни было § устава банка. Палата даже не указываетъ, какой именно § устава былъ нарушенъ тѣмъ, что члены правленія учитывали въ своемъ банкѣ векселя, да и не могла указать, ибо во всемъ ус-

тавѣ такого § нѣтъ. Между тѣмъ, въ силу рѣш. угол. касс. д-та Прав. Сен. по дѣлу Сушкиныхъ (1891 г., № 7), для состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1155 улож. о нак., требуется прежде всего, чтобы „банковая операція была совершена служащими въ кредитномъ установленіи съ нарушеніемъ правилъ, въ этомъ уставѣ дѣйствующихъ“.

Въ виду вышеизложеннаго, приговоръ палаты въ этой части, въ силу § 71 уст. коммерческаго банка, прим. къ ст. 11 и ст. 19 разд. X уст. кред., закона 29 апрѣля 1902 г. и ст. 1155 улож. о нак., подлежитъ отмѣнѣ.

III.

5-ый раздѣлъ обвинительнаго акта (ст. 55—57) посвященъ „покупкѣ имѣнія Горское, производству въ немъ горныхъ работъ и текущему счету № 604 въ коммерческомъ банкѣ“. Изъ этихъ страницъ обвинительнаго акта усматривается, что Малковымъ на покупку имѣнія деньги „были позаимствованы изъ кассы коммерческаго банка путемъ учета въ немъ векселей своей жены“ (конецъ 55 стр.); что средства на производство въ имѣніи горныхъ работъ, продолжавшихся по мартъ 1901 г. „добывались изъ кассы коммерческаго банка до марта 1898 г. путемъ учета отъ имени Малкова векселей его жены“ (конецъ 56 стр.); что „въ періодъ времени съ 14 іюня 1893 г. по день прекращенія операцій банка на те-

кущій счетъ № 604 было зачислено... изъ средствъ самаго банка, всего 136.285 р. 86 к." (стр. 57). То же повторяется и въ приговорѣ палаты (листъ 6 и 23).

Такимъ образомъ, и обвинительный актъ, и палата установили связь между учетомъ векселей Малкова и расходами на имѣніе Горское въ томъ смыслѣ, что деньги, получавшіяся отъ учета векселей Малкова, поступали на счетъ № 604 и оттуда расходовались на покупку и эксплоатацію Горскаго. На судебномъ слѣдствіи, какъ видно изъ протокола (стр. 118), былъ оглашенъ, по ходатайству защиты, протоколъ экспертизы счета № 604 изъ тома X, стр. 96 предварительнаго слѣдствія, въ каковомъ протоколѣ сказано, между прочимъ, что этотъ счетъ можетъ быть разсматриваемъ, „какъ счетъ правленія коммерческаго банка"; наконецъ, на судѣ, какъ сказано въ протоколѣ судебнаго засѣданія, „эксперты объяснили, что вексельный кредитъ Малкова имѣетъ связь съ покупкою негарантированныхъ правительствомъ бумагъ и имѣнія Горскаго" (стр. 118).

Въ виду такихъ данныхъ предварительнаго и судебнаго слѣдствій, заключительныя пренія также были посвящены этому вопросу (стр. 133 протокола), а затѣмъ, послѣ предложенія г. предсѣдателемъ проекта вопросовъ, которые особое присутствіе предполагало поставить на свое разрѣшеніе, защита Малкова

заявила ходатайство о постановкѣ или особаго вопроса, спеціально касающагося покупки имѣнія „Горское“, или же альтернативнаго, въ дополненіе къ вопросу объ учетѣ векселей Малкова вопроса, а именно: „если подсудимый невиновенъ въ преступленіи, описанномъ въ вопросѣ объ учетѣ векселей, то виновенъ ли онъ въ томъ, что въ нарушеніе § 21 устава банка, пріобрѣлъ 22 декабря 1892 г. имѣніе Горское, при чемъ, для полученія средствъ на покупку и эксплоатацію означеннаго имѣнія учелъ свои векселя въ коммерческомъ банкѣ, купчую же крѣпость совершилъ не на имя банка, а на его, Малкова, имя“ (прот. стр. 138).

Въ концѣ л. 9 приговора палаты сказано: „особое присутствіе приходитъ къ убѣжденію, что счетъ № 34 Шмакеръ является такимъ же фиктивнымъ счетомъ, какъ и счетъ Лампіонова; правленіе банка пользовалось этимъ счетомъ Шмакера для сокрытія операцій по покупкѣ и продажѣ бумагъ за счетъ и на средства банка, записывая затрачиваемыя на покупку суммы долгомъ по счету Шмакера, и суммы, вырученныя отъ продажи бумагъ, — въ погашеніе долга по этому счету, а всѣ покупавшіяся на средства банка процентныя бумаги не заносились въ книги процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ банку, а зачислялись по книгѣ лицевыхъ счетовъ въ обезпеченіе счета Шмакеру № 34“.

На листѣ 14 приговора въ раздѣлѣ о „покупкѣ акцій у Золушина“ палата устанавливаетъ, что акціи эти точно также были куплены на имя Малкова, но на средства банка, а средства на покупку взяты со счета № 604.

Такимъ образомъ, по даннымъ обвинительнаго акта и приговора палаты, между счетомъ Шмакера и покупкой бумагъ, между счетомъ № 634 и покупкой акцій — съ одной стороны и тѣмъ же счетомъ и покупкой и эксплоатаціей Горскаго съ другой стороны нѣтъ ни малѣйшей разницы, а посему и дополнительный вопросъ защиты былъ составленъ по образцу вопросовъ объ акціяхъ Золушина (вопр. III-ій по обв. акту), о счетѣ Лампіонова (вопросъ XIII по обв. акту) и о счетѣ Шмакера (вопросъ XIV по обв. акту). Особое присутствіе отказало, однако, въ означенномъ ходатайствѣ потому, что „обвиненіе въ покупкѣ имѣнія Горское не предъявлено и по обвинительному акту и, кромѣ того, вопросъ объ имѣніи Горскомъ не подлежитъ обсужденію за давностью“ (прот. стр. 139).

Оба эти основанія къ отказу представляются неправильными.

Въ силу ст. 751 у. у. с., основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ и из-

мѣняютъ тѣ выводы, при чемъ, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ по дѣламъ Гуляева (1869 г., № 826), Мельмана (1870 г., № 764) и др., — ст. 751 обязательна какъ для дѣлъ, производящихся съ участіемъ, такъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Изъ самаго текста статьи видно, что матеріаломъ для постановки вопросовъ могутъ служить данныя, не только измѣняющія выводы обвинительнаго акта, но и ихъ развивающія и дополняющія, почему въ рѣш. 1895 г., № 19 было разъяснено, что вопросы, предлагаемые на разрѣшеніе суда, вовсе не должны буквально повторять выводы обвинительнаго акта, ибо эти выводы служатъ лишь основаніемъ для вопросовъ. Постановкѣ же дополнительнаго вопроса по требованію сторонъ сдѣлано лишь два ограниченія: чтобы вопросъ этотъ вытекалъ изъ данныхъ дѣла и былъ провѣренъ на судѣ и чтобы не нарушены были требованія ст. 752 уст. уг. суд. Но если новый вопросъ не измѣняетъ ни сущности, ни свойства, предусмотрѣннаго въ обвинительномъ актѣ преступленія, а лишь опредѣляетъ съ большей точностію характеръ онаго, то въ постановкѣ таковаго вопроса не можетъ быть отказано (рѣш. 1870 г., № 521 и 1890 г., № 32). Какъ видно изъ предыдущаго, всѣ данныя для предложеннаго защитой дополнительнаго вопроса подверглись тщательной провѣркѣ на судѣ; отягченію участи подсудимаго ходатай-

ство защиты также не угрожало, ибо вопросъ соотвѣтствовалъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1154 и 1155 улож. о нак., обвиненіе по которымъ все равно было предъявлено Малкову. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что обвиненіе по имѣнію Горскому не было предъявлено по обвинительному акту,—не могло служить основаніемъ къ отказу въ постановкѣ дополнительнаго вопроса.

Столь же неправильно и второе основаніе къ отказу, что будто бы вопросъ объ имѣніи Горскомъ покрытъ давностью, ибо, какъ видно изъ обвинительнаго акта, средства на имѣніе Горское „добывались путемъ учета векселей отъ имени Малкова до марта 1898 года“; „по день прекращенія операцій банка“ и т. д., т. е. самъ обвинительный актъ установилъ, что преступленіе по покупкѣ и эксплоатаціи Горскаго было длящимся съ 1892 г. по день закрытія банка.

Отказъ палаты, обоснованный на неправильныхъ утвержденіяхъ и послѣдовавшій въ явное нарушеніе ст. 751 уст. уг. суд., нарушилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и важные интересы обвиняемаго.

Для состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1155, улож. о нак. требуется, какъ это установлено и палатой (приг. л. 22), чтобы нарушеніе устава причинило ущербъ. Между тѣмъ, какъ видно изъ протокола судебнаго засѣданія (ст. 119), эксперты объяс-

нили: „счетъ № 604 можно разсматривать, какъ счетъ членовъ правленія банка, а не какъ счетъ Малкова. Счетъ этотъ пассивный и самъ по себѣ онъ убытка принести не могъ“.

Слѣдовательно, если бы дополнительный вопросъ былъ поставленъ и если бы палата не привела данныхъ, опровергающихъ заключеніе экспертовъ, то Малковъ, за отсутствіемъ одного изъ признаковъ преступленія ст. 1155 улож. о нак., долженъ былъ быть оправданъ по этому вопросу, ибо учетъ его векселей никакого убытка банку не причинилъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго и присоединяясь къ кассаціоннымъ жалобамъ другихъ обвиняемыхъ и ихъ защитниковъ, имѣю честь просить отмѣнить обжалуемый приговоръ за нарушеніемъ палатой ст. 575, 576, 751, 797 уст. угол. суд..; § 71 устава коммерческаго банка; ст. 19 и прим. къ ст. II разд. X уст. кред.; закона 29 апрѣля 1902 г. и ст. 1154 и 1155 улож. о нак.

Прилагаю довѣренность.

С.-Петербургъ,
1904 г. декабря 12 дня.

III.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Защитника статскаго совѣтника Ивана Ивановича Иванова, обв. по ст. 362 и 1154 улож. о нак. Присяжнаго Повѣреннаго * * *

ЖАЛОБА.

Приговоръ с.-петербургской судебной палаты отъ 20 сентября 1904 г., объявленный въ окончательной формѣ 1 ноября того же года, коимъ Ивановъ признанъ виновнымъ по ст. 362 и 1154 улож. о нак., неправиленъ по слѣдующимъ основаніямъ.

I.

Въ установленный ст. 557 уст. угол. суд., семидневный срокъ обвиняемый Ивановъ ходатайствовалъ предъ палатой о вызовѣ указанныхъ въ прошеніи свидѣтелей для удостовѣренія между прочимъ а) его полнаго довѣрія къ бывшему члену правленія коммерческаго банка Степанову; b) его полнаго непониманія банковскихъ операцій; е) его довѣрія къ кредитоспособности банка, выразившагося,

между прочимъ, въ его согласіи помѣстить вкладъ въ 80.000 руб. въ тотъ же коммерческій банкъ и f) что всѣмъ состояніемъ Иванова и его жены безконтрольно и всецѣло распоряжался Степановъ. Въ распорядительномъ засѣданіи отъ 14 февраля 1904 г. Палата въ вызовѣ просимыхъ свидѣтелей отказала, такъ какъ нашла, что „проситель Ивановъ ходатайствуетъ о вызовѣ свидѣтелей не для установленія какихъ-либо фактическихъ обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету предъявленнаго Иванову обвиненія, а для удостовѣренія свойства его субъективныхъ отношеній къ лицамъ и учрежденіямъ. Такого рода обстоятельства относятся къ области внутренняго міра человѣка и не могутъ быть удостовѣряемы показаніемъ свидѣтелей, назначеніе которыхъ удостовѣрять извѣстные имъ конкретные факты, а не внутреннія побужденія человѣка“. Также не имѣющимъ значенія для дѣла палата нашла и удостовѣреніе свидѣтелей о полномъ незнаніи Ивановымъ операцій и дѣлопроизводства банка, ибо „самый фактъ принятія на себя лицомъ съ высшимъ образованіемъ извѣстнаго рода обязанностей свидѣтельствуетъ о достаточномъ знакомствѣ его съ этими обязанностями“. Такъ какъ, въ силу рѣш. угол. касс. д-та по д. Савельевыхъ (1899 г. № 45), опредѣленія судовъ относительно вызова свидѣтелей подлежатъ повѣркѣ Правительствую-

щаго Сената со стороны правильности приведенныхъ въ этихъ опредѣленіяхъ соображеній и логической и юридической основательности заключеній,—то прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что два послѣднихъ пункта (е и f) изъ прошенія обвиняемаго вовсе не подверглись обсужденію палаты; палата, неизвѣстно почему, исключила ихъ изъ своего разсмотрѣнія, какъ будто бы ихъ не было; уже одно такое упущеніе палаты составляетъ, въ силу рѣш. 1875 г. № 28 по д. Шульгина, существенное нарушеніе ст. 575 уст. угол. суд. Но этого мало, ибо вѣдь главное, если не единственное, основаніе палаты къ отказу въ вызовѣ свидѣтелей есть неуказаніе Ивановымъ „фактическихъ обстоятельствъ", „конкретныхъ фактовъ"; между тѣмъ, именно пункты е и f прошенія указывали исключительно на конкретные факты: помѣщеніе Ивановымъ въ іюлѣ 1899 г. вклада въ 30.000 руб. въ коммерческій банкъ и безконтрольное завѣдываніе Степановымъ капиталами Иванова и его жены. Такимъ образомъ, заключеніе палаты объ отсутствіи въ прошеніи Иванова указаній на „фактическія обстоятельства" явилось результатомъ обсужденія этого прошенія не цѣликомъ, а почему-то въ одной лишь части; посему оно находится въ непримиримомъ логическомъ и юридическомъ противорѣчіи съ тѣми данными, изъ которыхъ оно должно бы вытекать. Въ

виду чего, а также рѣш. 1890 г. № 17 по д. Вельяшева, необходимо признать нарушеніе ст. 575 уст. уг. суд.

Что же касается относимости указанныхъ выше обстоятельствъ къ предмету предъявленнаго Иванову обвиненія, то по обвинительному акту (вопросъ XVII) Ивановъ обвинялся въ томъ, что умышленно изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ ввелъ въ заблужденіе правительство и акціонеровъ. При такой постановкѣ обвиненія выясненіе того обстоятельства, что тотъ же Ивановъ свое собственное состояніе довѣрилъ безконтрольно Степанову, а вкладъ малолѣтняго сына своего помѣстилъ въ томъ же банкѣ, никоимъ образомъ нельзя признать не относящимся къ дѣлу, ибо факты эти могутъ свидѣтельствовать объ отсутствіи у обвиняемаго и умысла и корыстныхъ видовъ, т. е. существенныхъ признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія (рѣш. 1890 г. № 17), или, по крайней мѣрѣ, уменьшающими вину обстоятельствами (рѣш. 1874 г. № 733; 1878 г. № 34). Наконецъ, утвержденіе палаты, что „фактъ принятія лицомъ съ высшимъ образованіемъ извѣстныхъ обязанностей свидѣтельствуетъ о достаточномъ знакомствѣ его съ этими обязанностями",—опровергнуто самой палатой въ ея же приговорѣ, на листѣ 23 коего палата въ основаніе оправданія Тарусина приводитъ то, что онъ „мало былъ свѣдущъ въ дѣлахъ

банка“. Такъ какъ и Тарусинъ, будучи также лицомъ съ высшимъ образованіемъ, также добровольно, какъ и Ивановъ, принялъ на себя обязанности члена правленія съ 1872 г. (обв. актъ, стр. 3),—а равенство всѣхъ обвиняемыхъ предъ закономъ есть одна изъ основъ правосудія, то опредѣленіе палаты отъ 14 февраля 1904 г. является и въ этой части неправильнымъ. Относимость же этого обстоятельства къ дѣлу и даже его крайняя существенность доказывается тѣмъ, что, по утвержденію самой палаты, оно служитъ основаніемъ къ оправдательному приговору.

Послѣднее указаніе на нарушеніе палатой ст. 575 уст. угол. суд. заключается въ томъ, что, вопреки рѣш. сен. 1890 г. № 17, въ которомъ предъявлено категорическое требованіе судамъ обозначать свидѣтелей терминами закона: „относящихся къ дѣлу и къ дѣлу неотносящихся, существенныхъ и несущественныхъ“ и никакихъ иныхъ терминовъ не употреблять, — палата въ опредѣленіи своемъ отъ 14 февраля 1904 г. такой группировки вовсе не установила и въ заключительномъ пунктѣ оставила прошеніе Иванова просто „безъ послѣдствій“.

Послѣ этого Ивановъ ходатайствовалъ о вызовѣ тѣхъ же свидѣтелей по ст. 576 уст. угол. суд., но палата въ опредѣленіи отъ 4 марта 1904 г. и это прошеніе оставила безъ послѣдствій потому, что „признаніемъ обстоя-

тельствъ, для разъясненія которыхъ Ивановъ просилъ о вызовѣ дополнительныхъ свидѣтелей, не имѣющими для дѣла значенія, отвергнута возможность вызова этихъ свидѣтелей и на счетъ просителя". При обращеніи, однако, къ подлинному дѣлу усматривается, что, признавъ въ распорядительномъ засѣданіи отъ 10 марта 1904 г. „показанія указанныхъ Сегановымъ свидѣтелей не имѣющими для дѣла никакого значенія", палата затѣмъ разрѣшила вызовъ тѣхъ же свидѣтелей по ст. 576 уст. угол. суд. Такое явное противорѣчіе въ двухъ опредѣленіяхъ одной и той же палаты по одному и тому же дѣлу вторично нарушило принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ и опять-таки въ ущербъ интересамъ обвиняемаго Иванова.

Посему, и въ силу ст. 557, 575 и 576 уст. угол. суд., приговоръ палаты подлежитъ отмѣнѣ.

II.

На листѣ 20-мъ приговора, въ отдѣлѣ „годовые отчеты и порядокъ ихъ составленія" палата устанавливаетъ, что неправильности по операціямъ банка „неминуемо должны были отразиться и въ отчетахъ банка, представляя положеніе дѣлъ банка не въ соотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ"; черезъ 2 стра-

ницы описанъ, со словъ свидѣтеля Анютина, порядокъ составленія годовыхъ отчетовъ и указано, что на всѣхъ ихъ имѣются за 1895—1900 годы подписи всѣхъ членовъ правленія и, въ томъ числѣ, Тарусина.

Признавая Тарусина (л. 27) невиновнымъ по пункту XIV (подложные отчеты), палата мотивируетъ это „отсутствіемъ доказательствъ знакомства его съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ банка", ибо Тарусинъ „рѣдко посѣщалъ правленіе, мало интересовался дѣлами банка, мало былъ свѣдущъ въ этихъ дѣлахъ", (л. 25 приговора), а „злоумышленность есть существенный элементъ преступнаго подлога" (л. 24 приговора).

Относительно докладовъ депутатовъ приговоромъ установлено буквально то-же самое, что относительно отчетовъ: и доклады представляли положеніе дѣлъ банка не въ „соотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ"; и доклады составлялись, по словамъ того же свидѣтеля Анютина, такимъ же порядкомъ, какъ отчеты; Ивановъ, какъ установлено палатой (л. 27), „ревизій вовсе не производилъ", слѣдовательно, въ смыслѣ освѣдомленности объ истинномъ положеніи дѣлъ банка находился совершенно въ такомъ же положеніи, какъ Тарусинъ, который „мало интересовался дѣлами банка". Тутъ же (л. 27) палата устанавливаетъ, что „на Иванова не можетъ упадать никакихъ подозрѣній, чтобы онъ умыш-

ленно скрывалъ практиковавшіяся въ дѣлахъ банка злоупотребленія".

Такимъ образомъ:

дѣяніе—въ обоихъ случаяхъ одинаковое: Тарусинъ подписывалъ невѣрные отчеты, а Ивановъ—невѣрные доклады;

завѣдомость—одинакова: ея не было ни у Тарусина, ни у Иванова;

умышленность — тоже не было ни у Тарусина, ни у Иванова.

Все это установлено самой палатой и тѣмъ не менѣе Тарусинъ оправданъ, а Ивановъ признанъ виновнымъ.

Такое противорѣчіе, допущенное палатой въ одномъ и томъ же приговорѣ, лишаетъ его, въ виду ст. 797 уст. угол. суд., силы судебнаго рѣшенія.

III.

Признавъ Иванова виновнымъ, палата говоритъ, что онъ не скрывалъ умышленно злоупотребленій, „но, исполняя небрежно возложенныя на него по уставу банка обязанности, онъ, несомнѣнно, скрывалъ эту небрежность, подписывая протоколы о такихъ ревизіяхъ, которыхъ въ дѣйствительности не было, и завѣдомо ложно удостовѣряя затѣмъ въ докладахъ общимъ собраніямъ, будто упомянутыя ревизіи имъ производились" (л. 27). Такимъ образомъ, Ивановъ обвиненъ ни въ чемъ

иномъ, какъ въ „сокрытіи небрежности“; но сокрытіе небрежности не есть подлогъ, а все таки только небрежность, предусмотрѣнная ст. 417 улож. о нак.; эта статья говоритъ о представленіи обвиняемымъ въ рапортѣ или донесеніи дѣла „въ видѣ неполномъ или невѣрномъ“, т. е. не соотвѣтствующемъ дѣйствительности, въ которомъ дѣйствительность скрыта, ибо не будь она скрыта, „рапортъ“ не могъ-бы быть „невѣрнымъ“; поэтому, нерадѣніе не можетъ быть не скрытымъ; рапортъ или донесеніе, въ которомъ должностное лицо заявило-бы, что оно представляетъ дѣло, „не удостовѣрившись надлежащимъ образомъ въ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ его“, не есть ни рапортъ, ни донесеніе, а сознаніе обвиняемаго; съ точки-же зрѣнія ст. 417 улож. о нак., — это — негодный объектъ, ибо рапортъ или донесеніе съ подобнымъ признаніемъ не можетъ уже никого ввести въ заблужденіе и дать кому-бы то ни было „невѣрное“ представленіе объ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ дѣла; такому рапорту не „вѣрятъ“. Въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу саратовско-симбирскаго банка (1887 г., № 32) прямо сказано, что „сокрытіе истины въ докладахъ, рапортахъ, протоколахъ и пр. служебныхъ актахъ и документахъ само по себѣ не обусловливаетъ еще полнаго состава преступленія служебнаго подлога, ибо такое дѣйствіе можетъ

послѣдовать и тогда, когда должностное лицо, по легкомыслію или небреженію, но безъ всякаго противозаконнаго намѣренія не удостовѣрится въ истинныхъ обстоятельствахъ дѣла и, вслѣдствіе сего, включитъ въ служебный документъ свѣдѣнія невѣрныя; такое дѣяніе соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному ст. 417 улож. о нак.".

Небрежность (л. 27), легкомысліе (л. 29), отсутствіе умысла (л. 27) — у Иванова установлены самой палатой, и посему онъ могъ-бы быть признанъ виновнымъ лишь въ нерадѣніи, если-бы не рѣшеніе по дѣлу московскаго банка, (1877 г., № 95), по которому ст. 417 непримѣнима къ должностнымъ лицамъ частныхъ банковъ.

Такъ-же непримѣнима къ дѣяніямъ Иванова ст. 362 улож. о нак. Увѣреніе Иванова въ докладахъ, что онъ производилъ тѣ или иныя дѣйствія, является ложнымъ удостовѣреніемъ о его личныхъ дѣйствіяхъ, а не о положеніи дѣлъ банка. Показаніями-же свидѣтелей (пригов., л. 20) установлено, что депутаты ревизовали наличность кассы, такъ что безусловной лживости увѣренія тоже нѣтъ. „Корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ", „намѣреннаго введенія въ заблужденіе правительства и общихъ собраній" — всѣхъ этихъ признаковъ преступленія, указанныхъ въ вопросѣ XVII обвинительнаго акта,—палата тоже не признала.

Между тѣмъ, палата, опредѣляя для Иванова наказаніе, говоритъ: „преступное дѣяніе, въ совершеніи котораго признанъ виновнымъ Ивановъ, тоже предусмотрѣно ст. 1154 улож. о нак. и виновные въ совершеніи этого преступленія подлежатъ наказанію по 862 ст. улож. о нак.“ (л. 29 проговора); а на оборотѣ той-же страницы сказано, что Ивановъ „осужденъ не за „подлоги и невѣрности въ сохраненіи банковскаго имущества“ и даже не за небрежное исполненіи своихъ обязанностей, а лишь за подложное удостовѣреніе, будто эти обязанности имъ исполнялись всегда исправно“.

Между тѣмъ, ст. 1154 улож. о нак. говоритъ о „подлогахъ и невѣрностяхъ въ сохраненіи ввѣреннаго должностнымъ лицамъ частныхъ банковъ имущества, принятіи противозаконныхъ подарковъ, взяткахъ и вымогательствахъ“. О подаркахъ, взяткахъ и вымогательствахъ нѣтъ относительно Иванова ни малѣйшаго указанія ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ вопросныхъ пунктахъ, ни въ приговорѣ палаты. За „подлоги и невѣрности въ сохраненіи ввѣреннаго банку имущества“ онъ по утвержденію палаты, не осужденъ — какимъ-же образомъ преступное дѣяніе, въ совершеніи котораго признанъ виновнымъ Ивановъ, „тоже предусмотрѣно 1154 ст. улож. о нак.“? Уже одно это непримиримое противорѣчіе лишаетъ само по себѣ приговоръ отно-

сительно Иванова силы судебнаго рѣшенія. Кромѣ того, такъ какъ палатой признано, что „преступленіе, въ которомъ названный подсудимый признанъ виновнымъ, не состоитъ ни въ какой причинной связи съ причиненными банку убытками“ (л. 29 об.), слѣдовательно, нѣтъ одного изъ существенныхъ признаковъ ст. 1154 ул. о нак., и такъ какъ ст. 362 улож. о нак. можетъ быть примѣнена къ дѣянію должностныхъ лицъ частныхъ банковъ не непосредственно, а лишь черезъ ст. 1154 улож. о нак., и такъ какъ эта послѣдняя статья къ дѣянію депутатовъ непримѣнима, то нѣтъ возможности примѣнить ст. 362 улож. о нак. По вышеприведеннымъ соображеніямъ, такъ какъ въ дѣяніяхъ Иванова нѣтъ ни состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 362 улож. о нак. (сама палата говоритъ, что не преступленіе, а лишь наказаніе для Иванова предусмотрѣно ст. 362 улож.), ни состава ст. 1154 улож. (ибо „онъ осужденъ не за подлоги и невѣрности въ сохраненіи банковскаго имущества“ и, кромѣ того, дѣяніе его не причинило ущерба), ни какой-бы то ни было другой статьи улож. о нак. (въ виду невозможности примѣненія ст. 417), то приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по отношенію къ Иванову подлежитъ отмѣнѣ въ силу ст. 1-ой улож. о нак.

Въ виду всего вышеизложеннаго и присоединяясь къ кассаціоннымъ жалобамъ другихъ

обвиняемыхъ и ихъ защитниковъ, прошу отмѣнить обжалуемый приговоръ, на основаніи ст. 557, 575, 576 и 797 уст. угол. суд. и ст. 1, 362 и 1154 улож. о нак.

Довѣренность, выданную мнѣ Ивановымъ, при семъ представляю.

С.-Петербургъ.
1904 г. декабря 12 дня.

IV.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Защитника Ивана Ивановича Иванова, Присяжнаго Повѣреннаго ***

ЖАЛОБА.

Приговоръ с.-петербургской судебной палаты, состоявшійся 1 ноября 1904 г. и объявленный въ окончательной формѣ 15 декабря того же года, коимъ Иванъ Ивановъ признанъ виновнымъ въ дѣяніи, предусмотрѣннымъ ст. 1489 улож. о нак., нахожу неправильнымъ по слѣдующему основанію.

По обвинительному акту Ивановъ обвинялся въ томъ, что нанесъ потерпѣвшему 31 мая 1903 года рядъ побоевъ по разнымъ частямъ тѣла.

Въ приговорѣ окружнаго суда та же дата: 31 мая. Въ апелляціонномъ протестѣ г. тов. прокурора: 31 мая.

Какъ видно изъ протокола засѣданія палаты, обвиненіе поддерживало апелляціонный протестъ.

Между тѣмъ палата въ своемъ приговорѣ, обсуждая доказанное подсудимымъ alibi въ день 31 мая, говоритъ (стр. 62): „нельзя не

замѣтить, что потерпѣвшій явился къ Иванову 30 мая и, слѣдовательно, подсудимый имѣлъ въ своемъ распоряженіи, какъ часть дня и вечеръ 30 мая, такъ и ночь съ 30 на 31 мая". Затѣмъ на стр. 68 приговора: „необходимо признать, что 30—31 мая Ивановымъ были дѣйствительно причинены потерпѣвшему насилія". На стр. 69 приговора: „дѣянія эти заключаются въ нанесеніи Ивановымъ 30—31 мая цѣлаго ряда побоевъ", и такъ дальше на страницахъ 73, 75 и 80 приговора.

Такимъ образомъ оказывается, что палата уже въ самомъ приговорѣ *впервые* предъявила Иванову новыя обвиненія: въ истязаніи потерпѣвшаго и 30 мая 1908 года.

Обращаясь ко всему безъ исключенія производству дѣла, невозможно найти хотя бы малѣйшее основаніе къ тому, чтобы относительно побоевъ 30 мая имѣлись какія либо указанія. Въ этомъ отношеніи подсудимому, вопреки ст. 612 уст. угол. суд., не только не были представлены *„всевозможныя* средства къ оправданію", но эти средства были у него цѣликомъ отняты: подсудимый не защищался противъ обвиненія въ нанесеніи имъ побоевъ 30 мая, такъ какъ онъ не подозрѣвалъ, что его въ этомъ обвиняютъ; онъ былъ лишенъ возможности представить документы и сослаться на свидѣтелей alibi 30 мая. Онъ не задавалъ вопросовъ и потерпѣвшему — истязалъ ли онъ его 30 мая. Мало того: вопреки

ст. 679 ст. уст. угол. суд., подсудимый самъ не былъ спрошенъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ причиненіи истязаній 30 мая 1903 года.

Обвиненіе это было предъявлено ему впервые, заочно, въ совѣщательной комнатѣ и тамъ же разрѣшено — безъ производства судебнаго по этому вопросу слѣдствія, безъ преній, безъ вѣдома подсудимаго, защитника и обвинителя, и явилось въ приговорѣ такимъ „предметомъ обвиненія“, который не былъ „выведенъ“, вопреки п. 1 ст. 797 уст. угол. суд., ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ заключительныхъ по судебному слѣдствію преніяхъ. Такое существенное (рѣш. угол. касс. д-та 1895 г., № 18) нарушеніе ст. 612, 679 и 797 уст. угол. суд. лишаетъ приговоръ силы судебнаго рѣшенія, а посему онъ подлежитъ отмѣнѣ.

V.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Повѣреннаго Ивана Иванова, обв. по 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о нак., Присяжнаго Повѣреннаго ***

ЖАЛОБА.

Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ с.-петербургскаго окружнаго суда отъ 7 — 17 мая 1906 г., коими Ивановъ признанъ виновнымъ по 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о нак. и приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и заключенію въ тюрьмѣ на 10 мѣсяцевъ и 20 дней,—нахожу неправильными по слѣдующимъ соображеніямъ:

I.

Какъ значится въ протоколѣ судебнаго засѣданія, 1) повѣстка свидѣтельницѣ Еленѣ Ториной была послана въ городъ Одессу, причемъ на повѣсткѣ имѣется слѣдующая надпись: „20 февраля 1906 г. первый экземпляръ сей повѣстки для дочери Елены Ториной, выбывшей за границу, для передачи получила А. Петрова“; 2) прокуроръ далъ

заключеніе, что онъ считаетъ повѣстку Еленѣ Ториной не врученною на томъ основаніи, что у суда нѣтъ свѣдѣній, передала ли мать повѣстку свидѣтельницѣ; 3) защита присоединилась къ такому заключенію прокурорскаго надзора, добавивъ, что не установлено даже, чтобы въ настоящее время Елена Торина пребывала за границей, такъ какъ заграницу повѣстка ей вовсе не посылалась, а когда къ засѣданію 20 октября 1905 года повѣстка была вручена ей лично въ Одессѣ, она явилась въ судъ изъ другого судебнаго округа; 4) судъ призналъ, ссылаясь на рѣш. угол. касс. деп. 1895 г. № 18, неявку Елены Ториной законной, такъ какъ не усмотрѣлъ основаній сомнѣваться въ томъ, что Торина дѣйствительно проживаетъ за границей, что мать ея передала повѣстку и что по расчету времени повѣстка могла быть передана; „но если даже предположить, что Елена Торина проживаетъ въ Одессѣ, то и въ такомъ случаѣ неявка ея должна быть признана законною, въ силу 2 п. 642 ст. уст. угол. суд.“. Съ такимъ опредѣленіемъ суда невозможно согласиться потому, что въ рѣш. угол. касс. деп. 1895 г. № 18 Правит. Сенатъ нашелъ „въ отношеніи отказа въ прочтеніи показаній свидѣтелей, *вызывавшихся* изъ-за границы, что отсутствіе свѣдѣній о времени врученія посланныхъ имъ повѣстокъ не лишало Палату права признать ихъ неявку законною“.

Такимъ образомъ рѣшеніе сената, на которое сослался судъ, говоритъ о проживающихъ за границей свидѣтеляхъ, вызывавшихся, но *не явившихся*, а по настоящему дѣлу Торина оказалась свидѣтельницей, вовсе *не вызывавшейся*, ибо ей лично повѣстка посылалась въ Одессу, но она оказалась тамъ не проживающей; проживала она за границей, какъ въ этомъ по соображеніямъ, не подлежащимъ провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, не сомнѣвается судъ; но заграницу повѣстка ей никогда не посылалась. Судъ не усмотрѣлъ основаній сомнѣваться въ томъ, „что мать А. Петрова препроводила полученную ею для передачи повѣстку.“ Но 1) такой способъ передачи нельзя признать законнымъ, ибо полиція, вручавшая повѣстку, въ силу рѣш. угол. касс. деп. 1880 г. № 13, „не въ правѣ ограничиться одною передачею повѣстки по означенному въ оной мѣсту жительства свидѣтеля, а обязана произвести розыскъ отсутствующаго свидѣтеля путемъ провѣрки собранныхъ при этомъ данныхъ и затѣмъ препроводить повѣстку по тому указанію, которое будетъ признано ею болѣе достовѣрнымъ“. Въ настоящемъ случаѣ не требовалось даже произвести розыскъ, ибо адресъ Ториной могъ быть сообщенъ ея матерью, и полиціи оставалось только или по этому адресу препроводить повѣстку или, по крайней мѣрѣ, повѣстку съ указаніемъ новаго адреса свидѣ-

тельницы вернуть въ окружный судъ. 2) Затѣмъ: не только способъ передачи явился незаконнымъ, но самое препровожденіе повѣстки Еленѣ Ториной ея матерью ничѣмъ по дѣлу не установлено. Мать свидѣтельницы написала на повѣсткѣ, что „первый экземпляръ сей повѣстки для дочери Елены Ториной, выбывшей за границу, для передачи, получила... А. Петрова“. Такимъ образомъ г-жа Петрова получила повѣстку „для передачи“, но вовсе не обязалась „препроводить“ ее за границу, какъ утверждаетъ въ своемъ постановленіи судъ. *Передать* вещь можно только тогда, когда лицо присутствуетъ; если бы до 7 мая, т. е до дня засѣданія по дѣлу г-жа Торина пріѣхала Одессу или г-жа Петрова пріѣхала бы за границу къ дочери, то она *передала* бы ей повѣстку; но ни пріѣздъ Ториной, ни отъѣздъ Петровой не установлены, а „препроводить“ повѣстку за границу г-жа Петрова вовсе не обязалась. Способы удостовѣренія и оцѣнка достовѣрности о причинахъ неявки свидѣтелей предоставлены усмотрѣнію суда, но всѣ эти вопросы должны быть „обсуждены“ (рѣш. 1874 г. № 97); должна быть принята во вниманіе „совокупность всѣхъ обстоятельствъ“, „соображенія“, — все то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность всякой судейской работы. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ никакого „обсужденія“ не было. Судъ, безъ всякой мотивировки,

просто не сомнѣвается, что мать „препроводила полученную для передачи повѣстку“ дочери, значитъ, судъ самъ утверждаетъ, что повѣстку г-жа Петрова получила только для передачи и, вмѣстѣ съ симъ, неизвѣстно изъ чего усматриваетъ, что сдѣлала больше, чѣмъ обѣщала: препроводила. Вотъ почему и прокуроръ далъ заключеніе, что препровожденіе повѣстки г-жѣ Ториной ея матерью—по дѣлу не установлено.

Къ этому заключенію присоединилась защита и настаивала на посылкѣ повѣстки самой Еленѣ Ториной, ибо, какъ видно изъ обвинительнаго акта, роль свидѣтельницы по настоящему дѣлу представлялась исключительно важной. Съ ея именемъ даже обвинительный актъ связываетъ возникновеніе, развитіе и завершеніе всего происшедшаго.

Такимъ образомъ судомъ было допущено нарушеніе ст. 625, 626, 631 и 642 уст. угол. суд., такъ какъ судъ безъ законныхъ основаній допустилъ разсмотрѣніе дѣла безъ вызова и допроса подъ присягой на судѣ такой свидѣтельницы, показаніе которой самимъ судомъ было признано имѣющимъ существенное въ дѣлѣ значеніе и ограничился прочтеніемъ показанія этой свидѣтельницы, даннаго лишь съ напоминаніемъ о присягѣ, безъ предоставленія подсудимому права разъяснить показаніе это черезъ передопросъ свидѣтельницы на судѣ.

Такое нарушеніе, въ силу рѣшенія угол. касс. деп. 1874 г. № 842, необходимо признать существеннымъ.

II.

Какъ значится въ замѣчаніи на протоколъ, г. предсѣдательствующій въ своей заключительной рѣчи говорилъ присяжнымъ засѣдателямъ объ ихъ правѣ повергать къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбы о помилованіи или облегченіи участи осужденныхъ, но не объяснилъ, что это право принадлежитъ каждому изъ присяжныхъ засѣдателей въ отдѣльности. Въ силу ст. 801 и 813 уст. угол. суд., присяжнымъ засѣдателямъ было разъяснено, что они должны склонять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію, а въ случаѣ разномыслія разрѣшать вопросы по большинству голосовъ, при раздѣленіи же голосовъ поровну, принимать то мнѣніе, которое послѣдовало въ пользу подсудимаго. Такимъ образомъ о возможности рѣшить какой либо вопросъ хотя бы пятью голосами присяжнымъ засѣдателямъ не было и не могло быть извѣстно, ибо напротивъ въ видѣ общаго правила имъ было преподано указаніе о необходимости большинства или, по крайней мѣры, половины голосовъ для рѣшенія вопросовъ. Между тѣмъ смыслъ циркуляра г. министра юстиціи отъ 26 ноября 1903 г.

таковъ, что для возбужденія всеподданнѣйшаго ходатайства со стороны присяжныхъ засѣдателей не требуется условій, указанныхъ въ 813 ст. уст. угол. суд. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ сказано, что „присяжные засѣдатели не могутъ быть лишены принадлежащаго всѣмъ вѣрноподданнымъ права...“ Если подъ словами „присяжные засѣдатели“ разумѣть, благодаря множественному числу, *всѣхъ* присяжныхъ засѣдателей, то по той же причинѣ и еще съ большимъ основаніемъ подъ словами „всѣмъ вѣрноподданнымъ“ надо разумѣть все населеніе имперіи (*всѣхъ* вѣрноподданныхъ) и тогда выходило бы, что подъ каждой просьбой о помилованіи должно быть 140 милліоновъ подписей. Значитъ, подъ словами „всѣмъ вѣрноподданнымъ“ надо разумѣть *каждаго* вѣрноподданнаго въ отдѣльности; но въ такомъ случаѣ право ходатайства принадлежитъ и *каждому* присяжному засѣдателю и это право, какъ исключеніе изъ ст. 813 уст. угол. суд., должно быть имъ каждый разъ объяснено.

Какъ видно изъ дѣла, 24 мая 1906 г. присяжный засѣдатель, входившій въ составъ присутствія, г. Николаевъ, подалъ заявленіе такого содержанія: „будучи присяжнымъ засѣдателемъ по дѣлу Иванова, я *не зналъ*, что каждый изъ присяжныхъ засѣдателей имѣетъ право единолично просить судъ всеподданнѣйше ходатайствовать о помилованіи осуж-

деннаго. Узнавъ объ этомъ въ *настоящее* время, считаю долгомъ своей судейской совѣсти почтительнѣйше просить окружный судъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи Иванова". Въ распорядительномъ засѣданіи 1 іюня окружный судъ оставилъ это ходатайство безъ послѣдствій въ виду того, что г. Николаевъ уже 8-й день не состоитъ присяжнымъ засѣдателемъ. Однако изъ прошенія г. Николаева видно, что когда онъ состоялъ присяжнымъ засѣдателемъ, онъ не зналъ о своемъ правѣ и не его вина, что узналъ онъ это только на 8-й день по окончаніи дѣла. Если бы г. предсѣдательствующій разъяснилъ циркуляръ надлежащимъ образомъ въ своемъ напутственномъ словѣ, то присяжные засѣдатели еще, состоя таковыми, знали бы о правѣ каждаго изъ нихъ ходатайствовать о помилованіи. И въ настоящее время нельзя утверждать, *но нельзя и отрицать*, что при надлежащемъ разъясненіи, такое ходатайство не было бы заявлено со стороны даже пяти присяжныхъ засѣдателей, каковаго возможнаго заступничества Ивановъ оказался лишеннымъ, благодаря неточному разъясненію циркуляра, а ходатайства одного присяжнаго засѣдателя онъ лишенъ несомнѣнно и очевидно. Конечно г. предсѣдательствующій, быть можетъ, имѣлъ право о циркулярѣ вовсе не упоминать, но разъ онъ его приводилъ и объяснялъ, то

долженъ былъ сдѣлать это правильно. Неисполненіемъ же этого нарушены ст. 612, 614 и 645[1] уст. угол. суд. и циркуляръ г. министра истиціи отъ 26 ноября 1908 г. за № 53021.

Въ виду вышеизложеннаго и на основаніи ст. 612, 614, 625, 626, 631, 642, 645[1], 687 и 912 уст. угол. суд., а также циркуляра г. министра юстиціи отъ 26 ноября 1903 года, имѣю честь покорнѣйше просить рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ окружнаго суда отмѣнить.

С.-Петербургъ.

VI.

Въ уголовный касаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Потомственнаго Почетнаго Гражданина Ивана Ивановича Иванова

ЖАЛОБА.

Приговоръ Петербургской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, объявленный въ окончательной формѣ 14 сего мая, коимъ я признанъ виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 294 ст. Улож. о Нак., я считаю неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ:

I.

Палата признала приговоры за №№ 2 и 4 отъ 2 ноября 1903 г. подложными, такъ какъ подписи подъ этими приговорами были собраны по одиночкѣ посредствомъ подкупа или ложныхъ увѣреній относительно размѣра арендной платы, при чемъ допускались къ подписи и лица, не имѣвшія на это права.

Такимъ образомъ, сама палата устанавливаетъ, что подписи подъ приговорами были не отъ несуществующихъ лицъ, или хотя бы и существующихъ, но не ими самими совер-

шенныя, а что подписи были сдѣланы никѣмъ инымъ, какъ тѣми, кто подписался.

Уже одна такая постановка вопроса отнимаетъ отъ моего участія въ этомъ дѣлѣ, если бы это участіе даже было доказано и каково бы оно ни было, — всякіе признаки преступнаго характера. Подписываетъ ли приговоръ сельскій сходъ вмѣстѣ или по одиночкѣ; имѣетъ ли право иной членъ сельскаго общества участвовать въ составленіи приговора, или нѣтъ; подписываетъ ли онъ по доброй волѣ или вслѣдствіе приказанія, подкупа или ложныхъ увѣреній, — мнѣ, какъ частному лицу, нѣтъ никакого дѣла. Также точно частному лицу, если онъ получаетъ ассигновку изъ казначейства или исполнительный листъ изъ суда, безразлично, гдѣ положена казенная печать на документѣ: въ присутственномъ мѣстѣ, или на дому у казначая—лишь бы печать была настоящая; имѣлъ ли право предсѣдатель суда подписать исполнительный листъ, или же онъ считался въ отпуску и подписалъ заднимъ числомъ; подписалъ ли предсѣдатель послѣ того, какъ это сдѣлалъ секретарь, или наоборотъ,—лишь бы эти подписи были настоящія, а не подложныя. За всѣ подобныя неправильности могутъ нести отвѣтственность исключительно должностныя лица, на обязанности коихъ лежитъ наблюдать за правильностью совершенія тѣхъ или иныхъ актовъ и составленія тѣхъ или

иныхъ документовъ. Между тѣмъ палата до того прониклась идеей отвѣтственности моей за неправильное составленіе приговоровъ, что въ пунктѣ 8-мъ своего приговора ставитъ мнѣ въ вину то, что собираніе подписей по одиночкѣ дѣлалось съ моего „вѣдома", какъ будто я былъ то должностное лицо, которому вѣдать надлежитъ, кто изъ сельчанъ имѣетъ право подписываться и кто нѣтъ. Мое же „содѣйствіе" палата усматриваетъ въ томъ, что я давалъ „деньги на подкупъ латышей, съ цѣлью полученія отъ нихъ подписей подъ приговорами". Такой взглядъ противорѣчитъ простѣйшимъ основамъ гражданскаго права. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь латыши были никѣмъ инымъ, какъ моими контрагентами по сдѣлкѣ: они сдавали землю въ аренду, а я ее снималъ. Выходитъ, что я подкупалъ своего собственнаго контрагента. Но вѣдь просить контрагента, умолять его, задаривать его, вообще склонять его къ совершенію сдѣлки никому не возбраняется. Если же эта сдѣлка оказывается невыгодной и притомъ совершенной вслѣдствіе ложныхъ увѣреній,—то, при наличности другихъ, закономъ установленныхъ признаковъ преступленія, рѣчь можетъ идти о 1688 ст. Улож. Но никоимъ образомъ нельзя обвинять одного контрагента въ составленіи подложнаго документа или пользованія имъ, если документъ въ дѣйствительности выданъ другимъ кон-

трагентомъ, хотя бы вслѣдствіе просьбъ, обѣщаній или подарковъ. По этой причинѣ даже въ вопросѣ о моей виновности, поставленномъ палатой на свое разрѣшеніе и разрѣшенномъ ею въ утвердительномъ смыслѣ, не заключается признаковъ какого либо преступленія, ибо я признанъ виновнымъ въ томъ, что „содѣйствовалъ составленію *подложныхъ* приговоровъ выдачею денегъ, чтобы склонить несогласныхъ латышей къ *подписанію* приговоровъ".

Въ этой фразѣ и логически и юридически заключается непримиримое и исключающее другъ друга противорѣчіе: латыши были несогласны, не желали подписать приговора и потому приговора не было; чтобы его создать реально нужно было одно изъ двухъ: или подписать подложно вмѣсто несогласныхъ латышей, и тогда, не смотря на несогласіе латышей и безъ ихъ вѣдома, приговоръ все таки явился бы; или же другое: добиться того, чтобы латыши перестали быть несогласными, согласились подписать договоръ,—но тогда нѣтъ подлога; тогда именно все сдѣлано, чтобы *избѣжать* подлога. А теперь выходитъ, что за то, что я далъ деньги и склонилъ латышей на самомъ дѣлѣ подписать приговоръ не за третьихъ лицъ, а за нихъ самихъ, я и обвиненъ въ подлогѣ.

Въ виду этихъ соображеній, я полагаю, что ст. 294 Улож. о Нак. примѣнена ко мнѣ быть

не можетъ и приговоръ палаты подлежитъ отмѣнѣ въ силу 1 ст. Улож. о Нак. и 1 ст. Уст. Угол. Суд.

II.

Обвиненіе было предъявлено мнѣ по ст. 294 Улож. о Нак. Поэтому и моя защита должна была свестись единственно къ доказательству подлинности подписей на приговорахъ сельскаго общества. Но такъ какъ меня обвиняли и въ соучастіи, въ „ложныхъ увѣреніяхъ", въ способствованіи къ „подкупамъ латышей", и въ совершеніи всего этого ради корыстныхъ видовъ,—то я приводилъ и въ этомъ направленіи соотвѣтствующія оправданія.

Палата, съ своей стороны, устанавливая въ приговорѣ голыя формулы о ложныхъ увѣреніяхъ, подкупахъ и корыстной цѣли, обошла совершенно и вопреки 2 п. ст. 797 У. У. С. цѣлый рядъ „представленныхъ по дѣлу доказательствъ". Такъ: 1) всѣ обманы и подкупы дѣлались по мнѣнію палаты съ той цѣлью, чтобы получить въ аренду землю не по 2 руб. за десятину, а по 1 р. 50 к.

Между тѣмъ по этому кардинальному вопросу установлено: Петръ Петровъ (свидѣтель № 1-й): „цѣну въ 1 р. 50 к. считалъ нормальной. Самъ совершалъ контракты на землю даже по 1 р. 10 к. или 1 р. 20 к.".

Свидѣтель Носовичъ (№ 2): „цѣну на земли въ 1900 году полагалъ въ 1 р. или 2 р.".

Экспертъ Пахитоновъ (№ 3-й): „считаетъ цѣну въ 1 р. 50 к. не низкой“.

Василій Коровинъ (№ 35): платилъ по 1 р. 45 к. за десятину, потомъ даже по 85 к. за десятину.

Ивніашиновъ (№ 41-ый) и Петръ Овчаровъ (№ 42-й) (оба дополнительно): на сходѣ 17 мая старымъ арендаторамъ предлагали набавить хотя 5 коп. сверхъ цѣны въ 1 р. 50 коп., предложенной Ивановымъ, но отъ надбавки тѣ отказались.

2) Относительно способа собиранія подписей установлено: предводитель дворянства Харламовъ (№ 2): въ селеніяхъ сходы ведутся неправильно и часто подписи подъ приговорами отбираются не на сходѣ, а по домамъ.

Биккузинъ (№ 4): находившіеся подъ надзоромъ общества и ранѣе участвовали на сходахъ общества и приговоры также подписывали.

Габдулкадировъ (№ 14): такіе случаи, чтобы приговоры подписывали не на самомъ сходѣ, а собирали бы подписи послѣ схода, бывали и ранѣе.

Овчаровъ (№ 42): присутствовалъ при томъ, какъ латыши подписывали приговоры, несогласныхъ на сдачу при этомъ не было.

3) Относительно того, что я подкупилъ латышей и склонялъ ихъ къ совершенію сдѣлки:

Ахметовъ (№ 25): дня за два, за три до схода два депутата ѣздили отъ общества къ Иванову просить снять общественную землю.

Хасяновъ (№ 26): ѣздилъ, по порученію общества, въ апрѣлѣ къ Иванову, зная, что онъ болѣе 1 р. 50 к. не дастъ.

Овчаровъ (№ 42) и Чурюбаевъ (№ 44): общество само посылало къ Иванову уполономоченныхъ съ просьбой снять землю и само просило у земскаго начальника разрѣшенія на это.

4) Объ извлеченной мной корысти:

Биккузинъ (№ 4): Ивановъ уплатилъ уполномоченнымъ послѣ заключенія нотаріальнаго договора 1.800 р. Эти деньги ему возвращены не были.

5) Относительно опасности, которая угрожала, въ смыслѣ невыгодной сдѣлки, обществу:

Биккузинъ (№ 4): изъ 233 душъ общества 40 домохозяевъ, несогласные на сдачу земли по 1 р. 50 к. за десятину, обжаловали приговоръ; уѣздный съѣздъ эти приговоры отмѣнилъ, а окружный судъ уничтожилъ нотаріальный договоръ.

Всѣ эти „доказательства", внесенныя въ протоколъ, могли бы быть признанными не имѣющими значенія, если бы сама палата не ввела въ свой приговоръ „ложныхъ увѣреній", „склоненія" мной латышей, „невыгодности" цѣны и пр., какъ признаки приписываемаго мнѣ преступленія. Или признавъ ихъ значеніе, палата могла, по тѣмъ или инымъ причинамъ, признать ихъ не заслу-

живающими довѣрія,—все это было бы вопросомъ существа, не подлежащимъ, за силой ст. 5 учр. суд. уст., провѣркѣ Правительствующаго Сената. Но разъ палата въ своемъ приговорѣ ввела всѣ эти признаки, привела одни доказательства и обошла полнымъ молчаніемъ цѣлый рядъ другихъ, такихъ же доказательствъ, внесенныхъ въ ея же протоколъ,—то она этимъ существенно нарушила ст. 766 и 797 уст. угол. суд.

Въ виду всего вышеизложеннаго и на основаніи ст. 294 улож. о нак. и 1, 766 и 797 ст. у. у. с., а также присоединяясь къ жалобамъ другихъ обвиняемыхъ, прошу приговоръ Петербургской судебной палаты отмѣнить со всѣми послѣдствіями, или же передать его на разсмотрѣніе въ другомъ составѣ присутствія.

VII.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Защитника редактора-издателя газеты „Равенство“ П. П. Петрова, Присяжнаго Повѣреннаго ***

ЖАЛОБА.

Приговоръ С.-Петербургской палаты отъ 20 сентября 1906 г. нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ.

Въ пунктѣ „А“ приговора г. Петровъ признанъ виновнымъ въ напечатаніи воззваній, возбуждающихъ лицъ, состоящихъ на почтово-телеграфной и желѣзнодорожной службѣ, къ неисполненію ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, а тѣмъ самымъ къ противодѣйствію закону и неповиновенію требованіямъ, нарушеніе коихъ предусмотрѣно 344, 384, 375, 412—416 ст. улож. о нак.

Съ такимъ взглядомъ приговора согласиться никоимъ образомъ невозможно, ибо изъ приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ и въ приговорѣ воззваній видно, что они заключаютъ въ себѣ призывъ къ продолженію и распространенію забастовки или стачки, каковое дѣяніе предусмотрѣно и карается п. [illegible] ст. 4 отд. VIII „времен. правилъ о поврем

печати" отъ 24 ноября 1905 г., распубликованныхъ въ № 226 „собр. узак, и расп. правит." отъ 26 ноября. А такъ какъ воззванія были напечатаны въ газетѣ „Равенство", въ №№ отъ 21, 22 и 25 ноября 1905 г., т. е. до распубликованія новаго закона, то онъ не можетъ имѣть обратнаго примѣненія къ дѣяніямъ, учиненнымъ до его изданія. По той же причинѣ неправильно утвержденіе приговора, что воззванія призывали къ противодѣйствію закону, изображенному въ ст. 344, 384 и др. ул. о нак., ибо до 2 дек. 1905 г., когда были изданы „врем. правила о наказуемости участія въ забастовкахъ и въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе", — не существовало закона, воспрещающаго чиновникамъ устраивать стачки или забастовки.

Такимъ образомъ за отсутствіемъ состава преступленія въ дѣяніяхъ г. Петрова, описанныхъ въ пунктѣ „А" приговора, къ нимъ не можетъ быть, въ силу 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., примѣненъ 3 п. 1 част. 129 ст. уг. улож.

Въ пунктѣ „Б" приговора цитируется помѣщенное въ № 33 газеты воззваніе „союза союзовъ" о томъ, что „политическая свобода не можетъ быть получена народомъ иначе, какъ путемъ вооруженной борьбы за свободу, и потому необходимо „готовиться къ всеобщей политической забастовкѣ и къ послѣд-

ней вооруженной схваткѣ съ врагами народной свободы“.

Подчеркнутыя въ самомъ приговорѣ слова говорятъ съ очевидностью о вооруженной „схваткѣ“, палата же говоритъ: „такъ какъ въ приведенномъ воззваніи заключается призывъ къ вооруженному возстанію“...

Такимъ образомъ слово „схватка“ замѣнено словомъ „возстаніе“. Если, по мнѣнію палаты, между этими понятіями нѣтъ разницы, то необходимо было такое мнѣніе прямо высказать и заявить въ приговорѣ, что „схватка“ и „возстаніе“ одно и то же. Тогда защита сумѣла бы, быть можетъ, доказать, что разница между этими понятіями и большая, и существенная; что схватка бываетъ, напримѣръ, даже при необходимой оборонѣ, а возстаніе есть нападеніе, т. е. нѣчто, какъ разъ противоположное оборонѣ.

Но такъ какъ палата просто и безъ объясненія причины замѣнила одно понятіе другимъ, то этимъ она нарушила ст. 766 и 797 уст. уг. суд.

Въ пунктѣ „В“ приговоръ приводитъ выдержки изъ напечатаннаго въ № 85 газеты „манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ“ и толкуетъ его, какъ воззваніе къ народу о необходимости сверженія самодержавія и созыв учредительнаго собранія, словомъ о необходи мости „измѣненія существующей въ Россі монархической формы правленія“. „Исход

одинъ — свергнуть правительство, отнять у него послѣднія силы... Мы поэтому рѣшаемъ не платить податей“ и пр.

Такимъ образомъ „манифестъ“ ясно указываетъ, какимъ способомъ слѣдуетъ вести смертную борьбу, ниспровергнуть существующій строй; этотъ способъ—не платить податей, требовать вклады обратно и пр.

Не смотря на такую ясность, особое присутствіе „убѣждено, что „манифестъ“ имѣетъ въ виду именно насильственное посягательство на измѣненіе существующаго образа правленія, и посему считаетъ воззваніе возбуждающимъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, предусмотрѣннаго 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул.“.

Въ этой части приговора усматривается троякое нарушенія закона:

1) распространеніе сочиненія, возбуждающаго къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, предусмотрѣно не 1 п., а 2-мъ 1 ч. 129 ст. угол. ул.

2) „манифестъ“ указываетъ на совершенно конкретные способы достиженія преслѣдуемой имъ цѣли: это неповиновеніе и противодѣйствіе закону и требованіямъ правительства. Палата сама перечисляетъ всѣ эти указанные „манифестомъ“ способы и квалифицируетъ ихъ по 3 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. Но нѣсколькими строками выше, неизвѣстно почему, замѣняетъ ясныя указанія „манифеста“ соб-

ственнымъ своимъ „убѣжденіемъ“, не основаннымъ не только на догадкахъ, хотя и это было бы уже неправильно, но рѣшительно ничѣмъ необоснованнымъ.

3) такимъ образомъ одно и то же воззваніе палата квалифицируетъ по двумъ статьямъ закона (1 и 3 пп. 129 ст.), при чемъ второе исключаетъ первое, а первое и безъ этого исключенія ни въ какомъ случаѣ примѣнено быть не можетъ.

Разрѣшая вопросъ о виновности г. Петрова, особое присутствіе пришло къ убѣжденію, что, помѣщая воззванія, подсудимый дѣйствовалъ умышленно—„съ цѣлью ихъ распространенія, при чемъ сознавая ихъ преступный характеръ, не могъ не допускать возможности, что эти сочиненія преступно повліяютъ на читателей его газеты“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ особое присутствіе не усматриваетъ въ дѣлѣ данныхъ, „свидѣтельствующихъ, чтобы Петровъ помѣстилъ воззванія съ прямою цѣлью возбуждать читателей къ вооруженному возстанію или къ сверженію существующей въ Россіи формы правленія, онъ скорѣе стремился къ тому, чтобы возможно полно знакомить своихъ читателей со всѣми проявленіями дѣятельности „союза союзовъ“, „совѣта рабочихъ депутатовъ“ и другихъ организацій, привлекавшихъ общественный интересъ“.

Такимъ образомъ, особое присутствіе, не

безъ противорѣчія съ самимъ собою, признаетъ однако, что г. Петровъ напечаталъ воззванія „съ цѣлью ихъ распространенія", но не съ „цѣлью возбуждать читателей" къ учиненію тѣхъ или иныхъ дѣйствій. Такое объясненіе дѣянія отнимаетъ отъ него его преступный характеръ. По германскому кодексу, возбужденіе, предусмотрѣнное § 10, имѣетъ въ виду возбужденіе къ опредѣленнымъ поступкамъ, а потому умыселъ въ данномъ случаѣ 'долженъ быть направленъ къ тому, чтобы вызвать эти именно поступки; отсюда германская кассаціонная практика устанавливаетъ, что распространеніе воззванія само по себѣ еще не составляетъ подобнаго возбужденія, а для этого съ распространеніемъ должно соединяться вышеуказанное намѣреніе дѣятеля. Такова же практика и въ другихъ европейскихъ странахъ. У насъ по проекту редакц. комм. ст. 89 (129 угол. улож.). прямо говоритъ: „буде сіе (распространеніе) учинено съ цѣлью возбудить къ учиненію сихъ дѣяній", и объяснительная записка (т. II стр. 208) говоритъ поэтому, что" оглашеніе сочиненія должно быть употреблено, какъ средство возбужденія, слѣдовательно, въ каждомъ случаѣ необходимо констатировать, что, распространяя извѣстное сочиненіе, виновный не только зналъ о противозаконности содержанія, но именно имѣлъ цѣлью возбудить другихъ къ извѣстному дѣйствію".

Въ совѣщаніи при министерствѣ юстиціи это указаніе на цѣль возбужденія было признано излишнимъ, но лишь потому, что „едва ли виновный можетъ преслѣдовать иную, кромѣ вышеуказанной, цѣль“ и что „преступная пропаганда“ должна быть наказуема. Обращаясь къ приговору палаты, надо замѣтить, что въ немъ совершенно и рѣшительно исключается возможность со стороны г. Петрова „преступной пропаганды“, ибо онъ „стремился лишь знакомить своихъ читателей съ животрепещущими новостями и не отставать отъ другихъ повременныхъ изданій“. „Иная“ (кромѣ возбужденія) цѣль, которая совѣщанію при министерствѣ юстиціи казалась „едва ли возможной“, въ дѣлѣ г. Петрова установлена совершенно опредѣленно самой палатой. Эта цѣль—знакомить читателей съ событіями дня.

Такимъ образомъ, въ дѣяніи г. Петрова нѣтъ и палатой не признана та преступная цѣль „возбужденія“ или „пропаганда“, которую только и имѣетъ въ виду ст. 129 уг. ул. „Цѣль распространенія“ сама по себѣ также не можетъ замѣнить ту истинно преступную цѣль, которую разумѣетъ законъ, какъ невозможно формулировать убійство съ цѣлью убійства, поджога съ цѣлью поджога и проч.

Всѣ инкриминируемыя воззванія были напечатаны въ „Равенствѣ“ въ отдѣлѣ „хроники“; это не были статьи самой газеты, а

какъ признаетъ приговоръ, „текущія новости“; редакторъ распространялъ не спеціально то или иное воззваніе, а всю газету и каждую ея строчку: правительственныя сообщенія, телеграммы, „воззванія“, объявленія, расписаніе поѣздовъ и т. д.

При такихъ условіяхъ, ст. 129 угол. улож. примѣнена быть не можетъ, и приговоръ с.-петербургской судебной палаты отъ 20 сентября 1906 г. подлежитъ отмѣнѣ, за отсутствіемъ состава преступленія, по 1 ст. улож. о нак. и 1 ст. уст. уг. суд.

VIII.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Издателя газеты „Реформа“
Ивана Иванова.

ЖАЛОБА.

Приговоромъ особаго присутствія С.-Петербургской судебной палаты отъ 1 іюня 1906 г. г. Горбуновъ присужденъ къ указанному въ томъ приговорѣ наказанію, а изданіе газеты „Реформа“ прекращено навсегда.

Такъ какъ г. Горбуновъ одновременно съ привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности, т. е. еще задолго до судебнаго разбирательства, прекратилъ редактированіе означенной газеты, то оказывается, что палата прекратила изданіе газеты, для г. Горбунова совершенно посторонней; но вмѣстѣ съ тѣмъ газета сама по себѣ, какъ неодушевленный предметъ, не можетъ быть объектомъ уголовной репрессіи; поэтому постановленіе палаты о прекращеніи изданія коснулось интересовъ третьяго лица, каковымъ являюсь я, издатель этой газеты. Получилось недопустимое юридическое положеніе, при которомъ приговоръ палаты о прекращеніи моего изданія навсегда, не коснувшись нисколько г. Горбунова, признаннаго винов-

нымъ,—легъ всей своей тяжестью на меня, не только не виновнаго, но вовсе не привлеченнаго къ дѣлу лица.

Если, въ силу статей 662—666 уст. гр. суд., третье лицо можетъ вступить въ процессъ „во всякомъ положеніи дѣла“, разъ только его интересъ зависитъ отъ того или иного рѣшенія дѣла, то казалось бы, въ случаѣ подобномъ настоящему, когда часть наказанія легла всей своей тяжестью исключительно на третье лицо, нельзя не признать за этимъ лицомъ права на участіе въ дѣлѣ.

По этимъ соображеніямъ, а также на основаніи ст 860 у. у. у. и рѣш. сен. 1884 г. № 50, я ходатайствую предъ Правительствующимъ Сенатомъ о допущеніи меня къ участію въ дѣлѣ Горбунова въ стадіи кассаціоннаго производства на предметъ оспариванія правильности приговора судебной палаты отъ 1 іюня въ части, касающейся закрытія моего изданія. Въ предшествующихъ стадіяхъ процесса я не добивался участія въ дѣлѣ потому, что на инкриминируемые номера моего изданія не былъ наложенъ арестъ ни въ порядкѣ ст. 9, ни ст. 14 отд. VII закона 24 ноября; потому, что самое изданіе не было пріостановлено; потому, что г. Горбуновъ редакторомъ моего изданія уже не состоялъ.

Такимъ образомъ между г. Горбуновымъ и моимъ изданіемъ не существовало ни малѣйшей связи и мое вступленіе въ его дѣло,

было бы вступленіемъ издателя совершенно посторонней уже г. Горбунову газеты. Но послѣ приговора палаты о запрещеніи моего, а не г. Горбунова, изданія, палата создала для меня юридическій интересъ, а слѣдовательно и право вступленія въ дѣло.

Въ приговорѣ палаты сказано „независимо отъ сего и въ виду вреднаго направленія, принятаго газетой „Реформа“, особое присутствіе находитъ необходимымъ въ силу пункта „а“ ст. 8 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. и 2 п. 1046 ст. улож. о нак., запретить изданіе названной газеты навсегда и воспретить Горбунову принимать на себя въ теченіи 5 лѣтъ званіе редактора“...

2-й пунктъ 1046 ст. улож. о нак. говоритъ о воспрещеніи быть редакторомъ, слѣдовательно изданіе прекращено исключительно на основаніи пункта „а“ ст. 8 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. Обращаясь къ этой, а также ко всѣмъ прочимъ статьямъ закона 24 ноября, не можемъ рѣшительно встрѣтить выраженія „вредное направленіе“. Законъ говоритъ исключительно объ отдѣльныхъ номерахъ преступнаго содержанія, а не о всѣхъ номерахъ изданія; объ отдѣльныхъ преступныхъ статьяхъ, а не о всѣхъ статьяхъ, хотя бы только одного номера газеты. Между тѣмъ о направленіи газеты, вредномъ или безвредномъ, можно говорить лишь послѣ изученія

всѣхъ статей и всѣхъ номеровъ газеты или по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ. Такому спеціальному изученію предавались и предаются соотвѣтствующія административныя учрежденія, слѣдящія изо дня въ день за періодическими изданіями. Но судъ знаетъ лишь тѣ факты, которые составляютъ предметъ обвиненія и онъ также не можетъ признать въ дѣлахъ печати „вреднаго направленія“ изданія, какъ въ дѣлахъ общеуголовныхъ „порочнаго поведенія“ обвиняемаго.

Такое толкованіе закона 24 ноября 1905 г. авторитетнѣйшимъ образомъ подтверждается „меморіей совѣта министровъ по проэкту временныхъ правилъ о періодической печати“, въ которой буквально сказано: „...*Судъ не можетъ преслѣдовать такъ называемаго вреднаго направленія,* вслѣдствіе шаткости и неопредѣленности этого понятія. Судебное установленіе можетъ вести борьбу лишь съ предусмотрѣнными въ законѣ преступными фактами, признаки которыхъ должны быть точно опредѣлены“.

Въ виду изложеннаго, а также присоединяясь къ жалобѣ г. Горбунова, прошу приговоръ с.-петербургской судебной палаты отъ 1-го іюня 1906 г., въ части, касающейся прекращенія изданія газеты „Реформа“, отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ другой составъ присутствія.

IX.

Въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената.

Повѣреннаго редактора-издателя газеты „Свобода“ Н. Н. Николаева, присяжнаго повѣреннаго * * *

ЧАСТНАЯ ЖАЛОБА.

С.-Петербургская судебная палата въ распорядительномъ засѣданіи *** декабря сего года, между прочимъ, опредѣлила: „руководствуясь п. а ст. 9, 10, 11 и 14 отд. VII временныхъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ, пріостановить изданіе газеты „Свобода“, въ виду важности учиненнаго въ ней преступнаго дѣянія, впредь до судебнаго приговора по настоящему дѣлу“.

Эту часть опредѣленія я нахожу неправильной по слѣдующимъ основаніямъ.

Законъ (врем. прав. о поврем. печ. отд. VII, ст. 11 и 14), говоря о томъ, что судъ можетъ пріостановить изданіе до судебнаго приговора, очевидно, отнюдь не имѣетъ этимъ въ виду предоставить судебнымъ мѣстамъ безконтрольное право усмотрѣнія. Постановлен суда о пріостановленіи изданія, какъ и вс кое судебное опредѣленіе, должно быть, к нечно, мотивировано, ибо даже въ област

административныхъ распоряженій и при томъ въ наиболѣе острыхъ случаяхъ, всегда приводятся мотивы и причины примѣненія закона: „въ виду непрекращающихся волненій... объявляется военное положеніе“; или въ частности, относительно повременной печати: даже при дѣйствіи „уст. о цензурѣ и печати“ административные органы при наложеніи тѣхъ или иныхъ взысканій на изданія всегда указывали мотивы репрессіи, хотя бы въ такой общей формулѣ, какъ: „въ виду вреднаго направленія“. Само собою разумѣется, что съ изданіемъ закона 24 ноября 1905 г., отмѣнившаго административныя взысканія, налагаемыя на повременныя изданія (отд. I) и установившаго отвѣтственность за преступныя дѣянія, учиненныя посредствомъ печати въ повременныхъ изданіяхъ, въ порядкѣ судебномъ (отд. IV),—общее правило о мотивированіи судебныхъ опредѣленій должно быть соблюдаемо съ неуклонной и ясной послѣдовательностью.

Отсюда вытекаетъ и второе положеніе, что общее правило относительно опредѣленій судебныхъ мѣстъ, требующее отъ нихъ, по выраженію Сената, „правильности приведенныхъ въ нихъ соображеній и логической и юридической основательности и заключеній, дѣлаемыхъ изъ этихъ соображеній“ (рѣш. угол. касс. д-та 1899 г. № 45) — примѣнимо въ полной мѣрѣ и къ опредѣленіямъ, поста-

новляемымъ при примѣненіи судебными мѣстами закона 24 ноября 1905 г.

Обращаясь къ опредѣленію с.-петербургской судебной палаты отъ *** декабря 1905 г., надо признать, что мотивировка въ немъ приведена: „пріостановить изданіе газеты въ виду важности учиненнаго въ ней дѣянія“. Но признать эту мотивировку правильной и законной никоимъ образомъ невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ. Изъ тѣхъ самыхъ статей закона 24 ноября 1905 г., на которыя ссылается палата, явствуетъ, что мѣры, указанныя въ ст. 9, 11 и 14 отд. VII — суть мѣры пресѣченія преступленій, совершаемыхъ повременными изданіями. Арестъ напр. на отдѣльные №№ налагается, когда въ содержаніи номера замѣчаются признаки преступленія (ст. 9). Наложеніемъ ареста преступленіе пресѣкается, ибо № распространяться не будетъ (ст. 15). Въ силу ст. 11 и 14 судъ, утверждая арестъ, можетъ постановить и пріостановленіе изданія. Уже изъ одного того, что о пріостановленіи изданія говорится въ связи съ арестомъ, слѣдуетъ, что и причины пріостановленія суть того-же рода, что причины ареста изданія: необходимость пресѣчь преступленіе. Если напр. въ статьѣ, заключающей признаки преступнаго дѣянія, газ[illegible] заявляетъ, что взгляды этой статьи буду[illegible] развиты въ цѣломъ рядѣ другихъ статей, ясно, что подвергнувъ № съ первой стат[illegible]

аресту, можетъ явиться необходимость пріостановить изданіе до судебнаго приговора, ибо преступное дѣяніе, устраненное сегодня, совершится завтра, послѣзавтра и т. д. Или если подъ статьей, признанной преступной, напечатано „продолженіе слѣдуетъ“. Или если газета прямо заявляетъ (какъ это сдѣлалъ въ 60-хъ годахъ въ „Моск. Вѣд.“ Катковъ), что, не смотря на кары, она все-таки будетъ печатать запрещенное,—во всѣхъ этихъ случаяхъ возможно примѣненіе ст. 11 и 14 отд. VII закона 24 ноября 1905 г. Но именно этимъ принципамъ, вытекающимъ какъ изъ буквальнаго смысла статей „врем. правилъ“, такъ и изъ общаго ихъ духа, опредѣляемаго словами закона, что „правилами этими устраняется примѣненіе въ области періодической печати административнаго воздѣйствія съ возстановленіемъ порядка разрѣшенія судомъ дѣлъ о совершенныхъ путемъ печатнаго слова преступныхъ дѣяніяхъ“,—этимъ принципамъ противорѣчитъ опредѣленіе судебной палаты отъ *** декабря 1905 года. Палата пріостанавливаетъ изданіе не изъ соображеній возможности совершенія газетой преступныхъ дѣяній въ будущемъ, а за уже *совершенное*, учиненное дѣяніе, т. е. приговариваетъ изданіе къ *наказанію*.

Но само собою разумѣется, что приговоръ, поставленный съ нарушеніемъ всѣхъ законовъ, гарантированныхъ уст. уг. суд. — безъ

выслушанія подсудимаго, безъ всякаго слѣдствія,—не можетъ стать законнымъ отъ того, что палата назвала его „опредѣленіемъ“. Подъ „порядкомъ разрѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ печати судомъ“ „правила 24 ноября“ разумѣютъ нѣчто противоположное „административному воздѣйствію“, а не то же „воздѣйствіе“, но учиненное другимъ вѣдомствомъ. Въ законѣ 24 ноября, въ ст. 14 отд. VI имѣется ссылка на ст. 1213^2 уст. уг. суд., каковая статья въ свою очередь ссылается на ст. 1046 улож. о нак., которая говоритъ, что опредѣлять запрещеніе на органъ повременнаго изданія за обнаруженное въ немъ преступленіе суду предоставляется „при назначеніи наказанія“, не раньше; при чемъ принятіе этихъ „чрезвычайныхъ мѣръ, какъ имѣющихъ общее для всей печати значеніе, можетъ быть допускаемо съ крайней осмотрительностью и только въ случаѣ явной къ тому необходимости“ (1867 г. № 2 д. Арсеньева, пригов.). Такимъ образомъ, пріостановленіе изданія, опредѣляемое судомъ при назначеніи наказанія, т. е. *послѣ* производства предварительнаго и судебнаго слѣдствія, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла,—должно быть дѣлаемо съ „крайней осмотрительностью“.

Эта осмотрительность, которую рекомендовалъ сенатъ во времена „административнаг воздѣйствія“, едва ли перестала быть умѣст ной съ изданіемъ Манифеста 17 октября

вслѣдствіе коего населеніе получило „незыблемыя основы гражданской свободы, однимъ изъ условій коей является свобода слова“ (собр. узак. и расп. Прав. № 226, ст. 1879).

Въ виду всего вышеизложеннаго и находя, что опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты отъ *** декабря 1905 г. въ части, касающейся пріостановленія изданія газеты „Свобода“ впредь до судебнаго приговора, неправильно, прошу, на основаніи ст. 893 уст. уг. суд., означенное опредѣленіе отмѣнить.

С.-Петербургъ,
1905 г., декабря дня.

Кассаціонныя рѣшенія.

20

1869 г., № 826, по дѣлу Боровскаго.

Окружный судъ при постановкѣ вопросовъ не обязанъ безусловно придерживаться того опредѣленія свойства преступленія, которое сдѣлано судебной палатой (рѣш. уг. кас. деп. 1868 г., № 389).

1870 г., № 764, по дѣлу Мельмана.

...762 ст. уст. уг. суд. предоставляетъ сторонамъ возражать противъ постановленныхъ судомъ вопросовъ.

...Хотя вышеупомянутыя статьи закона помѣщены въ раздѣлѣ о порядкѣ производства дѣлъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, но, какъ это разъяснено рѣшеніемъ угол. касс. деп. по дѣлу Горсоева (1869 г., № 871), онѣ обязательны въ равной мѣрѣ и для дѣлъ, производящихся безъ участія присяжныхъ, т. к. правильность постановки вопроса и право сторонъ представлять противъ нихъ возраженія принадлежатъ къ числу существеннѣйшихъ условій, ограждающихъ правильность приговора.

1870 г., № 1521, по дѣлу Донцева и Бабичевой.

...Донцевъ и Бабичева были преданы суду по обвиненію въ томъ, что они по предварительному соглашенію совершили убійство Донцевой, посему судъ, на точномъ основаніи 758 ст. уст. угол. суд., обязанъ былъ поставить отдѣльно вопросъ о степени участія Донцева въ этомъ преступленіи, а посему отказъ суда защитнику Донцева въ постановкѣ вопроса о томъ, не виновенъ ли Донцевъ только въ пособничествѣ, представляется тѣмъ болѣе неправильнымъ, что въ предложенныхъ судомъ вопросахъ не изложено никакихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ можно было бы вывести правильное заключеніе о мѣрѣ участія Донцева и о томъ, дѣйствовалъ ли онъ по предварительному съ Бабичевой соглашенію, или безъ сего соглашенія; при такой неполнотѣ рѣшенія присяжныхъ оно не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія.

1874 г., № 97, по дѣлу Морткина, Егорова и др.

...Признавъ показаніе сего свидѣтеля несущественнымъ, судъ имѣлъ право отказать въ прочтеніи этого показанія; но при этомъ должно замѣтить, что, выслушавъ по означенному предмету заявленіе сторонъ и войдя въ обсужденіе вопроса о существенности или не существенности показанія Моникова, суду надлежало, въ постановленное имъ по этому вопросу опредѣленіе, внесенное въ протоколъ судебнаго засѣданія, включить и основанія, по которымъ онъ не призналъ показанія Моникова заключающимъ въ себѣ особенную важность.

1874 г., № 342, по дѣлу Колтунова и Николенко.

Причиной неявки свидѣтеля было, какъ значится въ протоколѣ, неврученіе ему повѣстки, и могло лишь, за силою ст. 388 и 642 уст. уг. суд., освобождать свидѣтеля отъ взысканія за неявку, но не давало суду права на разсмотрѣніе дѣла безъ этого свидѣтеля, если не было другихъ законныхъ основаній для продолженія засѣданія; приведеное въ протоколѣ суда о продолженіи засѣданія и о прочтеніи показанія свидѣтеля основаніе, заключающееся въ томъ, что свидѣтель живетъ въ другомъ судебномъ округѣ, также не можетъ быть признано подходящимъ къ числу основаній, указанныхъ въ 626 и 2 п. 642 ст. уст. уг. суд., т. к. нахожденіе свидѣтеля въ другомъ судебномъ округѣ въ такомъ только случаѣ признается законной причиной, дающей право на прочтеніе его показанія, когда онъ при томъ находится въ такомъ дальнемъ разстояніи, что не можетъ безъ особыхъ затрудненій явиться по вызову; но чтобы свидѣтель въ данномъ случаѣ находился въ такомъ именно положеніи, не только не признано судомъ, но вопросъ этотъ и не могъ по настоящему дѣлу быть разрѣшенъ судомъ вполнѣ правильно, какъ по неврученію свидѣтелю повѣстки и неимѣнію отъ него отзыва, такъ и по случаю устраненія подсудимаго отъ объясненія по этому предмету.

1874 г., № 733, по дѣлу Петрова.

Если прижитіе дѣтей, при любовной связи неженатаго лица съ незамужней женщиной, влечетъ за собою для отца уголовную отвѣтственность по 2 ч. ст. 994 улож., то судъ, по точному смыслу указанной имъ самимъ ст. 718 уст. уг. суд., не вправѣ былъ преградить Петрову возможность доказывать свидѣтельствомъ постороннихъ лицъ легкое поведеніе Фроловой въ продолженіи того самаго времени, когда по показанію ея, она находилась въ противозаконномъ сожитіи съ Петровымъ, ибо, въ виду существенныхъ признаковъ дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 994 улож., удостовѣреніе подобнаго событія не могло составлять обстоятельства, посторонняго данному дѣлу.

1875 г., № 28, по дѣлу Шульгина.

Судъ оставилъ безъ всякаго обсужденія просьбу подсудимаго Тимофея Шульгина о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, указанныхъ другимъ подсудимымъ, Василіемъ Горловымъ, въ его заявленіи суду; это упущеніе суда составляетъ существенное нарушеніе 575 ст. уст. уг. суд.

1878 г., № 34, по дѣлу дочери капитана Вѣры Засуличъ.

Очевидно, что устраненіе судомъ цѣлаго ряда свидѣтелей, могущихъ по мнѣнію защитника подсудимой Засуличъ, свидѣтельствовать о такихъ

обстоятельствахъ, которыя могли служить, если не къ совершенному оправданію, то къ смягченію ея вины, должно служить достаточнымъ основаніемъ къ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ правильности такого опредѣленія суда. Впрочемъ такое положеніе было уже высказано въ рѣшеніи Сената 1874 г., № 733 по дѣлу купца Петрова. Не подлежитъ сомнѣнію, что обстоятельства, уничтожающія или смягчающія вину подсудимаго по уложенію о наказаніяхъ, или по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, подлежатъ разслѣдованію чрезъ вызовъ, по просьбѣ подсудимаго, новыхъ свидѣтелей.

1879 г., № 27, по дѣлу Гершковичей.

Правит. Сенатъ находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ разъяснить судебной палатѣ неправильность опредѣленія ея объ истребованіи отъ подсудимыхъ Гершковичей залога при принятіи кассац. ихъ жалобы, ибо, какъ по силѣ примѣчанія къ ст. 910 ус. уг. суд, изд. 1876 г., неизмѣнному въ этомъ отношеніи закономъ 10/22 іюня 1877 г. (рѣш. 1877 г., № 87 Блейхеръ) отъ представленія залога при кассац. жалобахъ освобождены подсудимые, приносящіе жалобы на приговоры, постановленные съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а т. к. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей переданы дѣла, разсматривавшіяся до изданія сего закона, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и въ самомъ законѣ этомъ не установлено особаго правила о представленіи за-

лога при жалобахъ подсудимыхъ на приговоры судебныхъ палатъ, постановленные съ участіемъ сословныхъ представителей, то за симъ нѣтъ законнаго основанія требовать отъ подсудимыхъ, приносящихъ жалобы на эти приговоры, представленія залога, установленнаго примѣчаніемъ къ 910 ст. уст. уг. суд.

1880 г., № 13, по вопросу о порядкѣ вызова свидѣтелей къ судебному слѣдствію.

Правит. Сенатъ находитъ, что его разрѣшенію, въ силу ст. IV Высочайше утвержденнаго 10/22 іюня 1877 г. мнѣнія государственнаго совѣта, подлежитъ вопросъ о томъ, обязана ли полиція при исполненіи порученій суда о вызовѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, въ случаѣ отлучки свидѣтеля изъ указаннаго въ повѣсткѣ мѣста жительства и неимѣнія точныхъ свѣдѣній о пребываніи его въ другомъ мѣстѣ (и при томъ въ предѣлахъ того судебнаго округа, въ которомъ засѣдаетъ вызывающій его судъ) немедленно довести о томъ до свѣдѣнія суда, съ возвращеніемъ повѣстки, или же на полиціи лежитъ обязанность произвести розыскъ такого свидѣтеля и препроводитъ вызывную повѣстку въ новое предполагаемое мѣсто его нахожденія? Обращаясь къ обсужденію сего вопроса въ предѣлахъ дѣйствующихъ законовъ, Правит. Сенатъ находитъ, что, на основаніи 581 ст. уст. уг. суд., порядокъ вызова свидѣтелей въ судебное засѣданіе ни въ чемъ не отличается отъ порядка вызова свидѣтелей къ предварительному слѣдствію, а этотъ послѣдній, по силѣ 485 ст. того же устава производится на томъ же основаніи, какъ и при

зывъ обвиняемаго къ слѣдствію (ст. 377—386). Точный и буквальный смыслъ приведенныхъ законоположеній въ связи съ постановленіемъ 386 ст. уст. уг. суд., изъ содержанія которой явствуетъ, что полиція должна принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ розыску обвиняемаго, т. к. лишь при неоткрытіи мѣстопребыванія его, она сообщаетъ о томъ судебному слѣдователю, который представляетъ суду о сыскѣ обвиняемаго чрезъ публикацію, приводитъ къ заключенію, что полиція при исполненіи порученій какъ судебнаго слѣдователя, такъ и суда о вызовѣ свидѣтелей, не вправѣ ограничиваться одною передачею повѣстки по означенному въ оной мѣсту жительства свидѣтеля и въ случаѣ его отсутствія, или признанія сообщеннаго свѣдѣнія о новомъ его мѣстонахожденіи не точнымъ, возвратить таковую повѣстку по принадлежности, а обязана произвести розыскъ отсутствующаго свидѣтеля путемъ повѣрки собранныхъ при этомъ данныхъ и, затѣмъ, препроводить повѣстку по тому указанію, которое будетъ признано ею болѣе достовѣрнымъ. Заключеніе это, по отношенію къ порядку вызова свидѣтелей въ судебное засѣданіе оправдывается, кромѣ того, коренными началами, принятыми судебными уставами 20 ноября 1864 г. Установляя, что задача судебнаго слѣдствія должна составлять въ повѣркѣ и разъясненіи добытыхъ при предварительномъ слѣдствіи доказательствъ и уликъ и относя къ существеннымъ условіямъ производства дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ устность суда и судебное состязаніе сторонъ, законъ, подъ страхомъ взысканія, обязываетъ вызываемыхъ свидѣтелей къ личной явкѣ въ судъ, для дачи показанія по дѣлу и предоставленія сторонамъ возможности, посредствомъ перекрестнаго допроса, разъяснить обстоятельства, служащія къ оправданію или обви-

ненію подсудимаго (ст. 625,630, 643 и 645 у. у. с.). Изъ этого общаго правила законъ дѣлаетъ изъятіе лишь въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ, допуская прочтеніе въ судебномъ засѣданіи показаній свидѣтелей, неявившихся въ судъ за смертью, болѣзнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою (ст. 626 того же устава). Къ этой послѣдней категоріи относятся свидѣтели, проживающіе въ другомъ судебномъ округѣ, но, притомъ, въ такой отдаленности, что имъ безъ особаго затрудненія явиться въ судъ невозможно (п. 2 ст. 642). Такимъ образомъ и условія производства уголовныхъ дѣлъ въ судебномъ засѣданіи, равно какъ и послѣдствія неявки свидѣтелей, опредѣленныя въ ст. 640 и 641 уст. уг. суд., не исключаютъ необходимости исполненія полиціею лежащихъ на ней обязанностей относительно принятія мѣръ къ розыску вызываемыхъ судомъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и тѣхъ, кои проживаютъ въ другомъ судебномъ округѣ, ибо, при неврученіи повѣстки свидѣтелю, находящемуся въ другомъ судебномъ округѣ, и неимѣніи отъ него отзыва, вопросъ о примѣненіи 626 ст. у. у. с. не можетъ быть разрѣшенъ судомъ вполнѣ правильно (рѣш. уг. кас. деп. 1874 г. № 342 по дѣлу Колтунова и Николенко). Допустить, что розыскъ отсутствующаго свидѣтеля долженъ быть производимъ не иначе, какъ по требованію вызывающаго его суда, не представляется законнаго основанія, во первыхъ потому, что, при наличіи указанія о новомъ мѣстопребываніи свидѣтеля, судъ не вправѣ оставить это указаніе безъ надлежащаго изслѣдованія черезъ полицію, т. к. въ противномъ случаѣ такое дѣйствіе суда было бы равносильно невызову свидѣтеля, и во вторыхъ потому, что послѣдствія неявки свидѣтеля могутъ быть обсуждаемы судомъ лишь въ судебномъ за-

сѣданіи по выслушаніи объясненій сторонъ (ст. 640 у. у. с.); во время же приготовительныхъ къ суду распоряженій, суду не предоставлено права входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, на сколько показаніе свидѣтеля, отсутствующаго изъ указаннаго въ повѣсткѣ мѣста жительства, является существеннымъ для дѣла, и личная его явка необходимою.

1884 г., № 50, по дѣлу Кайрукшты.

. . .Неучаствовавшее по дѣлу лицо можетъ подавать, съ соблюденіемъ установленнаго закономъ порядка, жалобы на состоявшійся судебный приговоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ обязываетъ такое, неучаствовавшее въ дѣлѣ, лицо совершить тѣ или другія дѣйствія или не препятствовать совершенію этихъ дѣйствій.

1890 г., № 32, по дѣлу Акимова и др.

Въ силу ст. 751 у. у. с., основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но и судебное слѣдствіе вмѣстѣ съ заключительными преніями, въ чемъ онѣ развиваютъ, дополняютъ и измѣняютъ эти выводы.

Будучи не простой повѣркой обвинительнаго акта, а представляя полную разработку доказательствъ виновности и невиновности подсудимаго по основаніямъ и поводамъ, даннымъ этимъ актомъ, судебное слѣдствіе можетъ служить источникомъ вопросовъ, непредусмотрѣнныхъ факти-

ческой стороной обвинительнаго акта, но вытекающихъ изъ существа доказательствъ, предъявленныхъ и провѣренныхъ на судебномъ слѣдствіи. Поэтому Правит. Сенатомъ, въ рѣшеніяхъ 1867 г. № 492 и 1868 г. № 47, разъяснено, что согласно ст. 751 уст. уг. суд., постановка новаго, дополнительнаго вопроса можетъ быть допущена лишь при предъявленіи и провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи фактическихъ обстоятельствъ, служащихъ его основаніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Правит. Сенатомъ признано, что постановка дополнительнаго вопроса объ обстоятельствѣ, о которомъ стороны упоминали только въ преніяхъ, но которое не подтверждается доводами, почерпнутыми изъ судебнаго слѣдствія, — составляетъ нарушеніе 751 ст. уст. уг. суд. (1874 г. № 534). Постановка дополнительнаго вопроса, хотя бы и основаннаго на доказательствахъ, бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія и послѣдовавшихъ затѣмъ преній сторонъ, ограничивается лишь требованіями 752 ст. у. у. с., въ силу которой о преступномъ дѣяніи, непредусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи, вопросъ не предлагается, если оно по закону подвергаетъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ дѣяніе, въ томъ актѣ указанное. Запрещеніе, содержащееся въ 752 ст. у. у. с., не распространяется однако на постановку вопросовъ, коими устанавливается новое, хотя и отягчающее вину обстоятельство, если послѣднее не измѣняетъ ни сущности, ни свойства предусмотрѣннаго въ обвинительномъ актѣ преступленія, а лишь опредѣляетъ съ большею точностью характеръ онаго (1870 г. № 454). Поэтому, если преступное дѣяніе, раскрытое судебнымъ слѣдствіемъ однородно и равнозначуще по сопровождающему его наказанію съ тѣмъ, о которомъ говорится въ обвинительномъ актѣ, то дополни-

тельный вопросъ объ этомъ дѣяніи можетъ быть поставленъ безъ нарушенія правъ подсудимаго, если только доказательства, послужившія ему основаніемъ, были предметомъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній. Вслѣдствіе сего, требованіе сторонъ о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ о такомъ преступномъ дѣяніи должно быть признаваемо законнымъ и подлежащимъ удовлетворенію со стороны суда, отказъ же послѣдняго въ семъ требованіи неправильнымъ.

1891 г., № 7, по дѣлу Ивана и Петра Сушкиныхъ.

Подсудимые, какъ усматривается изъ подлиннаго производства палаты, по объявленіи имъ отказа палаты въ означенномъ вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ, ходатайствовали: или вызвать этихъ свидѣтелей и экспертовъ на ихъ счетъ, или, какъ ходатайствовалъ Петръ Сушкинъ, предоставить право пригласить ихъ отъ себя, т. е. избраніе того или другого способа отдавали на усмотрѣніе палаты, и слѣдовательно сами не усматривали стѣсненія своихъ правъ въ случаѣ избранія палатой и менѣе удобнаго для нихъ способа; что же касается объясненія повѣренныхъ подсудимыхъ, что подсудимые не могли воспользоваться предоставленнымъ имъ палатою правомъ на приглашеніе свидѣтеля за позднимъ объявленіемъ о таковомъ опредѣленіи палаты, то во все время разсмотрѣнія дѣла въ палатѣ, какъ видно изъ протокола судебнаго засѣданія, ни подсудимые Сушкины, ни ихъ защитники никакихъ заявленій по поводу неявки нѣкоторыхъ изъ числа этихъ

свидѣтелей не дѣлали и не указывали на то, чтобы они по какимъ либо причинамъ не могли воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ и не просили въ виду сего объ отсрочкѣ засѣданія.

1893 г., № 22, по дѣлу Жилы.

Независимо отъ того означенное опредѣленіе суда заключаетъ внутреннее въ себѣ противорѣчіе, ибо, признавая, что показанія указанныхъ подсудимымъ свидѣтелей не могутъ служить къ опровсрженію данныхъ, послужившихъ къ преданію суду, окружный судъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ подсудимому пригласить этихъ свидѣтелей отъ себя, если онъ находитъ, что показанія эти могутъ служить къ его оправданію, и такимъ образомъ, въ нарушеніе 576 ст. у. у. с., признавалъ возможнымъ допущеніе на судѣ такихъ свидѣтелей, показанія которыхъ, по его же заключенію, не могутъ служить къ разъясненію по дѣлу истины, и въ то же время предоставилъ опредѣленіе значенія этихъ показаній для дѣла усмотрѣнію самого подсудимаго.

1895 г., № 18, по дѣлу Этельсона, Виткинда и др.

Въ отношеніи отказа въ прочтеніи показаній свидѣтелей, вызывавшихся изъ-за границы, Прав. Сенатъ находитъ, что отсутствіе свѣдѣній о времени врученія посланныхъ имъ повѣстокъ не лишало палату права признать ихъ неявку за-

конною, а засимъ и прочесть по требованію сторонъ данныя ими при предварительномъ слѣдствіи показанія. Хотя рѣшеніемъ 1874 г. № 342 и было разъяснено, что неврученіе повѣстки свидѣтелю, проживающему въ другомъ судебномъ округѣ, освобождаетъ его только отъ взысканія за неявку, но не даетъ суду права на прочтеніе его показанія, но разъясненіе это касается только свидѣтелей, проживающихъ въ имперіи и не можетъ быть распространяемо на свидѣтелей, живущихъ за границей, явка которыхъ въ Россію для дачи показаній представляется вообще маловѣроятною, т. к. не можетъ быть сомнѣнія, что всякій изъ нихъ воспользуется предоставленнымъ ему закономъ правомъ не являться по вызову суда (2 п. 642 ст. уст. уг. суд.). Посему нельзя не признать, что палата, отказавъ по настоящему дѣлу въ прочтеніи показаній свидѣтелей, вызывающихся изъ-за границы, нарушила ст. 626 и 2 п. 642 ст. уст. уг. суд.

...Если судебная практика допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣненіе обвиненія согласно даннымъ судебнаго слѣдствія въ смыслѣ усиленія отвѣтственности подсудимаго, то предсѣдатель обязанъ предупредить подсудимаго, что обнаруженныя на судѣ новыя обстоятельства могутъ повлечь за собой усиленіе его уголовной отвѣтственности, и въ случаѣ просьбы подсудимаго пріостановить засѣданіе для предоставленія ему возможности приготовиться къ защитѣ (1868 г. № 72, 1870 г. № 234, 1874 г. № 66).

...На такое распространеніе обвиненія за предѣлы времени, указаннаго въ обвин. актѣ, даже при условіи предупрежденія подсудимаго объ усиленіи грозящей ему по закону отвѣтственности,—чего исполнено не было, не давало палатѣ права, и ссылка ея на обнаруженіе новыхъ дан-

ныхъ, т. к. документы, на основанiи которыхъ палата пришла въ приговорѣ къ заключенiю, что доставленiе Левинсономъ шайкѣ средствъ для совершенiя преступленiй продолжалось до 1889 г., не были новыми, впервые представленными на судебномъ слѣдствiи, а имѣлись уже въ виду при составленiи обвинительнаго акта и были въ немъ съ достаточною полнотой изложены и обсуждены.

1895 г., № 19, по дѣлу Егорова.

Согласно 751 ст. уст. уг. суд. основанiемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также и судебное слѣдствiе, а по ст. 760 того же устава предлагаемые присяжнымъ засѣдателямъ вопросы должны быть излагаемы по существеннымъ признакамъ преступленiя и виновности подсудимаго, причемъ ст. 756 воспрещаетъ соединять такiе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно. Въ неоднократныхъ рѣшенiяхъ Правит. Сената, послѣдовавшихъ въ разъясненiе приведенныхъ положенiй, было высказано, между прочимъ, что содержащiяся въ обвинительномъ актѣ указанiя на статьи закона для суда не обязательны (рѣш. 1872 г. № 1608); что ошибочная ссылка въ обвинительномъ актѣ на уголовный законъ, не соотвѣтствующiй дѣйствительному значенiю дѣянiя подсудимаго, не можетъ стѣснять судъ при предложенiи присяжнымъ засѣдателемъ вопросовъ о виновности подсудимыхъ (рѣш. 1867 г. № 185, 1868 г. № 47 и 389, 1875 г. № 426 и др.); что постановку обвиненiя, по фактическимъ признакамъ

въ обвинительномъ актѣ, судъ можетъ измѣнить въ вопросахъ, сообразно существу того обвиненія и закона, подъ дѣйствіе котораго оно подводится (рѣш. 1870 г. № 453 и др.), и что вообще 751 ст. не требуетъ буквальнаго повторенія въ вопросахъ выводовъ обвинительнаго акта, которые должны служить лишь основаніемъ для постановки вопросовъ (рѣш. 1877 г. № 68). Такимъ образомъ, въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ засѣдателямъ, должны заключаться вполнѣ точные, ясные и опредѣлительные признаки того преступнаго дѣянія, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый.

1899 г., № 45, по дѣлу Савельевыхъ.

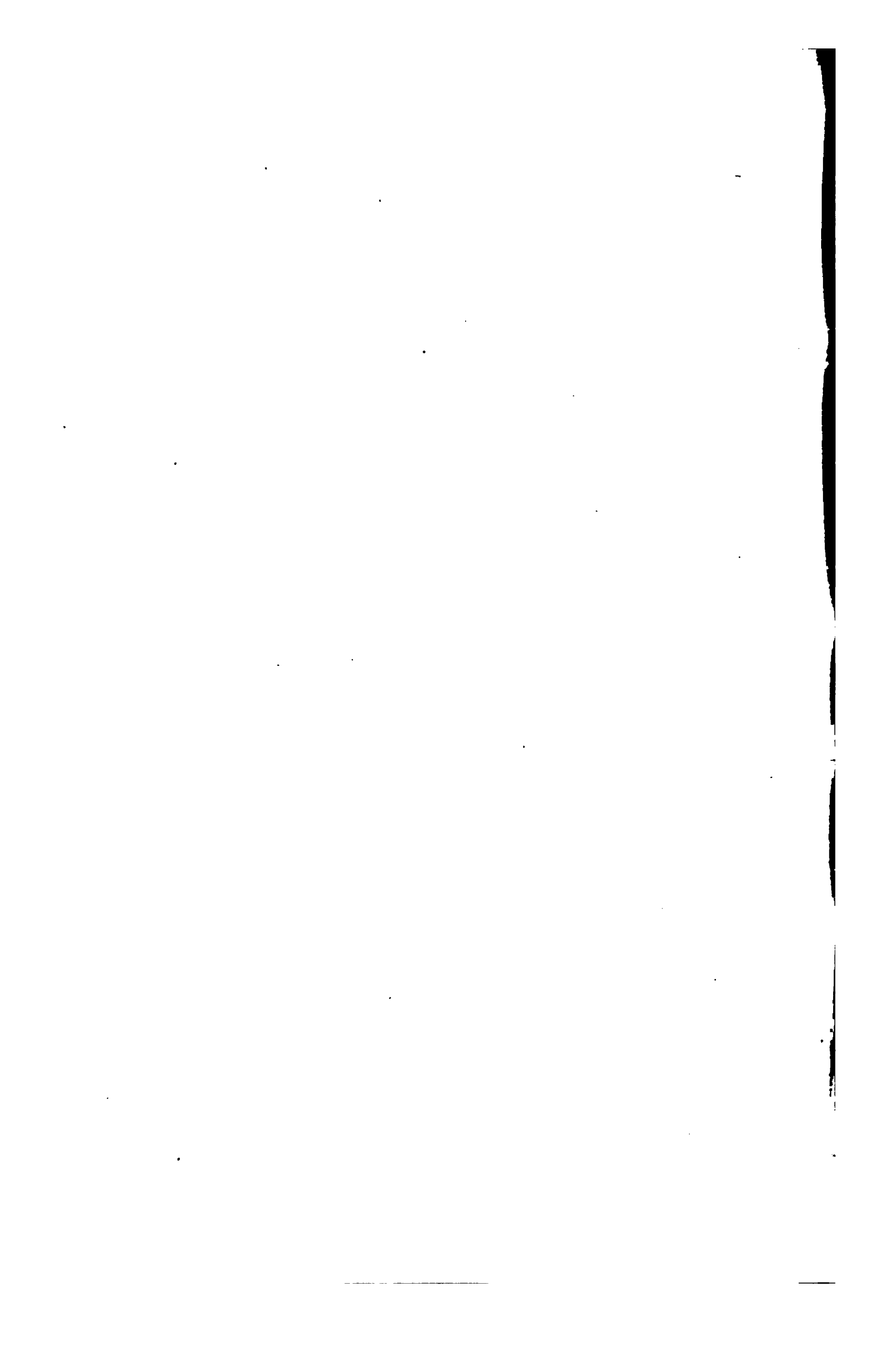
...Переходя за симъ къ разсмотрѣнію кассаціонной жалобы и имѣя въ виду, что хотя Правит. Сенатъ и не входитъ, за силой 5 ст. учр. суд. уст. въ провѣрку опредѣленій судовъ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей съ фактической стороны, т. е. въ провѣрку того, имѣютъ ли значеніе для дѣла, по обстоятельствамъ его, тѣ или другія показанія свидѣтелей, но какъ верховный кассаціонный судъ, наблюдающій за охраненіемъ точной силы закона, Правит. Сенатъ не можетъ оставлять безъ разсмотрѣнія постановляемыхъ судомъ опредѣленій по ходатайствамъ о вызовѣ свидѣтелей со стороны законной; другими словами, не касаясь провѣрки опредѣленій судовъ относительно вызова свидѣтелей со стороны существа дѣла, опредѣленія эти, со стороны правильности приведенныхъ въ нихъ соображеній и логической и юридической основательности заключеній, дѣлаемыхъ изъ этихъ

соображеній, не могутъ не подлежать повѣркѣ. Практики этой Правит. Сенатъ держался постоянно, и посему имъ были отмѣняемы приговоры судовъ, когда въ опредѣленіяхъ судовъ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей не было, напр., указано достаточныхъ основаній и не отвергнута важность тѣхъ обстоятельствъ, для подтверженія или опроверженія которыхъ подсудимые домогались допроса свидѣтелей (рѣш. Прав. Сен. 1878 г. № 11). Вмѣстѣ съ этимъ Правит. Сенать находитъ, что устраненіе такихъ свидѣтелей, которые могутъ показать объ обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину (рѣш. Прав. Сен. 1874 г. № 733, 1878 г. № 34) или такихъ, которые выставляются въ опроверженіи указаній обвинительнаго акта, или показаній, которыя могутъ касаться существенныхъ признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, служатъ основаніемъ къ разсмотрѣнію опредѣленій судовъ о вызовѣ свидѣтелей въ кассаціонномъ порядкѣ. Взглядъ этотъ, хотя и высказанъ былъ Правит. Сенатомъ до 18 марта 1896 г., т. е. до измѣненія редакціи 575 ст. у. у. с., однако не только не утратилъ своего значенія, но напротивъ, съ измѣненіемъ ея, пріобрѣлъ еще большую силу, ибо въ новой редакціи 575 ст. у. у. с. вмѣнено въ обязанность составленіе опредѣленія объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей съ изложеніемъ основаній отказа, каковое опредѣленіе очевидно было бы излишнимъ, если бы не подлежало провѣркѣ даже и со стороны законной; сверхъ сего изъ послѣдовавшихъ въ государственномъ совѣтѣ разсужденій видно, что государст. совѣтъ не только не имѣлъ въ виду расширить правъ суда въ отказѣ въ вызо[illegible] свидѣтелей, но, напротивъ, озабочивался тѣм[illegible] чтобы отказъ этотъ подъ видомъ признаваем[illegible] судомъ несущественности показаній свидѣтел[illegible]

не стѣснялъ бы, безъ дѣйствительной въ томъ надобности, защиту, и потому призналъ необходимымъ, въ огражденіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, постановить, что судъ, при разрѣшеніи ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, принимаетъ въ соображеніе лишь то, могутъ ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащія разъясненію (журн. соед. д-товъ 5 февраля 1896 г.).

Циркулярныя распоряженія по минист. юстиціи ноября 26 дня 1903 г., № 53021.

...Принимая во вниманіе, что присяжные засѣдатели не могутъ быть лишены принадлежащаго всѣмъ вѣрноподданническаго права повергать къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбы о помилованіи или облегченіи участи осужденныхъ, и признавая, съ своей стороны, соотвѣтственнымъ доводить до Высочайшаго свѣдѣнія всѣ подобныя ходатайства, считаю нужнымъ предложить гг. предсѣдателямъ окружныхъ судовъ принять мѣры къ тому, чтобы обращаемыя въ окружные суды просьбы присяжныхъ засѣдателей о облегченіи, въ путяхъ Монаршаго милосердія, участи осужденныхъ представлялись сими судами, примѣнительно къ ст. 945 у. у. с., въ министерство юстиціи, вмѣстѣ съ подлинными производствами, по вступленіи состоявшихся относительно упомянутыхъ осужденныхъ приговоровъ въ законную силу, но до обращенія ихъ къ исполненію.



ГЛАВА VIII.

Нѣкоторыя изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства.

Здѣсь будетъ указано лишь на изъятія, создаваемыя возбужденіемъ уголовныхъ дѣлъ противъ должностныхъ лицъ и на особый порядокъ, созданный закономъ 12 іюля 1889 г.

И по преступленіямъ должности дѣла возбуждаются прежде всего жалобами и объявленіями частныхъ лицъ (ст. 1077 уст. уг. суд.), слѣдовательно, письменная работа криминалиста и здѣсь найдетъ себѣ примѣненіе въ стадіи предварительнаго слѣдствія.

Уголовныя дѣла въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ требуютъ письменной работы, аналогичной съ работой въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ: жалобъ о возбужденіи дѣла, апелляцій, жалобъ въ уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената. Въ учрежденіяхъ, созданныхъ закономъ 12 іюля 1889 г., кассаціонной инстанціей является губернское присутствіе, т. е. многіе *десятки* кассаціонныхъ судовъ, назначеніе коихъ слѣдить за *единообразнымъ*

примѣненіемъ закона. Если бы было нѣсколько Сенатовъ, т. е. учрежденій строго судебныхъ, то все-таки единообразное толкованіе закона едва ли было бы достигнуто. Легко представить и даже не трудно убѣдиться изъ имѣющихся уже въ литературѣ указаній, какая пестрота, неустойчивость и часто произволъ существуютъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ судебно-административныхъ „кассаціонныхъ инстанціяхъ“. При настоящемъ положеніи дѣла— единственный способъ избѣжать произвола губернскихъ присутствій, это—перенесеніе дѣла черезъ министра юстиціи, по соглашенію его съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія перваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Прав. Сената (прим. къ ст. 130 полож. о зем. нач. — особ. прил. III[1] къ IX т. св. зак.).

Способъ трудный, но — что дѣлать — единственный.

Практическіе примѣры.

I.

Въ первый департаментъ Правительствующаго Сената.

Акціонернаго Общества „Пароходное по городу сообщеніе“.

ЖАЛОБА.

Судебная Палата по гражданскому департаменту рѣшеніемъ отъ 10 сент. 1902 г. по иску городской управы къ акціонерному обществу „пароходное по городу сообщеніе“, въ пунктѣ 7-мъ опредѣлила: „изъять изъ владѣнія вышеназваннаго общества и передать городу, въ лицѣ городскаго общественнаго управленія, все имущество этого общества со всѣмъ подвижнымъ составомъ, т. е. со всякаго рода параходами, катерами, пристанями по инвентарю, составленному и подписанному представителями обѣихъ сторонъ въ 1897 г., согласно указанію § 000 договора городской управы съ правленіемъ означеннаго общества отъ 15 іюня 1882 года, а равно

всѣ относящіяся къ предпріятію земли, какъ пріобрѣтенныя въ собственность акціонернымъ обществомъ, такъ и отведенныя обществу городомъ, съ возведенными на нихъ домами, сараями, и со всей матеріальной частью". Нѣсколькими страницами ранѣе, въ томъ же рѣшеніи сказано: „необходимо однако имѣть въ виду, что въ отношеніи подвижного состава истецъ ограничилъ свое требованіе только тѣмъ имуществомъ, которое включено въ инвентари. Съ своей стороны окружный судъ въ разрѣшеніе сего требованія призналъ подлежащимъ передачѣ городу подвижной составъ лишь по инвентарямъ, указаннымъ въ § 000 договора, при чемъ эта часть рѣшенія, какъ не обжалованная городомъ, вошла для него въ окончательную законную силу... Согласно съ симъ, изъ подвижного состава только то имущество, которое вошло въ инвентарь, и можетъ быть присуждено городу... Подвижной составъ, сверхъ указаннаго въ инвентарѣ, признается подлежащимъ оставленію въ распоряженіи общества".

28 ноября 1902 г. Правительствующій Сенатъ, въ судебномъ засѣданіи гражданскаго кассаціоннаго департамента, разсмотрѣвъ жалобу повѣреннаго города, который остался „недоволенъ присужденіемъ городу не всего подвижного состава предпріятія, а, какъ сказано въ рѣшеніи Палаты, по инвентарю, составленному и подписанному представителями

обѣихъ сторонъ“ и найдя, что „жалоба его оказывается лишенной правильнаго основанія,“ призналъ „рѣшеніе палаты не подлежащимъ отмѣнѣ“ (указъ № 0000).

30 ноября 1902 г. правленіе общества отношеніемъ за № 000 просило думу назначить нѣсколько членовъ управы для совмѣстнаго съ правленіемъ обсужденія вопросовъ о передачѣ предпріятія городу.

Но дума въ засѣданіи 1 декабря 1902 г. постановила: „поручить городской управѣ немедленно приступить къ пріему предпріятія акціонернаго общества со всѣмъ принадлежащимъ къ тому предпріятію движимымъ и недвижимымъ имуществомъ“.

Копія этого постановленія думы, съ при ложеніями, на основаніи ст. 76 город. полож., была представлена губернатору. Ликвидаціонная коммиссія подала, на основаніи 143 ст. гор. пол., г. губернатору жалобу, въ которой заявляла, что это постановленіе думы совершенно противорѣчитъ рѣшенію палаты и указу Сената, при чемъ ликвидаціонная коммиссія указывала, что если ясный текстъ рѣшенія палаты возбуждаетъ какое-либо сомнѣніе со стороны городскаго общественнаго управленія, то такъ какъ всякаго рода сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ судебнаго рѣшенія подлежатъ, согласно ст. 964 уст. гражд. суд., разъясненію суда, постановившаго рѣшеніе, то думѣ надлежало поручить управѣ войти въ

судебную палату за истолкованіемъ вопроса о подвижномъ составѣ, а не принимать на себя непредоставленныя ей закономъ функціи судебнаго установленія и разрѣшать собственною властью вопросъ о правѣ гражданскомъ и при томъ въ противорѣчіе съ рѣшеніями высшихъ судебныхъ учрежденій.

Опредѣленіемъ особаго по городскимъ дѣламъ присутствія жалоба ликвидаціонной коммиссіи была оставлена безъ послѣдствій.

17 декабря 1902 года общество получило повѣстки судебныхъ приставовъ о назначеніи исполненія судебнаго рѣшенія на то же 17 декабря.

Такъ какъ у общества оставалось значительное имущество, стоимостью около милліона рублей, именно тотъ подвижной составъ, который, по рѣшенію палаты, какъ не включенный въ инвентарь, „признанъ подлежащимъ оставленію въ распоряженіи общества", то ликвидаціонная коммиссія начала днемъ 16 декабря перевозить въ снятые для сей цѣли на рѣкѣ пристани свое имущество, оставляя городу то, что ему присуждено. Но вечеромъ того же дня полиція остановила транспортъ принадлежащихъ обществу пароходовъ и приказала шкиперамъ вернуться. Помощникъ контролера сталъ протестовать противъ беззаконнаго вмѣшательства полиціи въ хозяйственныя распоряженія общества, но полицейскіе агенты силою увели параходы обратно, за

являя, что они дѣйствуютъ по распоряженію губернатора. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ съ упоминаніемъ, что агенты полиціи дѣйствовали „по распоряженію г. губернатора“. Съ вечера того же дня всѣ пристани общества были оцѣплены густымъ кольцомъ конно-полицейской стражи, не выпускавшей ни одного парохода; эта цѣпь не снималась уже до момента передачи городу имущества. Съ утра 17 декабря полицейскіе агенты были разставлены и на всѣхъ пунктахъ, на которыхъ происходила остановка пароходовъ и силою возвращали пароходы обратно. Въ 9 часовъ утра 18 декабря члены ликвидаціонной коммиссіи обратились съ жалобой на незаконныя дѣйствія полиціи къ г. губернатору, который заявилъ, что онъ никакихъ распоряженій не дѣлалъ и что сами полицейскіе пристава „поусердствовали“; но тѣмъ не менѣе въ теченіи всего дня никакого приказанія чинамъ полиціи о прекращеніи беззаконій дано не было, вновь явившихся членовъ ликвидаціонной коммиссіи г. губернаторъ не принялъ, а ихъ письменная жалоба осталась безъ всякаго распоряженія со стороны начальника полиціи.

Послѣ того, какъ судебные пристава, при содѣйствіи полиціи, забрали все имущество общества, какъ то, которое было присуждено городу, такъ и то, которое составляетъ неотъемлемую собственность общества,—акціо-

неры—германскіе подданные, владѣющіе крупной частью всего предпріятія, обратились въ императорское германское посольство съ просьбой содѣйствовать имъ, чтобы о беззаконіяхъ, учиненныхъ полиціей, было доведено до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ. О дальнѣйшемъ движеніи сего ходатайства мы покорнѣйше просимъ запросить, въ порядкѣ ст. 195 учрежд. Правит. Сената, министерство внутреннихъ дѣлъ,—дабы все производство предстало предъ Правительствующимъ Сенатомъ цѣликомъ и ни одинъ моментъ его не остался, по тѣмъ или инымъ причинамъ, скрытымъ.

Необходимо пояснить, что вышеуказанныя мѣры были предприняты полиціей еще пополудни 16 декабря, когда приставъ части уже запретилъ вывозку имущества изъ парка (о чемъ тогда же былъ составленъ полицейскій протоколъ), между тѣмъ, какъ исполненіе судебнаго рѣшенія было назначено не на 16 декабря, а на 17 декабря (какъ видно изъ прилагаемой повѣстки).

Поэтому полиція не можетъ отговариваться тѣмъ, что она будто бы лишь содѣйствовала власти судебной при исполненіи судебнаго рѣшенія, ибо тогда окажется, что она двое сутокъ „содѣйствовала“ еще не явившейся судебной власти.

Не содѣйствовала она и фактическому владѣльцу, какъ того требуетъ ст. 531 и 532 т. X

ч. I и ст. I уст. о пред. и прес. прест., ибо полиція дѣйствительно должна охранять имущество въ интересахъ фактическаго владѣльца, но таковымъ 16 и 17 декабря было во всякомъ случаѣ общество, а никакъ не городское общественное управленіе; между тѣмъ, именно этому несомнѣнному фактическому владѣльцу полиція воспрепятствовала распоряжаться своимъ собственнымъ имуществомъ.

Еще менѣе основательно было бы примѣненіе къ настоящему случаю ст. 1700[1] улож. о нак., ибо на имущество общества ни во всемъ его составѣ, ни даже на ту часть его, которая должна была перейти къ городу, не было наложено запрещенія или ареста не только „въ установленномъ порядкѣ", какъ того требуетъ ст. 1700[1] улож. о нак., т. е. въ смыслѣ ст. 616—640 уст. гражд. суд., но и въ какомъ бы то ни было порядкѣ.

Такимъ образомъ, подыскать въ законѣ какое-либо оправданіе дѣйствіямъ полиціи рѣшительно невозможно, что, конечно, совершенно естественно, ибо эти дѣйствія были именно незаконны.

Неправильности, допущенныя судебными приставами при исполненіи ими судебнаго рѣшенія, обжалованы нами въ порядкѣ, указанномъ уставомъ гражд. суд.

Незаконность же дѣйствій г. губернатора, превысившаго данную ему власть, усматри-

вается какъ изъ вышеизложеннаго фактическаго и документальнаго матеріала, такъ равно и изъ слѣдующихъ соображеній.

По закону и по разъясненіямъ Правительствующаго Сената (по дѣламъ Граховскаго—1879, № 90,—Штакельберга—1891 г., № 22—и Аристова—1892 г. № 24—(приговоры угол. касс. деп. Прав. Сената) лица, облеченныя властью, обязаны поступать при отправленіи должности съ особой осмотрительностью и осторожностью, соображая свои дѣйствія съ законами и распоряженіями, опредѣляющими предѣлы ихъ власти. Въ существѣ понятія о превышеніи власти лежитъ несогласіе дѣйствій должностного лица съ указаніями закона, который или твердо очерчиваетъ предѣлы и кругъ ихъ дѣятельности, или не предоставляетъ ему права на тѣ или другія дѣйствія или распоряженія. О предѣлахъ власти, предоставленной тому или иному должностному лицу, судъ рѣшаетъ на основаніи объективныхъ постановленій закона, обязательныхъ для всякаго, отправляющаго извѣстную должность, а не на основаніи субъективныхъ воззрѣній должностного лица на свои права и степени его личнаго знакомства съ опредѣляющимъ кругъ его дѣятельности закономъ. Поэтому Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что должностное лицо ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть признаваемо неотвѣтственнымъ за превышеніе власти, со-

дѣянное по незнанію имъ правъ и обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ. Законы же, опредѣляющіе предѣлы и кругъ власти полиціи и губернатора по приведенію въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, а равно въ области имущественныхъ правоотношеній частныхъ лицъ и обществъ, помѣщены въ т. II св. зак. (общ. учр. губ.). Губернаторы должны быть „первые блюстители неприкосновенности... точнаго исполненія законовъ... указовъ Правительствующаго Сената“ (ст. 270). „Будучи только исполнителями и, такъ сказать, оберегателями законовъ“, губернаторы не въ правѣ между прочимъ „измѣнять приговоровъ судебныхъ“ (ст. 274). Власть полицейская „ограничивается наблюденіемъ за точнымъ исполненіемъ... судебныхъ приговоровъ“ (ст. 679), а при приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ и опредѣленій полиція участвуетъ „на основаніи законовъ судопроизводства“ (п. 3 ст. 683). Въ силу же ст. 893 уст. гражд. суд., „рѣшеніе, вступившее въ законную силу, обязательно для всѣхъ... должностныхъ лицъ имперіи“.

По настоящему дѣлу, какъ видно между прочимъ изъ нашей жалобы, г. губернатору было извѣстно, 1) что существуетъ вошедшее въ законную силу рѣшеніе судебной палаты и указъ Правительствующаго Сената, коими часть подвижного состава была признана неотъемлемой собственностью общества и

2) что городское общественное управленіе, за законностью дѣйствій котораго г. губернаторъ, въ силу ст. 864 общ. учр. губ., обязанъ надзирать, постановило въ засѣданіи завладѣть всѣмъ имуществомъ общества; вопреки судебному рѣшенію.

Обязанный, въ силу ст. 1 уст. о пред. и прес. прес. „всѣми зависящими средствами предупреждать и пресѣкать всякія дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію... безопасности имущества", ибо статьей 247 того же устава „насильное завладѣніе воспрещается вообще всѣмъ и каждому, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда бы отнимающій имѣлъ по документамъ, или другимъ какимъ-либо доказательствамъ, поводъ къ присвоенію", г. губернаторъ не только не воспрепятствовалъ совершенію беззаконія, но напротивъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами способствовалъ его осуществленію.

По закону (ст. 708 и 710 уст. о служ., т. III св. зак.), „всякій служащій" обязанъ содержать законы государственные въ „ненарушимой сохранности, яко первый главный предметъ", почему „никто изъ служащихъ не долженъ простирать власти своей за предѣлы, назначенные оной закономъ". Въ частности же губернаторы подвергаются отвѣтственности, „когда позволятъ себѣ неумѣстное вмѣшательство въ дѣла тяжебныя и самовольное отобраніе отъ одного и отдачу другому дви-

жимаго или недвижимаго имѣнія и всякаго рода собственности, въ такихъ дѣлахъ, кои по свойству своему, или начавшемуся уже производству, принадлежатъ разрѣшенію судебнаго мѣста или высшаго правительства" (п. 8 ст. 396 общ. учр. губ.).

Посему на основаніи ст. 2, 83, 96 учр. Прав. Сен. (св. зак. т. I, ч. II), ст. 397 общ. учреж. губ. (св. зак. т. II) и ст. 1077 п. 1, 1085, 1088 п. 3 уст. угол. суд., имѣемъ честь покорнѣйше просить о преданіи г. губернатора суду за преступленія, предусмотрѣнныя ст. 338 и 341 улож. о наказ.

С.-Петербургъ 1902 г.

II.

Господину Министру Юстиціи.

Купца Ивана Ивановича Иванова, жительствующаго въ г. . . . по улицѣ, въ своемъ домѣ. . . .

ПРОШЕНІЕ.

7 сентября 1900 года управляющій промыслами препроводилъ земскому начальнику 2 участка *** уѣзда три акта отъ 15 и 17 мая того же года объ антисанитарномъ содержаніи 150 ямъ на промыслахъ и просилъ привлечь меня къ отвѣтственности по ст. 29, 102 и 111 уст. о нак., при чемъ, въ виду особой важности дѣла, подвергнуть виновнаго высшей мѣрѣ наказанія съ опредѣленіемъ способа уничтоженія за счетъ виновнаго гніющей въ ямахъ рыбы.

По указанію обвинителей, въ ямахъ было зарыто 10—15 милліоновъ рыбъ, что составляетъ около 200000 пудовъ рыбьяго мяса, расходъ по уничтоженію какового огромнаго количества зарытой въ землѣ рыбы превышаетъ въ нѣсколько десятковъ разъ сумму въ 300 рублей,—почему и на основаніи ст., 26 уст. о нак. нал. мир. суд., 162 и 163 прав. о произ. суд. дѣлъ, я заявилъ отводъ о неподсудности настоящаго дѣла земскому на-

чальнику. Хотя при разсмотрѣніи дѣла не только губернскимъ присутствіемъ, но еще ранѣе того, съѣздомъ земскихъ начальниковъ, въ дѣлѣ имѣлись уже подлинныя квитанціи казначейства, удостовѣряющія, что расходы превысили 30.000 рублей, тѣмъ не менѣе отводъ мой о неподсудности, своевременно повторенный въ каждой инстанціи, былъ всѣми ими, не исключая и губернскаго присутствія, оставленъ безъ уваженія, на томъ основаніи, что, въ силу Высочайшаго повелѣнія, всѣ расходы по приведенію рыбныхъ промысловъ въ порядокъ въ санитарномъ отношеніи должны подлежать взысканію съ меня, Иванова; „поэтому размѣръ этихъ расходовъ не можетъ вліять на подсудность дѣла".

Такое постановленіе губернскаго присутствія представляетъ собой неправильное толкованіе и ст. 26 уст. о нак., 162, 163 прав. о произ. и Высочайшаго повелѣнія по настоящему дѣлу.

Въ силу 26 ст. уст. о нак. „. . . . виновные . . . приговариваются къ исполненію . . . . . того, что ими упущено", а по ст. 162 и 163 правилъ, дѣло изъемлется изъ вѣдѣнія земскаго начальника и дѣлается подсуднымъ общ. суд. мѣстамъ, если „исполненіе", указанное въ ст. 26 уст. о нак., влечетъ за собой расходъ болѣе чѣмъ въ 300 рублей, при чемъ размѣръ расхода, а, слѣдовательно и подсудность дѣла, опредѣляется моментомъ

его возбужденія. При принятіи дѣла къ разсмотрѣнію, земскій начальникъ, по силѣ ст. 162 и 163 правилъ, долженъ былъ въ томъ случаѣ, когда онъ удостовѣрился, что расходъ превышаетъ 300 руб., передать дѣло по подсудности, а если не имѣлъ свѣдѣній о размѣрѣ расходовъ,—потребовать таковыя черезъ дополнительное дознаніе. Дѣло однако принято было къ разсмотрѣнію при явныхъ доказательствахъ о томъ, что расходъ превышаетъ 300 руб., безъ всякаго изслѣдованія прямого объ этомъ заявленія моего повѣреннаго, и продолжалось разсмотрѣніемъ въ послѣдующихъ инстанціяхъ, хотя въ дѣлѣ имѣлись уже квитанціи казначейства.

Высочайшимъ повелѣніемъ, на которое ссылается губернское присутствіе, сила этихъ соображеній не колеблется, а укрѣпляется. Высочайшая воля есть законъ, а посему судъ не можетъ Высочайшему повелѣнію, какъ закону, придавать обратное дѣйствіе и распространять его на моменты процесса, опредѣлившіеся до воспослѣдованія повелѣнія, которое состоялось послѣ того, какъ подсудность дѣла должна была уже опредѣлиться, ибо подсудность дѣла опредѣляется только тѣми обстоятельствами, которыя были въ моментъ совершенія проступка, а не тѣми, которыя могли произойти впослѣдствіи (рѣшен. общ. собр. 1874 г., № 22, угол. касс. д-та 1874 г., № 297 и 1895 года, № 32).

Но и помимо соображеній общихъ, т. е. помимо соотношенія между существующими законоположеніями и Высочайшимъ повелѣніемъ, необходимо признать, что оно (повелѣніе) и само по себѣ, по собственному своему смыслу, не могло никоимъ образомъ оказать какое либо вліяніе на подсудность настоящаго дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ: приговоръ обо мнѣ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: изъ опредѣленія наказанія, по ст. 29, 102 и 111 уст. о нак. и изъ присужденія къ возстановленію упущеннаго, по ст. 26 уст. о нак. По толкованію губернскаго присутствія выходитъ, что Высочайшее повелѣніе нужно разсматривать какъ часть судебнаго приговора или какъ замѣну его, ибо ст. 26 уст. о нак. говоритъ, что „*виновные* приговариваются къ исполненію того, что ими упущено", слѣдовательно, если Высочайшее повелѣніе разсматривать какъ приговоръ, то я былъ признанъ виновнымъ еще до суда надо мной. Между тѣмъ судъ земскаго начальника и судъ второй инстанціи состоялся послѣ Выс. пов.—какой же смыслъ имѣло допущеніе дальнѣйшаго теченія дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ. Вѣдь судъ могъ и оправдать меня —тогда создалась бы неумѣстная коллизія двухъ приговоровъ, а обвинивъ, судъ только санкціонировалъ то, что въ его санкціи рѣшительно не нуждалось. Очевидно, что

такого толкованія нельзя придавать Высочайшему повелѣнію. Оно опредѣлило лишь *лицо*, на которое должны быть возложены расходы по исправленію упущеній, но не опредѣлило *размѣра* таковыхъ. Размѣръ конечно долженъ быть опредѣленъ судомъ, ибо это обязанность суда опредѣлить, что составляетъ упущеніе или нарушеніе и что нѣтъ; что подлежитъ исправленію и что нѣтъ. Высочайшее повелѣнію состоялось не въ отмѣну дѣйствующихъ законовъ, а въ дополненіе къ нимъ, оно состоялось до разрѣшенія судомъ вопроса о винѣ или проступкѣ при обнаруженіи упущеній, слѣдовательно дѣйствія общихъ законовъ вовсе не отмѣнены. Смысль Высочайшаго повелѣнія ясенъ: на промыслахъ произошло событіе, которое можетъ повлечь послѣдствія, угрожающія народному здравію; судъ разберетъ, что это было за событіе—несчастіе или проступокъ и кто въ немъ виноватъ; но на это нужно время, а дѣло не терпитъ; и вотъ Монархъ повелѣваетъ: обязать никого иного, какъ Иванова, немедленно устранить вредъ, ибо это случилось на промыслахъ, принадлежащихъ никому иному, какъ Иванову. Вѣдь если бы на моихъ промыслахъ стала въ неблагополучное время гнить рыба въ количествѣ 10 милліоновъ потому ли, что рабочіе, вслѣдствіе паники, стачки или иной причины прекратили работы; или потому, что разливомъ рѣки снесены всѣ

приспособленія для уборки рыбы,—словомъ, если бы состояніе промысловъ стало угрожать народному здравію по причинамъ, отъ владѣльца промысловъ абсолютно независящимъ, то развѣ, въ интересахъ общегосударственныхъ, не могло бы состояться точно такое же распоряженіе Верховной власти, какъ цитируемое повелѣніе. Слѣдовательно, Высочайшее повелѣніе никакого отношенія къ нормальному и законному теченію дѣла имѣть не могло. И до и послѣ Высочайшаго повелѣнія предъ судомъ находилось дѣло, по обвиненію меня по 29, 102 и 111 ст. уст. о нак., съ послѣдствіями по ст. 26 того же устава и ст. 162 и 163 прав., т. е. дѣло, по выраженію Сената, не „маловажное“ (рѣш. угол. касс. д-та 1871 г. № 985 и 1892 г. №6) и потому подсудное общимъ суд. мѣстамъ, ибо расходъ, въ силу 26 ст., превышающій 300 р., есть та грань, которая отдѣляетъ дѣла общихъ суд. мѣстъ отъ „маловажныхъ“ дѣлъ, подсудныхъ земскимъ начальникамъ. Само собою разумѣется, что исчисленіе расхода въ триста рублей и въ тридцать тысячъ рублей дѣлается по однимъ и тѣмъ же четыремъ правиламъ ариѳметики и потому судья, могущій вычислить убытки или упущенія на 300 р., можетъ вычислить убытки и съ большимъ количествомъ нулей. Смыслъ закона о подсудности по 162 и 163 ст. прав. (а также п. 3 ст. 1012 проекта уст. угол. суд. и объя-

сненіе къ нему записки, т. I стр. 205) не въ умноженіи и сложеніи большихъ или меньшихъ цифръ, а единственно въ томъ, что проступки, причинившіе вредъ или потребовавшіе—въ силу-ли закона общаго, или сепаратнаго, т. е. Высочайшаго повелѣнія—возстановленія упущеннаго въ огромныхъ размѣрахъ, что такіе проступки не могутъ считаться маловажными, а земскій начальникъ или мировой судья разбираетъ дѣла только маловажныя.

Если бы изъ кассы Краснаго Креста были похищены 100000 рублей, собранные для голодающихъ, похититель былъ найденъ съ поличнымъ и по Высочайшему повелѣнію деньги немедленно были бы отобраны отъ похитителя, возвращены красному кресту, а похититель преданъ суду, то неужели, въ виду того, что вопросъ о суммѣ и судьбѣ иска уже разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ,—это былъ бы судъ земскаго начальника или мирового судьи?

Такимъ образомъ: 1) важность или маловажность дѣла, т. е. подсудность, опредѣляется обстоятельствами, бывшими при возникновеніи дѣла; настоящее же дѣло поступило къ земскому начальнику до воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія.

2) По закону и даже по собственному выраженію губернскаго присутствія (опредѣленіе, пунктъ I), на подсудность дѣла вліяетъ раз-

мѣръ расходовъ по возстановленію упущеннаго; между тѣмъ Высочайшее повелѣніе указало лишь лицо, съ котораго расходы должны быть взысканы, предоставивъ опредѣленіе ихъ размѣра надлежащему суду.

3) Какъ видно изъ подлиннаго производства по настоящему дѣлу, расходы эти равняются 30.000 рублей,—слѣдовательно такимъ надлежащимъ судомъ долженъ быть судъ окружный, а не земскаго начальника.

Неправильно истолковавъ смыслъ законовъ о подсудности и Высочайшаго повелѣнія, губернское присутствіе допустило и при толкованіи другихъ законовъ цѣлый рядъ неправильностей, изъ коихъ важнѣйшія заключаются въ слѣдующемъ.

При разбирательствѣ настоящаго дѣла въ первой инстанціи земскимъ начальникомъ не былъ допрошенъ ни одинъ изъ свидѣтелей, указанныхъ обвиняемымъ. Съѣздъ земскихъ начальниковъ, въ качествѣ второй инстанціи, призналъ это незаконнымъ и постановилъ допросить всѣхъ свидѣтелей защиты, но при разбирательствѣ дѣла совершилъ въ свою очередь неправильность, постановивъ приговоръ до допроса и до полученія произведенныхъ судебными органами, по порученію самого съѣзда, протоколовъ допросовъ свидѣтелей, показанія коихъ самимъ съѣздомъ признаны были существенными. Губернское присутствіе, признавъ приговоръ, поста-

новленный съѣздомъ ранѣе ознакомленія съ показаніями свидѣтелей, неправильнымъ и посему отмѣнивъ его, по нарушенію 200 и 226 ст. Прав. произв. суд. дѣлъ,—также совершило въ свою очередь новую неправильность тѣмъ, что признало примѣненіе съѣздомъ 29, 102 и 111 ст. уст. о нак. правильнымъ, впавъ этимъ въ непримиримое и едва ли чѣмъ либо устранимое противорѣчіе: ибо, признавъ въ пунктѣ четвертомъ своего опредѣленія, что съѣздъ не могъ до выслушанія свидѣтелей постановить приговоръ, т. е. примѣнить или не примѣнить ту или иную статью,—губернское присутствіе не могло въ пунктахъ девятомъ и четырнадцатомъ того же опредѣленія признать, что тѣ или иныя статьи примѣнены правильно, такъ какъ въ промежутокъ времени между написаніемъ 4-го пункта и 9-го пункта никакихъ новыхъ обстоятельствъ не произошло, свидѣтели продолжали оставаться все-таки недопрошенными, и губернское присутствіе продолжало оставаться въ такомъ же невѣдѣніи относительно того, что эти свидѣтели покажутъ, какъ и съѣздъ,—приговоръ котораго однако губернскимъ присутствіемъ отмѣненъ именно по этой причинѣ.

Такимъ образомъ при будущемъ разсмотрѣніи дѣла въ съѣздѣ, судъ будетъ лишенъ необходимой свободы внутренняго убѣжденія, ибо, съ одной стороны, подчиняясь указу гу-

бернскаго присутствія, онъ долженъ будетъ допросить новыхъ свидѣтелей; съ другой стороны, — что-бы эти свидѣтели не показали, съѣздъ обязанъ во что бы то ни стало примѣнить ст. 29, 102 и 111 уст. о нак., ибо это заранѣе признано правильнымъ кассаціонной инстанціей, надъ съѣздомъ стоящей. Если при такихъ условіяхъ положеніе суда, дорожащаго своимъ достоинствомъ, является неудобнымъ, то положеніе обвиняемаго, участь котораго предопредѣлена, нельзя не признать тяжелымъ и даже безвыходнымъ.

Не смотря на существенную важность сейчасъ приведенныхъ указаній и на то, что по нѣкоторымъ вопросамъ даже въ самомъ губернскомъ присутствіи не могло состояться единогласное рѣшеніе, что видно изъ мотивированнаго особаго мнѣнія члена губернскаго присутствія г. губернскаго предводителя дворянства, я тѣмъ не менѣе не рѣшаюсь настаивать въ настоящее время на немедленномъ устраненіи всѣхъ допущенныхъ губернскимъ присутствіемъ неправильностей, ибо, если бы съѣздъ истолковалъ опредѣленіе присутствія въ смыслѣ обязательности для него примѣненія предъуказанныхъ статей уст. о нак. и будущая жалоба моя на это была бы оставлена губернскимъ присутствіемъ безъ послѣдствій, то только тогда открылся бы передо мной путь, указанный въ прим. къ ст. 130 полож. о зем. нач.

Но за то вполнѣ своевременнымъ является возбужденіе теперь же вопроса о подсудности настоящаго дѣла, ибо въ виду оставленія губернскимъ присутствіемъ моей по этому пункту жалобы безъ послѣдствій, этотъ вопросъ уже не можетъ быть обсуждаемъ подчиненнымъ присутствію съѣздомъ. Между тѣмъ „правилами о подсудности по роду дѣлъ или что тоже по роду и мѣрѣ назначаемыхъ за проступки наказаній, опредѣляется кругъ дѣлъ и степень власти каждаго изъ судебныхъ учрежденій въ отдѣльности, а потому не только сознательно самовольное, но и ошибочное принятіе судьею къ разсмотрѣнію такого дѣла, которое по роду своему ему не подсудно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано дѣйствіемъ терпимымъ и подлежащимъ оставленію въ силѣ со стороны высшаго судебнаго мѣста“ (рѣш. угол. касс. д—та 1899 г., № 11). Вотъ почему, если по вопросу о примѣненіи ст. 29, 102 и 111 уст. о нак. будущій приговоръ съѣзда можетъ быть только *неправильнымъ*, то при неправильной подсудности онъ, какъ постановленный ненадлежащимъ судебнымъ мѣстомъ, будетъ во всякомъ случаѣ *ничтожнымъ*, т. е. излишнимъ и такимъ образомъ вся сложная работа разбирательства по существу въ съѣздѣ и кассаціоннаго разсмотрѣнія присутствіемъ можетъ оказаться напрасной и ненужной, а такое обстоятельство должно быть не исправ-

лено только, а при возможности и предупреждено; поэтому и законъ предоставляетъ отводъ по вопросу о неподсудности, какъ вопросъ публичнаго, а не частнаго права, возбуждать во всякомъ положеніи дѣла.

Вотъ почему настоящей жалобой доводя до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства о неправильномъ истолкованіи губернскимъ присутствіемъ законовъ о подсудности, имѣю честь почтительнѣйше ходатайствовать о передачѣ, на основаніи прим. къ ст. 130 полож. о зем. нач. (особое приложеніе III[1] къ IX т. зак. о сос. по прод. 1890 г.), по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, означеннаго вопроса на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія I-го и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената.

С.-Петербургъ,
1901 г. іюня дня.

Кассаціонныя рѣшенія.

1871 г., № 985, по дѣлу о нарушеніи строительнаго устава правленіемъ общества Александровскаго рынка.

По общимъ началамъ, принятымъ для судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., къ вѣдомству мировыхъ установленій отнесены дѣла маловажныя, какъ по свойству правонарушеній и размѣру наказаній, за нихъ опредѣляемыхъ въ порядкѣ уголовнаго суда, такъ и по цѣнѣ исковъ и требованій, подлежащихъ вообще разрѣшенію въ порядкѣ гражданскаго суда, но разрѣшаемыхъ иногда, какъ послѣдствія преступныхъ дѣяній, уголовнымъ судомъ (уст. уг. суд. ст. 6 и 7; уст. граж. суд. ст. 5 — 7); вслѣдствіе того, въ правилахъ о подсудности уголовныхъ дѣлъ мировымъ установленіямъ (уст. уг. суд. ст. 33 и 34) подсудность эта опредѣляется не только свойствомъ проступковъ, внесенныхъ въ особый уставъ о налагаемыхъ мировыми судьями наказаніяхъ, но также размѣромъ наказанія, налагаемаго закономъ за проступки этого рода, и размѣромъ иска о вознагражденіи за причиненные проступкомъ вредъ или убытки, въ чемъ пограничною чертою между дѣлами мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій служитъ размѣръ иска въ 500 руб., по общему положенію о гражданскихъ искахъ (уст. граж. суд. ст. 29).

...*По количеству же издержекъ* на исправленіе сдѣланныхъ упущеній должно имѣть мѣсто общее правило, что вѣдомству мировыхъ установленій подлежатъ лишь тѣ дѣла, въ коихъ причиненные вредъ и убытки не превышаютъ цѣнностью 500 р. (уст. уг. суд. ст. 34 п. 2); что хотя правило (уст. о нак. ст. 26), опредѣляющее, что виновные въ неисполненіи законныхъ предписаній или требованій присуждаются, независимо отъ взысканій, къ исполненію того, что ими упущено, не указываетъ никакого ограниченія въ этомъ отношеніи, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы власть мировыхъ судей по этому предмету ничѣмъ не была ограничена, а слѣдуетъ только то, что за общимъ положеніемъ о размѣрѣ имущественныхъ исковъ и требованій, могущихъ подлежать разрѣшенію мировыхъ установленій, законодатель не счелъ нужнымъ повторять то же положеніе въ другихъ постановленіяхъ закона.

1874 г., № 297, по дѣлу Гамова.

Уже неоднократно было разъяснено Правит. Сенатомъ, что подсудность дѣла низшему или высшему суду опредѣляется на основаніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣются въ виду при поступленіи дѣла въ судъ; раскрытіе же при судебномъ разбирательствѣ новыхъ обстоятельствъ тогда только измѣняетъ подсудность дѣла, если обстоятельства эти указываютъ на подвѣдомственность его суду высшаго, а не низшаго разряда.

1892 г., № 6, по дѣлу Клепфишъ.

...Мировой съѣздъ допустилъ нарушеніе 26 ст. уст. о нак., и 1 п. 1289 ст. уст. уг. суд., по силѣ котораго дѣла, по роду своему подсудныя мировымъ судебнымъ установленіямъ, изъемлются изъ ихъ вѣдѣнія, между прочимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе за проступокъ сопряжено съ запрещеніемъ производить торговлю или промыселъ, или съ закрытіемъ торговли или промышленнаго заведенія...

...Мировой съѣздъ допустилъ прямое нарушеніе какъ приведенныхъ выше законовъ о подсудности, такъ и 26 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., по силѣ которой мировымъ судебнымъ установленіямъ, хотя и предоставляется приговаривать виновныхъ, независимо отъ взысканій, еще къ исполненію того, что ими упущено, но, очевидно, что мировыя установленія могутъ принимать эти мѣры лишь по дѣламъ, имъ подсуднымъ, и если мѣры эти, по самому свойству и значенію своему, не выходятъ изъ предѣловъ компетенціи мировыхъ учрежденій.

1895 г., № 32, по дѣлу Шашкова.

Подвѣдомственность дѣла тому или другому (и между прочимъ уголовному или гражданскому) суду, какъ неоднократно разъяснено Правит. Сенатомъ, опредѣляется свойствомъ обвиненія въ томъ видѣ, какъ оное предъявлено въ первоначальной жалобѣ или донесеніи (рѣш. 1874 г. № 297; 1875 г. № 106 и др.).

1899 г., № 11, по дѣлу Кÿнлевыхъ.

Правилами о подсудности по роду дѣлъ, или что тоже по роду и мѣрѣ назначаемыхъ за проступки наказаній, опредѣляются кругъ дѣлъ и степень власти каждаго изъ судебныхъ учрежденій въ отдѣльности; а потому не только сознательно самовольное, но и ошибочное принятіе судьею къ разсмотрѣнію такого дѣла, которое, по роду своему, ему не подсудно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано дѣйствіемъ терпимымъ и подлежащимъ оставленію въ силѣ со стороны высшаго, въ порядкѣ подчиненности, судебнаго мѣста, коль скоро въ это послѣднее поступило дѣло въ установленномъ порядкѣ, хотя бы и безъ жалобы которой либо изъ сторонъ спеціально по вопросу о подсудности (ст. 250 учр. суд. устан.), при чемъ правило это, какъ неоднократно уже разъяснялъ Правит. Сенатъ, должно имѣть примѣненіе не только къ тому случаю, когда низшій судъ принялъ къ производству дѣло, подлежащее высшему суду, но и къ тому, когда высшій судъ принялъ дѣло, которое и по обстоятельствамъ, бывшимъ въ виду при возбужденіи его, и по обстоятельствамъ, признаннымъ въ приговорѣ, подсудно суду низшему (рѣш. 1871 г. № 1082; 1876 г. № 320 и др.).

Предметный указатель.

Статьи устава уголовнаго судопроизводства.

Рѣшенія угол. кассаціоннаго департамента.

Годъ.	№№	Стр.
1868	388	57
	770	59
1869	826	307
1870	122	197
	591	67
	764	307
	952	68
	1467	198
	1521	308
1871	8	175
	985	357
	1249	69
1872	233	69
1873	1014	70
1874	20	199
	97	308
	297	358
	342	309
	733	310
1875	24	71
	28	310
	95	200
	217	72
1876	203	73
1877	88	76
1878	34	310
1879	27	311
1880	13	312
1881	27	175
	29	145
1882	32	78
	50	315
1884	11	78
	43	113
1890	17	176, 200
	32	315
1891	7	317
1892	4	201
	6	359
	18	81
	43	82
	59	82
1893	22	318
1895	17	146, 177
	18	318
	19	320
	32	359
1897	15	148
1899	11	360
	16	177
	25	202
	45	321
1900	дѣло Яковлева 11 февраля по II отдѣленію.	80

Циркулярныя распоряженія министерства юстиціи

1900 г. № 37669, стр. 113; 1903 г. № 53021, стр. 323.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

